

АННА АХМАТОВА  
О ПУШКИНЕ

О ПУШКИНЕ

АННА АХМАТОВА



К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ  
А.С.ПУШКИНА



# ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Э.Г.БАБАЕВ,  
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК С.Г.БОЧАРОВ,  
ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РСФСР С.С.ГЕЙЧЕНКО,  
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В.С.ЛИСТОВ,  
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Н.И.МИХАЙЛОВА,  
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК И.А.ПРОХОРОВ,  
И.Б.РОДНЯНСКАЯ,  
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Л.С.СИДЯКОВ,  
А.Е.ТАРХОВ,  
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК С.А.ФОМИЧЕВ

РЕДАКТОР „ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“  
А.Е.ТАРХОВ

РАЗРАБОТКА СЕРИЙНОГО ОФОРМЛЕНИЯ  
Т.А.АРЗАМАСОВОЙ,  
Л.Г.ЕВЗОВИЧА,  
Е.А.СВЯТСКОГО

МОСКВА «КНИГА»

1989—1999

**АННА АХМАТОВА**

**О ПУШКИНЕ**

**СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ**

Издание третье,  
исправленное и дополненное

**МОСКВА «КНИГА»  
1989**



A95  
ББК 83.391.

Составление, послесловие и примечания  
*Э. Г. Герштейн*

Художники:

*Т. А. Арзамасова, Л. Г. Евзович, Е. А. Святский*

4702010201-104  
Л  $\frac{\quad}{002(01)-89}$  Без объявл.

ISBN 5-212-00207-9

© Издательство «Книга», 1989

# СТАТЪИ



# I

## СЛОВО О ПУШКИНЕ

Мой предшественник П. Е. Щеголев<sup>1</sup> кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что *они* сделали с ним, а о том, что *он* сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и неполетик<sup>2</sup>, родственничков Строгановых<sup>3</sup>, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории une affaire de régiment (вопрос чести полка), ханжеских салонов Нессельроде<sup>4</sup> и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к

дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«It faut que j'arrange ma maison <Мне надо привести в порядок мой дом>»,—сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и неаншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевернутыми датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин—или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное,—они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,  
Можете пока спокойно спать.

Сила—право, только ваши дети  
За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный aere perennius<sup>5</sup>.

26 мая 1961

Комарово



# ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА ПУШКИНА

## I

«Сказка о золотом петушке» Пушкина сравнительно мало привлекала внимание исследователей.

В историко-литературных статьях и комментариях мы находим очень скупые и неточные сведения о последней сказке Пушкина (1834 г.).

Отсутствие фабулы «Сказки о золотом петушке» в русском и иностранных фольклорах привело к мысли, что эта сказка имеет литературный источник.

Однако все поиски в течение последних 20—30 лет не увенчались успехом\*.

Попытки найти источник «Сказки о золотом петушке» в сказках «Тысячи и одной ночи» также кончились неудачей.

Мне удалось найти источник «Сказки о золотом петушке». Это — «Легенда об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга из книги «Альгамбра».

Книга Вашингтона Ирвинга „The Alhambra“ вышла в 1832 году в Париже\*\*.

Одновременно в Париже был издан и французский, довольно точный, перевод этой книги\*\*\*.

В числе семи книг Ирвинга в библиотеке Пушкина находится и французское двухтомное издание «Альгамбрских сказок»\*\*\*\*.

\* Указание В. Сиповского (*Сиповский В.* Пушкин: Жизнь и творчество. Спб., 1907. С. 470) на сказку Клингера «Le coq d'or» как на источник «Сказки о золотом петушке» — совершенно неосновательно!

\*\* The Alhambra of the New Sketch Book by Washington Irving. Paris, 1832 (W. Galignani).

\*\*\* Les contes de l'Alhambra précédés d'un voyage dans la province de Grenade; traduits de Washington Irving par m-lle A. Sobry. Paris, 1832 (H. Fournier). Т. I—II.

\*\*\*\* № 1019, «разрезан, помет нет» (см.: *Модзалевский Б.* Библиотека Пушкина. Спб., 1910).

Еще при жизни Пушкина критика отмечала воздействие Вашингтона Ирвинга на автора «Повестей Белкина» (Н. Полевой в «Московском телеграфе» и анонимный рецензент в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» в 1831 г.).

Вопрос о непосредственном влиянии Ирвинга на Пушкина до сих пор остается открытым\*.

Сам Пушкин упоминает об Ирвинге только один раз — в своем пересказе биографии Джона Теннера (1836 г.).

## 2

В 20—30-х годах XIX века Вашингтон Ирвинг был очень популярен в России. Многочисленные переводы его произведений находятся во всех наиболее известных журналах того времени: «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Атенее», «Сыне Отечества», «Телескопе» и «Литературной газете». Поэтому «Альгамбрские сказки» вскоре после того, как были изданы в Париже, сделались предметом обсуждения русских журналов.

Уже в июльском номере «Московского телеграфа», вышедшем в октябре 1832 года, появилась первая рецензия на «Les contes de l'Alhambra».

«В. Ирвинг написал уже: *Историю Колумба, Историю завоевания Гренады*. Теперь он описывает нам свое путешествие в Гренаду, видит в Алгамбре символ владычества и бытия Мавров в Испании и рассказывает суеверные предания, какие воображе-

\* М. П. Алексеев доказал, что «История села Горюхина» Пушкина и «История Нью-Йорка» Ирвинга — вещи одного жанра (см.: К истории села Горюхина // Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2).

ние Испанцев вывело из развалин Дворца Мавританского. Вы читаете сначала путешествие В. Ирвинга по южной Испании; потом подробное описание Алгамбры. Автор поселяется на время в Алгамбре, и разные случаи, разные встречи подают повод к рассказам старых преданий или, лучше сказать, сказок об Алгамбре. Всех сказок семь: *Арабский звездочет*; *История о трех прекрасных принцессах*; *История о принце Ахмеде-аль-Камеле, или Пилигрим любви*; *Наследство Мавра*; *Алгамбрская роза, или Паж и сокол*; *Губернатор Манко и солдат*; *Две статуи*. Что сказать об них? Они все остроумны, и многие занимательны; но все равно, если бы наши Русские сказки начал рассказывать француз: так и В. Ирвинг рассказывает сказки *Мавританские*. Одна из них была переведена в Телескопе, но очень некрасиво, и притом это самая плохая. Лучшие, по нашему мнению: *Арабский звездочет*, *Пилигрим любви*, *Две статуи*, *Паж и сокол* и *Наследство Мавра*. Постараемся перевести которую-нибудь из них для читателей Телеграфа, с Английского подлинника» (с. 250—251).

Перевод одной из «Алгамбрских сказок», о котором рецензент «Московского телеграфа» дал неодобрительный отзыв, был помещен в IX части «Телескопа» (сентябрь): «Губернатор Манко. Из Алгамбры, нового сочинения Вашингтона Ирвинга».

В особом примечании издатель характеризует эту вещь как «народную испанскую сказку, обработанную В. Ирвингом».

Обещанный рецензентом «Московского телеграфа» перевод одной из цикла «Алгамбрских сказок» был напечатан в № 21 и 22 (ноябрь). Это перевод «Истории о принце Ахмеде-аль-Камеле», со следующим примечанием:

«Мы получили повесть сию при письме, в котором г-н переводчик говорит, между прочим, следующее: „В 14-м № Московского Телеграфа упоминаете вы, что намерены перевести для читателей своих одну из *Альгамбрских Повестей*. Не угодно ли будет вам поместить в Телеграфе посылаемую мной повесть из сей книги, которую перевел я уже всю, вполне, и хотел бы знать предварительно, стоит ли перевод мой печатания?“»

Таким образом, «Альгамбрские сказки» были полностью переведены на русский язык вскоре после появления английского и французского изданий. Однако, по неизвестным нам причинам, этот перевод остался ненапечатанным\*.

Наконец, в «Библиотеке для чтения» 1835 года, в IX томе, где впервые была напечатана «Сказка о золотом петушке», появилась статья «Вашингтон Ирвинг», представляющая собой перевод из «*Revue Britannique*» (1834, XII). Здесь дана следующая характеристика «Альгамбрских сказок»:

«„Альгамбрские повести“ непосредственное принадлежат вымыслу <автор статьи сравнивает „Альгамбру“ с „Летописями покорения Гренады“>; но с романтическими преданиями там смешаны путевые воспоминания, в которых и та же свежесть и та же прелесть, что в описаниях *Sketch Book*».

Большая часть «Альгамбрских сказок» — это новеллы о мавританских кладах.

\* Из цикла «Альгамбрских сказок» были напечатаны: в 1835 г. в «Сыне Отечества» (№ 70) — «Альгамбрская роза», в 1836 г. — «Губернатор Манко» («Сорок одна повесть лучших иностранных писателей», ч. IX). Полный перевод «Альгамбры» был издан в 1879 г.: *Ирвинг В.* Путевые очерки и картины / Пер. с англ. А. Глазунов. М., 1879. См. также: *Наследство Мавра и Арабский Астролог. Испанские легенды*: Соч. В. Ирвинга. М., 1889.

В письмах Ирвинга из Альгамбры он неоднократно упоминает о своем проводнике Матео Хименесе, рассказы которого он записал\*.

Впрочем, сам Ирвинг разоблачает свой метод «воссоздания» народных легенд:

«Познакомив... читателя с местностью Альгамбры, я теперь перейду к области чудесных легенд... которые я усердно собирал... пользуясь всевозможными рассказами и малейшими намеками, как пользуется археолог несколькими уцелевшими буквами почти стертой надписи, чтобы восстановить какой-нибудь исторический документ» (гл. «Местные предания»)\*.

\* Письмо Ирвинга из Альгамбры от 15 марта 1828 г.: «...я получил от моего проводника много весьма любопытных подробностей о суверенях, которые существуют среди бедного народа, населяющего Альгамбру и которые касаются ее старых разрушающихся башен. Я записал эти забавные маленькие истории, и он обещал мне сообщить еще другие. Они преимущественно относятся к маврам и богатствам, которые те скрывали в Альгамбре, и к появлению их потревоженных духов среди башен и развалин, где спрятано их золото» (*The Life and Letters of Washington Irving*. London, 1862. Т. I. P. 435).

Один из менее известных «рассказов» Хименеса (со ссылкой на Ирвинга), в качестве «народного», мы находим в «Письмах об Испании» В. П. Боткина (Спб., 1857. С. 412). Ср.: *Ирвинг В.* Путевые очерки и картины. М., 1879. С. 266. В книге Ирвинга этот рассказ представляет собою как бы зерно легенды об арабском звездочете.

\* 19 октября 1830 г. Ирвинг писал из Лондона: «Я закончил три сказки из „Альгамбры“ и работал над тремя другими. Долгоруков, прочитавший законченные, очень одобрительно о них отзываясь, а он по своему знанию страны, тех мест и народа может судить о верности местного колорита этих произведений» (*The Life and Letters of Washington Irving*. Т. I. P. 521).

Кн. Дмитрий Иванович Долгоруков (1797—1867), сын поэта И. М. Долгорукова, был в это время секретарем русского посольства в Лондоне. С Ирвингом Долгоруков подружился в Мадриде, где был аташе русского посольства. До своей дипломатической карьеры Долгоруков писал стихи и был членом общества «Зеленая лампа», где он встречался с Пушкиным. С 4 апреля 1820 г. Долгоруков — чиновник русского посольства в Константинополе (вместе с С. И. Тургеневым и Д. В. Дашковым). В 1821 г. он вернулся в Петербург. В письмах Пушкина к С. И. Тургеневу (из

Кроме цикла новелл о кладах в книге находятся: легенда «История о трех прекраснейших принцессах» и две пародийные волшебные сказки — «Легенда о принце Ахмеде-аль-Камеле» и «Легенда об арабском звездочете».

## 3

Сюжет пародийной «Легенды об арабском звездочете» чрезвычайно сложен, с чудесными происшествиями и со всеми аксессуарами псевдоарабской фантастики, которую сам Ирвинг характеризует как «гарун-аль-рашидовский стиль».

Этой легенде предпослан небольшой пролог, озаглавленный «La maison de la Girouette», в котором Ирвинг пытается связать свою сказку с определенным местом — древним мавританским дворцом в Гренаде, якобы разысканным самим автором. Дворец этот назывался La casa del Gallo de Viento, что, по мнению Ирвинга, значит дом Флюгера (по флюгеру в виде мавританского всадника, бывшего на одной из его башен). Проф. Б. А. Кржевский указал мне, что такого мавританского дворца в Гренаде нет, флюгер по-испански называется jiralda (а не Gallo de Viento) и в VIII веке — время, на которое указывает Ирвинг, — не могло быть арабской архитектуры.

Легенда довольно длинна, и поэтому я ограничусь здесь самым кратким пересказом.

Кишинева, 21 августа 1821 г.) есть упоминание о Долгорукове: «Кланюсь Чу <Д. В. Дашков>, если Чу меня помнит, — а Долгорукий меня забыл». Письма Долгорукова из-за границы напечатаны в «Русском архиве» 1914—1915 гг. В них нет ни одного упоминания ни об Ирвинге, ни о Пушкине.



На старого мавританского короля Абен-Габуза, «отставного завоевателя», нападают враги.

Арабский звездочет, глубокий старик Ибрагим, наперсник короля, рассказывает ему о талисмане, предупреждающем о нападении врагов (петух и баран из меди), и сооружает другой талисман с тем же назначением (медного всадника)\*.

Враги Абен-Габуза уничтожены.

Талисман снова начинает действовать.

Разведчики находят в горах готскую принцессу.

Король влюбляется в принцессу и, исполняя ее прихоти, разоряет Гренаду. Вспыхивает революция.

Звездочет требует девицу в награду за все оказанные королю услуги.

Король, давший слово наградить звездочета, отказывается.

Происходит ссора звездочета с королем.

Звездочет и принцесса проваливаются в подземное жилище звездочета, где пребывают и донныне (развязка типа «Барбароссы»).

Талисман перестает действовать. С течением веков он превращается в простой флюгер.

Враги снова нападают на «отставного завоевателя»\*\* Абен-Габуза.

В этой легенде Ирвинг использовал материал своих исторических сочинений, над которыми он работал во время своего пребывания в Альгамбре. Эти сочинения: «История покорения Гренады» (изд. в 1829 г.), «Легенды о завоевании Испании» (изд. в

\* Магический всадник из меди есть и в сказках «Тысячи и одной ночи», но там он имеет иное назначение (см. «Рассказ о носильщике и трех девушках»). Этим указанием я обязана акад. И. Ю. Крачковскому.

\*\* Точнее: «удалившийся от дел завоеватель».

1835 г.) и «Магомет и его преемники», вышедшее только в 1850 году.

Ирвинг — великий мистификатор, продолжатель традиций Аддисона.

За три года до выхода «Альгамбрских сказок» он выпустил «Историю покорения Гренады». Эта книга принадлежит к распространенному в то время жанру исторических хроник. Повествование ведется от имени вымышленного циклизатора, монаха Антонио Агапида.

Не касаясь сложного и требующего особого исследования вопроса о близости «Легенды об арабском звездочете» к испанскому фольклору<sup>2</sup> и так называемым пограничным романсам\*, отмечу только, что из этой хроники взяты главные персонажи «Легенды об арабском звездочете». Биография Абен-Габуза во многом повторяет биографию Мулей-Абен-Гассана, отца Боабдила, последнего мавританского короля. Звездочет Ибрагим — безымянный араб-волшебник, принимавший участие в защите Малаги. Готская принцесса — пленная христианская девушка, одна из жен короля Мулей-Абен-Гассана.

Знакомство Пушкина с «Альгамбрскими сказками» Ирвинга можно датировать 1833 годом<sup>3</sup>.

К этому времени относится черновой набросок «Царь увидел пред собой...»\*\*. Первые десять стро-

\* По сообщению проф. Мадридского университета Азин-Паласиоса, источниками «Альгамбры» Ирвинга в Испании никто не занимался.

\*\* В пушкинских черновиках этот набросок находится между «Езерским» и началом перевода «Одиссеи» (тетрадь № 2374, л. 7). Первые напечатан под заглавием «Опыт детского стихотворения» (Рус. архив. 1881. № 3. С. 473). Наиболее полный текст напечатан в Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 257. <Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. III. С. 304. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы>.

чек этого наброска, до сих пор не поддававшегося никакому комментарию, представляют собой, как нами установлено, стиховой «пересказ» куска «Легенды об арабском звездочете», не использованного Пушкиным в «Сказке о золотом петушке».

Приведу параллельные тексты:

Царь увидел пред собой  
Столик с шахматной доской.

Вот на шахматную доску  
Рать солдатиков из воску  
Он расставил в стройный ряд.  
Грозно куколки стоят,  
Подбоченья на лошадакх,  
В коленкоровых перчатках,  
В оперенных шишачках,  
С палашами на плечах...

...Devant chacune de ces fenêtres  
était une table sur laquelle on  
avait rangé, comme des échecs,  
une petite armée infanterie et  
cavalerie... le tout sculpté en  
bois.

...Le roi... s'approcha de l'échi-  
quier sur lequel les petites figu-  
res de bois étaient rangées et  
vit... qu'elles étaient toutes en  
mouvement. Les chevaux caraco-  
laient et battaient du pied, les  
guerriers brandissaient leurs ar-  
mes, on entendait... le son des  
trompettes et des tambours...\*

Эти фигурки — магические изображения вражеских войск, которые при прикосновении волшебного жезла либо обращались в бегство, либо начинали вести междоусобную войну и уничтожали друг друга. И тогда та же участь постигала наступающего неприятеля.

Насколько близка фабула «простонародной» сказ-

\* Привожу перевод этого отрывка: «...перед каждым окном находился стол, на котором была расставлена, как шахматы, миниатюрная армия — пехота и кавалерия, вырезанные из дерева... Король... приблизился к шахматному столику, на котором были расставлены деревянные куколки, и увидел... что все они пришли в движение. Лошади гарцевали и били копытами, воины потрясали оружием, и слышался звук труб и барабанов».

В черновике Пушкина: [Музыканты] на лошадакх  
И [перед пешими]  
И [копья дротики блестя]

ки Пушкина к легенде Ирвинга, становится ясным при параллельном сличении:

Негде, в тридевятом царстве,  
В тридесятом государстве,  
Жил-был славный царь Дадон.  
Смолоду был грозен он  
И соседям то и дело  
Наносил обиды смело,  
Но под старость захотел  
Отдохнуть от ратных дел  
И покой себе устроить;

Тут соседи беспокоить  
Стали старого царя,  
Страшный вред ему творя.  
Чтоб концы своих владений  
Охранять от нападений,  
Должен был он содержать  
Многочисленную рать.  
Воеводы не дремали,  
Но никак не успевали.  
Ждут, бывало, с юга, глядь—  
Ан с востока лезет рать!  
Справят здесь,—лихие гости  
Идут от моря. Со злости  
Инда плакал царь Дадон,  
Инда забывал и сон,  
Что и жизнь в такой тревоге!

Il était une fois...\* un roi maure, nommé Aben-Habuz... C'était un conquérant retiré des affaires, c'est-à-dire qu'après avoir dans son jeune temps, mené une vie d'hostilités et de déprédations continuelles, maintenant qu'il devenait vieux et faible, il n'aspirait qu'à rester en paix avec tout le monde... à jouir en repos des domaines qu'il avait enlevés à ses voisins.

Il advint cependant que ce monarque... eut à combattre de jeunes rivaux... Certaines parties éloignées de son territoire qui dans les jours de sa vigueur première n'osaient broncher sous sa main de fer, s'avisèrent... de se révolter. Ainsi attaqué au dedans et au dehors, le malheureux Aben-Habuz vivait... dans des alarmes perpétuelles, ne sachant de quel côté commenceraient les hostilités.

Ce fut en vain qu'il bâtit des tours d'observation... et qu'il fit garder tous les passages par des troupes stationnaires... Fut-il jamais conquérant paisible et retiré plus tourmenté que le pauvre Aben-Habuz?<sup>4</sup>

Сходство ситуаций полное. Отсутствует только мотив восстания провинций. «Биографии» царя Дадона и короля Абен-Габуза совпадают. Отмечу,

\* Обыкновенное французское сказочное начало.

что у героев других пушкинских сказок (Салтан, Елисей и др.) «биография» отсутствует.

Вот он с просьбой о помощи  
Обратился к мудрецу,  
Звездочету и скопцу...

Вот мудрец перед Дадоном  
Стал и вынул из мешка  
Золотого петушка.  
«Посади ты эту птицу,—  
Молвил он царю,— на спицу;  
Петушок мой золотой  
Будет верный сторож твой:  
Коль кругом все будет мирно,  
Так сидеть он будет смирно;  
Но лишь чуть со стороны  
Ожидать тебе войны,  
Иль набега силы бранной,  
Иль другой беды незваной\*,  
Вмиг тогда мой петушок  
Приподымет гребешок,  
Закричит и встрепетается  
И в то место обернется».  
Царь скопца благодарит,  
Горы золота сулит.  
«За такое одолженье,—  
Говорит он в восхищеньи,—  
Волю первую твою  
Я исполню, как мою».

...un vieux médecin arabe vint à sa cour... En peu de temps il devint le conseiller intime du roi... Aben-Habuz se plaignait... de la vigilance continuelle qu'il était forcé d'observer... l'astrologue lui répondit... «Apprends, ô roi, que... je vis une grande merveille... sur une montagne... on voyait la figure d'un bélier, sur lequel était un coq, l'un et l'autre en airain et tournant sur un pivot. Toutes les fois que le pays était menacé d'une invasion, le bélier se tournait du côté... de l'ennemi, et le coq chantait, ce qui avertissait les habitants de la ville qu'ils étaient en danger et leur indiquait le point vers lequel devait se diriger leur défense».

«Dieu est grand!» s'écria... Aben-Habuz. «Quel trésor serait pour moi un bélier semblable... et un coq qui m'avertirait en cas de danger!.. combien je dormirais plus tranquille... dans mon palais, si de telles sentinelles veillaient sur mon sommeil.. Donne-moi cette bienheureuse sauvegarde, et dispose des richesses de mon trésor»<sup>5</sup>.

\* Вероятно, намек на междоусобные войны. Ср. «бунт в столице» в черновике.

У Ирвинга о талисмানে в виде медного петуха звездочет только рассказывает королю (сооружает же он медного всадника).

Принято считать, что в пушкинской сказке петух — «живой». Однако стих «Вдруг раздался легкий звон» (полет золотого петушка) как будто противоречит этому.

Петушок с высокой спицы  
 Стал стеречь его границы.  
 Чуть опасность где видна,  
 Верный сторож, как со сна,  
 Шевельнется, встрепетается,  
 К той сторонке обернется  
 И кричит: «Кири-ку-ку.  
 Царствуй, лежа на боку!»  
 И соседи присмирели,  
 Воевать уже не смели.  
 Таковой им царь Дадон  
 Дал отпор со всех сторон!

...il insultait... ses voisins... pour les induire à l'attaquer; mais des malheurs réitérés les rendirent prudents, et enfin aucun d'eux n'osa plus envahir son territoire<sup>6</sup>.

У Ирвинга волшебные талисманы не разговаривают (медный петух, медный всадник). У Пушкина золотой петушок иронизирует над царем.

Год, другой проходит мирно;  
 Петушок сидит все смирно.  
 Вот однажды царь Дадон  
 Страшным шумом пробужден.  
 «Царь ты наш! отец народа! —  
 Возглашает воевода: —  
 Государь! проснись! беда!»  
 — «Что такое, господа? —  
 Говорит Дадон, зевая: —  
 А?.. Кто там?.. беда какая?»  
 Воевода говорит:  
 «Петушок опять кричит,

Pendant plusieurs mois la figure de bronze resta sur le pied de la paix...

Un matin de très bonne heure, la sentinelle qui montait la garde sur la tour vint avertir le roi que le visage du cavalier de bronze était tourné vers Elvira...



Страх и шум во всей столице»<sup>7</sup>.

Царь к окошку — ан на спице,  
Видит, бьется петушок,  
Обратившись на восток.  
Медлить нечего: «Скорее!  
Люди, на конь! Эй, живее!» \*  
Царь к востоку войско шлет...

«Que les tambours et les trompettes sonnent l'alarme dans Granade», dit le roi; «que chacun prenne les armes»<sup>8</sup>.

Диалог царя с воеводой дан в плане гротеска. В сказке Ирвинга, несмотря на общий иронический тон повествования, аналогичный эпизод не имеет подобной окраски.

Дальше у Пушкина следует вставной эпизод с царскими сыновьями и поход царя, отсутствующие в легенде Ирвинга<sup>9</sup>.

У Ирвинга воины короля отправляются в горы — место, указанное талисманом, где они не встречают ни одного неприятеля, но находят готскую принцессу. Они приводят ее к Абен-Габuzu.

и девица,  
Шамаханская царица,  
Вся сияя, как заря,  
Тихо встретила царя.

.....  
Покорясь ей безусловно,  
Околдован, восхищен,  
Пировал у ней Дадон.

On amena donc au vieux roi cette belle personne... Des perles d'une éblouissante blancheur étaient entrelacées dans ses tresses noires, les diamants qui brillaient sur son front rivalisaient d'éclat avec ses yeux... Les éclairs que lançaient ses yeux noirs et brillants tombèrent comme des étincelles sur le coeur d'Aben-Habuz... Aben-Habuz se livra sans résistance à sa passion<sup>10</sup>.

\* Ср. заметку <Пушкина> «В древние времена...»: велели «садиться на коней».

У Пушкина ситуация гораздо сложнее, чем у Ирвинга. Царь влюбляется в Шамаханскую царицу над трупам своих сыновей\*.

Последнее и самое значительное совпадение мы видим в сцене расплаты:

«Помнишь? за мою услугу  
Обещался мне, как другу,  
Волю первую мою  
Ты исполнить как свою.  
Подари ж ты мне девицу,  
Шамаханскую царицу».  
Крайне царь был изумлен.  
«Что ты? — старцу молвил

он: —

Или бес в тебя ввернулся?  
Или ты с ума рехнулся?  
Что ты в голову забрал?  
Я, конечно, обещал,  
Но всему же есть граница.  
И зачем тебе девица?  
Полно, знаешь ли, кто я?  
Попроси ты от меня  
Хоть казну, хоть чин боярский,  
Хоть коня с конюшни царской,  
Хоть полцарства моего».  
— «Не хочу я ничего!  
Подари ты мне девицу,  
Шамаханскую царицу», —  
Говорит мудрец в ответ.  
Плюнул царь: «Так лих же,  
нет!  
Ничего ты не получишь.  
Сам себя ты, грешник, мучишь;

(Король обещает звездочету первое выючное животное с ношею, которое вступит в волшебные ворота. Этим животным оказывается мул, на котором едет принцесса.)

«Voici», dit l'astrologue, «la récompense que vous m'avez promise»... Aben-Habuz sourit à ce qu'il croyait une plaisanterie du vieillard; mais quand il vit qu'il parlait sérieusement, sa barbe grise trembla d'indignation. «Fils d'Abou Agib» dit-il d'un air très grave, «que veut dire cette équivoque? Tu sais ce que j'ai entendu promettre...

...Prends la plus forte mule de mes écuries, forme sa charge des objets les plus précieux de mon trésor, elle est à toi»... «Qu'ai-je affaire de ton or, de tes richesses?.. dit l'astrologue avec mépris. «La princesse m'appartient de droit, ta parole royale est engagée, je la réclame comme mon bien»... La rage du monarque l'emportant sur sa prudence

\* Единоборство братьев-соперников — очень распространенный мотив европейского фольклора. См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet» <Child. The English and Scottish popular ballads. Boston, 1882—1891>, где совершенно так же, как в «Петушке», описаны убившие друг друга братья.

Убирайся, цел пока;  
Оттащите старика!» \*

il s'écria: «Vil enfant du désert, tu peux être savant dans plus d'un art, mais reconnais que je suis ton maître; ne sois pas assez téméraire pour te jouer de ton roi. «Toi, mon maître», reprit l'astrologue, «mon roi. Le souverain d'une taupinière voudrait donner des lois à celui qui possède le livre de Salomon. Adieu... règne sur ton-petit royaume et réjouis-toi dans ton paradis des fous...»<sup>11</sup>

У Пушкина отказ звездочета от царских милостей и требование Шамаханской царицы ничем не мотивированы. В легенде Ирвинга звездочет — женолюб, и он отказывается от наград, предлагаемых королем, потому что владеет волшебной книгой царя Соломона. В черновике и еще в беловике Пушкин называет звездочета — шамаханским, т. е. союзником Шама-

\* Мне остается еще указать на те места в «Сказке о золотом петушке», которые ближе к легенде в рукописях, чем в печатной редакции:

[И поставь его ты мне]  
[Где-нибудь на вышине]  
(белов.)

Весь, [как] наморщен,  
С бороною поседелой  
(черн.)

Весь [в морщинах] как  
лебедь поседелый  
(белов.)

Петушок слетел со спицы,  
[С крыши] к колеснице  
(черн.)

Петушок [на кровле царской]  
с высокой спицы  
[сторожит] стал стеречь его  
границы  
(белов.)

Sur une montagne qui domine une ville considérable ... on voyait la figure d'un bélier sur lequel était un coq...

Une grande barbe lui descendait jusqu'à la ceinture... et ne put que perpétuer que ses rides et ses cheveux gris.

Sur le sommet de la tour était une figure de bronze attachée sur un pivot...<sup>12</sup>

ханской царицы. Тогда бы было ясно, отчего он ее требует.

Развязка «Сказки о золотом петушке» существенно отличается от источника. Когда Абен-Габуз не исполняет обещания, волшебный флюгер (медный всадник) только перестает предупреждать его о приближении опасности. В пушкинской же сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвopреступника и убийцей\*.

Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, некоторые звенья выпали, и отсюда — фабульные невязки, та «неясность» сюжета, которая отмечена исследователями. Так, например, у Пушкина не перенесены «биографии» звездочета и принцессы, что создает некоторую таинственность.

В отличие от других «простонародных» сказок Пушкина, в «Сказке о золотом петушке» отсутствует традиционный сказочный герой, отсутствуют чудеса и превращения<sup>13</sup>.

Очевидно, что в легенде Ирвинга Пушкина привлек не «гарун-аль-рашидовский стиль».

Все мотивировки изменены в сторону приближения к «натуралистичности», и очень усилен сатирический характер.

Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры или просто говорит в начале: «Как спокойно я спал бы в моем дворце, имея таких сторожей...», у Пушкина Дадон спит в начале сказки на все лады. Междоусобие в горах в легенде мотивируется действием талисмана, в «Сказ-

\* Следует отметить, что в «Сказке о царе Салтане» развязка тоже не совпадает с развязкой источника, и то, что царь на радости прощает злых сестер, по замечанию Сумцова, черта «совсем чуждая народным вариантам».

ке о золотом петушке» — причиной естественного характера — ревностью и т. д.

У Пушкина все персонажи снижены.

Дадон, как и Абен-Габуз, — «отставной завоеватель», но «миролюбивый» король мавров кровожаден, а царь — ленивый самодур. (Самое имя царя взято из «Сказки о Бове Королевиче», где Дадон — «злой» царь.) В юношеской поэме Пушкина «Бова» Дадон — имя царя-«тирана», которого Пушкин сравнивает с Наполеоном.

В сказке Ирвинга главные персонажи, король и звездочет, тоже грозный, — пародийны, Пушкин же иронизирует только над царем, образ которого совершенно гротескный. Звездочет — таинственный, и Пушкин говорит о нем с нежностью: «Весь как лебедь поседелый». Сцена встречи Дадона с Шамаханской царицей («и в шатер свой увела») <sup>14</sup> заставляет вспомнить о «Сказке о Еруслане Лазаревиче», причем в черновике сходство более явственное:

Что же меж высоких гор  
Белый шелковый шатер (шелк Шемахи)  
В том шатре сидит девица  
Шамаханская царица.

А в лубочном издании «Сказки о Еруслане»: «И наехал в чистом поле на *бел шатер*, в котором сидели три прекрасные девицы, дочери царя Бугригора. Таковых прекрасных более на свете нет».

Далее следует любовная сцена в шатре и убийство двух сестер.

«Сказка о золотом петушке», включенная самим Пушкиным в цикл его «простонародных сказок»\* (и обычно рассматриваемая в ряду других пушкинских

\* См. список на обороте последней страницы белой рукописи.

сказок), носит на себе яркий отпечаток «простонародности».

Сличение черновика и белого автографа «Сказки о золотом петушке» \* показывает, что Пушкин в процессе работы снижал лексику, приближая ее к просторечию\*\*.

Приведем несколько примеров.

Царь к окошку,— что ж на спице (черн.)  
 Царь к окошку, ан на спице (оконч. ред.)  
 Что же? меж высоких гор  
 И промеж высоких гор  
 Ты [старик] мудрец с[о] ума сошел  
 [Видно] Или ты с ума рехнулся?  
 Вспыхнул царь— так же нет  
 Плюнул царь: Так лих же, нет!  
 Крикнул [Царь] и в то же время  
 Охнул раз,— и умер он.

Жанром простонародной сказки мотивирован ввод элементов фольклора: «побитая рать, побоище», «сорочинская шапка»\*\*\*, шемаханский «белый шатер», эпитет «шамаханский» (в народных сказках обычно — «шамаханский шелк»)\*\*\*\* и др.

\* Черновая рукопись: тетрадь № 2374 (Публ. библиотека им. Ленина в Москве); белой автограф находится в Публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде<sup>15</sup>. Черновики до сих пор не были изучены. Пользуюсь транскрипциями, предоставленными мне С. М. Бонди, которому приношу благодарность.

\*\* В 1832 г. Н. М. Комовский писал Языкову: «Жуковский как сказочник обрелся и приделся на новый лад, а Пушкин в бороде и армяке» (Ист. вестник. 1883. № 12. С. 534).

\*\*\* В чистом поле стоит человек, копьем подпершись, во белой епанче, шляпа на нем сорочинская, и стоячи дремлет» («Сказка о Еруслане Лазаревиче»); см. также строфу о «Римской папе» в черновике «Сказки о рыбаке и рыбке»: «На старухе сорочинская шапка, на шапке венец лат<инский>, на венце тонкая спица, на спице Строфилус-птица».

\*\*\*\* «Седлает того доброго коня <...> и подтягивает двенадцать подруг шелку шамаханского...» («Сказка о Иване Богатыре»). И в поэме Радищева «Бова»:

Но предательски помосты,  
 Покровенные коврами  
 Шелку мягка шамаханска.



Из фольклора заимствован и традиционный зачин:

Негде, в тридевятом царстве...

а также:

Его за руку взяла  
И в шатер свой увела.

Бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла.

Так в XVIII веке жанр «арабской» сказки часто служил шифром для политического памфлета или сатиры («Каиб» Крылова). Так Державин называет Сенат Диваном. Примером использования русского фольклора для выпадов против самодержавия может служить «Бова» Радищева, которому Пушкин подражал в своем лицейском «Бове» и о котором он вспомнил в 33—34 годах в статье «Александр Радищев».

Ю. Н. Тынянов вскрыл двупланность семантической системы Пушкина: «На «Моцарта и Сальери» благодаря его семантической двуплановости обиделся Катенин... а «Пир во время чумы» написан во время холерной эпидемии. Семантическая структура трагедии костюмов, данная на иноземном материале, была полна современным автобиографическим материалом»\*.

В «Сказке о золотом петушке» содержится ряд намеков памфлетного характера\*\*. Но элементы «личной сатиры» зашифрованы с особой тщательно-

\* Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 269.

\*\* Эти намеки, а также ироническое отношение к главному персонажу, царю Дадону, вызвали предположение, что «Сказка о золотом петушке» — «затушеванная политическая сатира» (см. 1) Пушкин А. Сказки / Ред., вступ. статья и объясн. А. Слонимского. М.; Л., 1930. С. 25—29 (изд. для детей); 2) Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 331 (путеводитель по Пушкину).

стью. Это объясняется тем, что предметным адресатом был сам Николай I.

Ссора звездочета с царем имеет автобиографические черты.

В черновой и даже белой рукописях намеки совсем прозрачны. В черновике:

Но с [царями] плохо вздорить.

Тут же слово «царями» зачеркнуто и заменено «могучим»:

Но с могучим плохо вздорить\*.

Однако в белом списке Пушкин восстанавливает первую редакцию:

Но с *царями* плохо вздорить.

В печатной редакции намек снова «зашифрован»:

Но с *иным* накладно вздорить.

Это, в свою очередь, вызвало изменение текста «нравоучительной» концовки. Эту концовку Пушкин перенес из «Сказки о мертвой царевне»:

Сказка ложь, да нам урок,  
А *иному* и намек.

При таком сопоставлении намек получался чересчур уж ясным. Поэтому в окончательной редакции текст принял следующий вид:

Сказка ложь, да в ней намек\*\*:  
*Добрый молодцам* урок.

Значит, намек состоит в «уроке». Царь — «молодец».

Тема «Сказки о золотом петушке» — неисполнение царского слова.

\* Ср.: «И новый царь, суровый и могучий».

\*\* Во всех изданиях Пушкина после слова «намек» стоит не двоеточие, как в белой рукописи, а запятая (по записи в дневнике Пушкина) или знак восклицательный.

Царь, получив от звездочета волшебного петушка, обещает исполнить первую его волю:

«За такое одолженье,—  
Говорит он в восхищеньи,—  
Волю первую твою  
Я исполню, как мою».

А когда дошло до расплаты:

«Что ты? — старцу молвил он.—  
Или бес в тебя ввернулся?  
Или ты с ума рехнулся?  
Что ты в голову забрал?  
Я, конечно, обещал,  
Но всему же есть граница...»

В черновике гораздо резче:

[От] [от] [моих] [от] [царских] [слов]  
[Отпереться я готов]

В черновике — звездочет *требует* исполнения данного царем обещания:

Царь! — он молвил — [ты обещанье] дерзновенно  
[Обещал] [ты клялся] [мне] [Обеща] [ты] [с] (?) [обещ] (?)  
[Ты мне дал], [что] непременно  
[ты] что исполнишь как свою  
[волю] что первую мою  
*Так ли? — шлюсь на всю столицу*

Любопытна здесь ссылка звездочета на «всю столицу» (общественное мнение).

По первоначальному замыслу скопец, которого Дадон приказывает гнать, упрекает царя:

[Так-то платишь]  
[Молвил старичок]

В 1834 году Пушкин знал цену царскому слову.

## 4

Положение, в котором оказался Пушкин к 1834 году, можно охарактеризовать следующей строкой из «Езерского»\*:

Прощен и милостью окован.

К этому времени окончательно выяснилось, что первая царская милость—освобождение от цензуры—на деле привела к двойной цензуре—царской и общей.

После запрещения целого ряда произведений 11 декабря 1833 года Пушкину был возвращен «Медный всадник» с замечаниями царя, которые заставили Пушкина расторгнуть договор со Смирдиным.

Другим проявлением царской милости было дарование Пушкину звания камер-юнкера двора его величества (31 декабря 1833 г.).

Можно считать установленным, что своего камер-юнкерства Пушкин не простил царю до самой смерти\*\*.

История отношений Пушкина с двором после пожалования ему низшего придворного чина, а также ссора с царем в связи с перлюстрацией письма к жене достаточно освещены в целом ряде работ.

25 июня 1834 года Пушкин отправил Бенкендорфу письмо с просьбой об отставке.

Прошению об отставке предшествовала перлюстрация письма Пушкина к жене (от 20—22 апреля).

\* 1833 г., осень.

\*\* См. черновики статьи Пушкина о Вольтере (1836), исследованные Ю. Г. Оксманом <Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1962. Т. 6. С. 499>.

Пушкин писал: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня *не жаловал*; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка *будет ладить* с порфирородным *своим тезкой*; с моим *тезкой* я *не ладил*. Не дай бог ему итти по моим следам, *писать стихи да ссориться с царями!*»

Здесь Пушкин, несомненно, вспоминал о своем стихотворении «Моя родословная» (1830):

Упрямства дух нам всем подгадил:  
В родню свою неукротим,  
*С Петром мой пращур не поладил*  
И был за то повешен им.  
*Его пример будь нам наукой:*  
*Не любит споров властелин\*.*

Историю своих отношений с царями Пушкин связывает с темой о взаимоотношениях рода Пушкина с династией Романовых.

Письмо Пушкина было доставлено к царю, который не постыдился в том признаться и дал «ход интриге, достойной Видока и Булгарина».

Свою запись в дневнике по этому поводу Пушкин заканчивает очень резким выпадом по адресу Николая: «...что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Монарх подтвердил это мнение Пушкина, поручив Бенкендорфу «объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться...».

Бенкендорф «объяснил», и Пушкин взял обратно прошение об отставке: «На днях хандра меня взяла,

\* Ср. в «Сказке о золотом петушке»:

Но с царями плохо вздорить.

подал я в отставку, но получил <...> от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали» (письмо к жене, первая половина июля).

Обращаясь к Бенкендорфу с просьбой об отставке, Пушкин в то же время просит не запрещать ему вход в архивы.

То, что Пушкин в минуту наибольшего раздражения против царя все же просит о незапрещении доступа в архивы; доказывает, какое важное значение он придавал этому и каким ударом должен был быть для него отказ.

С начала 30-х годов на своих исторических работах Пушкин намеревался построить не только свое материальное благополучие, но все отношения с царем и «высшим светом». Ни «Евгений Онегин», ни «Полтава», ни «Борис Годунов» не могли принести ему того общественного положения, без которого жизнь в Петербурге казалась ему неприемлемой.

Еще в 1831 году Пушкин писал Бенкендорфу: *«Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».*

И смел, и желал.

Вспомним, с какой радостью сообщает он ближайшим друзьям, Нащокину и Плетневу, что царь разрешил ему доступ в архивы для написания «Истории Петра Великого»\*.

\* Письмо к Плетневу (от 22 июля 1831 г.): «...царь взял меня в службу—но не в канцелярскую, или придворную, или военную,—нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?»

В биографии Пушкина этот вопрос имеет очень серьезное значение.

30-е годы для Пушкина—это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой—осмыслить себя как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия.

Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина—советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами.

Однако Николай I и его приближенные вовсе не предназначали Пушкина для такой высокой роли.

А. Н. Вульф в феврале 1834 года записал в своем дневнике: «Самого же поэта я нашел <...> сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь *повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок*. Он говорит, что он возвращается к оппозиции...»\*

Эта запись представляет большой интерес как сообщением о возвращении Пушкина к оппозиции, так и указанием на то, что Пушкин считал себя оскорбленным именно как автор «Истории Пугачева» и русских сказок. (Карамзин тоже писал русские сказки.)

Описывая в дневнике свою первую встречу с Николаем после пожалования придворного звания, Пушкин отмечает, что говорил с царем о Пугачеве

Письмо к Нащокину от 3 сентября 1831 г.: «...царь <...> взял меня в службу, т. е. дал жалования и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай бог здоровья царю!»

\* Майков А. Пушкин. Спб., 1899. С. 208.

(утверждал себя как историограф\*), а за камер-юнкерство его не благодарил (что было явным нарушением этикета).

После всего сказанного становится понятным, что категорический отказ на просьбу не закрывать архивы мог расцениваться Пушкиным как жест «самовластного помещика», который хотел таким образом уничтожить все его планы.

Под знаком ссоры с царем прошло все лето 1834 года. Пушкин сдался, но примирение все же не состоялось\*\*.

25 августа, за 5 дней до открытия Александровской колонны, Пушкин покинул Петербург, «чтобы не присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами».

Отъезд Пушкина из столицы, чуть не накануне торжества, несомненно, был демонстрацией.

Запись об этом, сделанная им в дневнике спустя три месяца, свидетельствует о том, что отношение Пушкина к своему положению не изменилось.

Находясь проездом в Москве (8 и 9 сентября), Пушкин в письме к А. И. Тургеневу с иронией отзывается о своей придворной карьере: «Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч.»

13 сентября Пушкин приехал в Болдино, где он собирался писать. Об этом он сообщает жене

\* Описывая свое представление вел. кн. Елене Павловне, Пушкин не забывает отметить: «...говорила со мной о Пугачеве».

\*\* О ссоре с царем Пушкин упоминает еще два раза: 1) в письме к жене от 11 июля: «...на днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побранился—и тухнул-то я, да и грустно стало. С этим поспорить—другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав»; 2) в дневнике: «22 июля.—Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поспорился я со двором—но все перемололось.—Однако это мне не пройдет».



(15 сентября): «Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение».

Но болдинская осень 1834 года была для Пушкина самой бесплодной. Кроме «Сказки о золотом петушке» он ничего не написал.

Беловая рукопись помечена 20 сентября.

А 26 сентября А. М. Языков, посетивший Пушкина в Болдине, писал: «...он мне показывал историю Пугачева <...> несколько сказок в стихах, в роде Ершова<sup>16</sup>, и историю рода Пушкиных»\*.

Можно предположить, что Языков был первым слушателем «Сказки о золотом петушке».

«Сказка о золотом петушке», встреченная молчанием критики, впервые была напечатана в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» 1835 года.

Пушкину не удалось избежать подозрения цензуры. Цензор Никитенко не пропустил три стиха сказки.

Приведу запись из дневника Пушкина:

«Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,  
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова».

Здесь мы видим обычный выпад Пушкина против цензуры (а быть может, и желание сохранить эти строчки хотя бы в дневнике). Однако столкновение с цензурой не было для Пушкина неожиданным.

\* Ист. вестник. 1883. Т. 14. № 12. С. 539.— «Родословная Пушкиных» всегда была для А. С. чем-то оппозиционным или, во всяком случае, полемическим.

Беловая рукопись носит следы предварительной «авторской» цензуры. В следующем отрывке:

Царь скликает третью рать  
И ведет ее к востоку,  
*Помолясь Илье профу*—

последняя строка в печатной редакции приняла такой вид:

Сам не зная, быть ли проку.

Изменена одна строка и в эпизоде ссоры звездочета с царем. Царь в ответ на требование звездочета говорит:

И зачем тебе девица?  
*Полно, сводник, что ли, я?*

Эту строку нельзя было представить ни в какую цензуру. Окончательная редакция:

Полно, знаешь ли, кто я?

Наконец, в строке, которая представляет собой как бы ключ ко второму смысловому плану «простонародной» сказки:

Но с *царями* плохо вздорить—

слишком явный выпад заменен полунамеком:

Но с *иным* накладно вздорить\*.

Так, в письмах к жене (1834 г.) Пушкин называет царя «тот».

## 5

Эпизод с царскими сыновьями, вставленный Пушкиным в фабулу, заимствованную у Ирвинга, разбивается «Сказку о золотом петушке» на три части. Первая часть—с начала до строки «Шум утих, и царь забылся». Вторая часть—до строки «Пировал у ней

\* Ср. также: «Иной... Боюсь назвать, но признаны всем светом» («Горе от ума»).

Дадон», третья — от «Наконец и в путь обратный» и до конца.

Мы уже видели, что смысловая двупланность сказки о ссоре царя с звездочетом может быть раскрыта только на фоне событий 1834 года.

Но первая часть сказки заставляет предполагать и другое.

Дело в том, что в облике царя подчеркнуты лень, бездеятельность, «желание охранять свои лавры» (см. «Легенду об арабском звездочете»). Далее черты эти совсем исчезают.

Пушкин никогда не считал Николая I ленивым и бездеятельным. Но черты эти он всегда приписывал Александру I: «Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай» («Воображаемый разговор с императором Александром I», 1822, «Noël», «Ты и я»).

И много позднее, в 1830 году:

Властитель слабый и лукавый,  
Плешивый щеголь, *враг труда.*

И также:

Я всех уйму с моим народом,—  
Наш царь в *покое* говорил.

Биография «отставного завоевателя»\* Дадона вполне подходит к этому образу\*\*. Известно, что мистически настроенный Александр общался с масонами, а также прорицателями и ясновидцами\*\*\* и в

\* Четверостишие 1829 г., описывающее бюст Александра I, озаглавлено: «К бюсту завоевателя». В «Age of bronze» («Бронзовом веке»> Байрона об Александре I «soxcomb tzar» и «imperial dandy» — оба слова значат *щеголь*.

\*\* «Возвращается Дадон», ср. с «Возвращением Александра I» <«Александру»>.

\*\*\* Голицын, Татаринова, Крюденер и др. Накануне Аустерлицкого сражения Александр I имел продолжительную беседу со скопцом Кондратием Селивановым, который, как говорили в Петербурге, предсказал ему поражение.

конце жизни мечтал о том, чтобы удалиться на покой.

Смолоду был грозен он  
 .....  
 Но под старость захотел  
 Отдохнуть от ратных дел  
 И покой себе устроить...

См. также 10-ю главу «Онегина»: «Наш царь дремал» с «И дремотой царь забылся».

Характеристика короля в «Легенде об арабском звездочете» — «un conquérant retiré des affaires» <«завоеватель, удалившийся от дел»>, «conquérant paisible» <«завоеватель на покое»> — могла поразить Пушкина как полное совпадение с его представлением об Александре I\*.

Смешение характерных черт двух царствований несомненно имело целью затруднить раскрытие политического смысла «Сказки о золотом петушке». Никто не стал бы искать в Дадоне — стареющем царе, «отставном завоевателе» — подчеркнуто «бодрого» и еще далеко не старого Николая I<sup>17</sup>.

Состояние рукописи никак не противоречит нашему предположению.

Черновик начала сказки (до строки «Шлет к нему гонца с поклоном») не сохранился. Следующие шесть строк записаны на обороте обложки тетради (№ 2374) и датировке не поддаются\*\*. Затем идут строки от «Петушок мой золотой» до «Дал отпор со всех сторон». Они были написаны на листе пятнадцатом в той же тетради, среди произведений 1833 года <«Медный всадник»> и через семь листов

\* Александр I был фигурой европейской. Пушкин в сатирике и мистификаторе Ирвинге мог заподозрить желание в испанской сказке сознательно изобразить Александра I (подавление Испанской революции Александром I).

\*\* Нахождение этих строк на обложке тетради само по себе говорит за то, что вещь создавалась с перерывами.

от наброска «Царь увидел пред собой», который по первоначальному замыслу, может быть, входил в «Сказку о золотом петушке». Зато несомненно относится к осени 1834 года черновая рукопись сказки от строки «Год, другой проходит мирно» и до конца\*.

Возможно предположить, что последняя сказка Пушкина написана не сразу. Пушкин неоднократно оставлял свои сказки незаконченными («Сказка об Илье Муромце», «Как весенней теплою порою») или несколько раз возвращался к одному сюжету («Бова»). Часть «Сказки о золотом петушке», с начала до строки «Год, другой проходит мирно», могла быть написана до 1834 года, и в замысел ее могла входить сатира на Александра I.

В черновиках звездочет все время называется шемаханским скопцом и шамаханским мудрецом\*\* и один раз даже астраханским.

Шемаха в 1820 году была присоединена к России.

Поэтому месть шемаханского скопца царю-завоевателю, возможно, ассоциативными нитями связана с этим событием.

В 1834 году схема заполнилась «автобиографическим материалом».

Итак, в образе Дадона могли отразиться два царя, из которых один Пушкина «не жаловал», а другой — «под старость лет упек в камер-пажи»<sup>18</sup>.

20 марта 1931—20 января 1933 <1930—1950-е?>

\* Она написана после стихотворения «Он между нами жил», датированного 10 августа 1834 г.

\*\* В беловике видна попытка окончательно отделаться от Шемахи:

Распахнулся... и девица  
[Черноброва, круглолица],  
[Шамаханская царица].

Последняя строка была изменена на «Черноброва, круглолица», но затем снова восстановлена.

«СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»  
И  
«ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЙ...»

Комментарий

Впервые черновая рукопись «Сказки о золотом петушке» отмечена В. Е. Якушкиным в его описании рукописей А. С. Пушкина (Рус. старина, 1884. Т. XLIII. С. 641, 644). Перебеленная рукопись сказки хранится в Публичной библиотеке РСФСР в Ленинграде. <В настоящее время — в рукописном отделе Пушкинского дома — ИРЛИ АН СССР.>

В отличие от других пушкинских сказок, «Сказка о золотом петушке» имеет своим источником не народные сказки, а литературное произведение — «Легенду об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга. Сборник, в который входит эта легенда, называется «The Alhambra of the New Sketch Book». Вышел он в Париже в июне 1832 года. Одновременно появился и французский перевод «Альгамбры». Перевод этот очень близок к подлиннику и хорошо передает иронический тон сказок Ирвинга. По-видимому, Пушкин пользовался переводом, а не подлинником. В библиотеке поэта находится именно французское двухтомное издание «Альгамбры»\*.

«Легенда об арабском звездочете» — пародийная псевдоарабская сказка, которую Ирвинг выдает за записанное им народное предание. Однако самое беглое ознакомление с этой легендой убеждает, что она не содержит черт, свойственных народной поэзии.

Если Пушкин, в 30-х годах живо интересовавшийся европейским, и в частности испанским, фольклором\*\*, обратился к «Альгамбре» потому, что она

\* См.: Модзалевский Б. А. Библиотека Пушкина: № 1019. Irving. W. Les contes de l'Alhambra..., разрезан; помет нет.

\*\* К испанскому романскому циклу о Родриге восходит отрывок «Чудный сон мне бог послал» (см. статью Н. В. Яковлева «Пушкин и Саути» в сб.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926).

была рекомендована как сборник испанских народных сказок\*, то он должен был быть разочарован!

Современники знали Ирвинга как литературного мистификатора и сатирика (автора «Сальмагунди», «Истории Нью-Йорка» и др.), и критика постоянно сопоставляла его имя с именем Аддисона\*\*.

По своему тону и содержанию «Легенда об арабском звездочете» напоминает те «восточные сказки», которые в XVIII веке были обычным шифром политической сатиры. Отсюда понятно обращение Пушкина именно к этому источнику для создания политического памфлета — «Сказки о золотом петушке»\*\*\*, включенной поэтом в список своих «простонародных» сказок\*\*\*\*. Если Пушкин и не заподозрил в «Легенде о звездочете» «прямой сатиры», то, во всяком случае, ирвинговская сказка представляет собою благодарный материал для переработки в произведение памфлетного характера («биография» мавританского короля Абен-Габуза, отставного и миролюбивого завоевателя, мечтающего о покое; флюгер, хотя бы и волшебный, управляющий действиями короля; восстания пограничных областей; престарелый монарх, разоряющий свою страну для исполнения прихотей наложницы; вспыхнувшая в столице революция; и, наконец, особенно заинтересовавший Пушкина мотив неисполнения царского слова).

Жанром русской народной сказки Пушкин воспользовался для политических намеков, и здесь он

\* См.: Телескоп. 1832. Ч. 9 (сентябрь).

\*\* См., например, отзыв об «Альгамбре» в «Revue de Paris», 1832. Т. 5—6. Р. 263—266.

\*\*\* Расшифровке памфлетного смысла «Сказки о золотом петушке», а также исследованию приемов, какими пользовался Пушкин для превращения псевдоарабской легенды в русскую простонародную сказку, посвящена моя статья «Последняя сказка Пушкина» (Звезда. 1933. № 1).

\*\*\*\* См. список «простонародных сказок» на обороте последнего листа автографа «Сказки о золотом петушке».

является продолжателем радищевской традиции\*. Пьезма Радищева «Бова» заключает в себе выпады против самодержавия. Как известно, в «Бове» Радищева Пушкин признавал достоинства, несмотря на отсутствие в ней «народности»\*\*.

Впервые Пушкин начал обрабатывать «Легенду об арабском звездочете» в 1833 году. К этому времени относится набросок «Царь увидел пред собой...» (см. альбом фототипий, с. 75), написанный тем же четырехстопным хореем, что и «Сказка о золотом петушке». Первые десять стихов этого наброска представляют собой кусок легенды Ирвинга, не использованный Пушкиным в «Сказке о золотом петушке». В легенде эти фигурки (или, как Пушкин называет их, куколки) — магические изображения вражеских войск, которые при прикосновении волшебного жезла либо обращаются в бегство, либо начинают вести междоусобную войну и уничтожают друг друга. И тогда та же участь постигает наступающего неприятеля.

У Пушкина этот мотив усложнен. Вторая половина наброска представляет собою описание такого же игрушечного флота.

О черновике первых двадцати восьми стихов «Сказки о золотом петушке», отсутствующих в «Альбоме 1833—1835 годов» и неизвестно когда написанных, можно только сказать, что они были окончательно обработаны, потому что в беловик они переписаны только с одной помаркой («идут» вместо «валят»); уничтожение эпитета «шемаханский» имеет

\* Любопытный и, быть может, известный Пушкину пример использования фольклора в памфлетно-сатирической литературе представляет собою отдельное издание сказки, записанной бр. Гримм, — «Der Fischer und seine Frau», которая, в связи с событиями 1814 г., была осмыслена как аллегорическое жизнеописание Наполеона (книга имела подзаголовок: «Eine moralische Erzählung»). Как теперь установлено, вариантом, записанным бр. Гримм, воспользовался Пушкин для создания «Сказки о рыбаке и рыбке»<sup>1</sup>.

\*\* См. статью Пушкина «Александр Радищев» (1836).



особый смысл, о чем будет сказано дальше) и без знаков препинания, что указывает на беглое, а не творческое переписывание, которое мы несколько раз встречаем в беловике «Сказки о золотом петушке».

Рукопись следующих шести стихов, находящихся на обороте форзаца и потому не поддающихся датировке, очень близка к беловику. То, что поправки сделаны другими чернилами, указывает на их позднейшее происхождение. Следует отметить, что такими выцветшими коричневыми чернилами написан весь беловик сказки. Можно предположить, что Пушкин нанес поправки на черновик в процессе переписывания: слово «смело» (в связи со строкой «Царь, он молвил дерзновенно», см. альбом фототипий, с. 45) указывает на то, что по первоначальному замыслу (когда Пушкин еще называл звездочета шемаханским мудрецом) характер этого персонажа был несколько иным.

По сохранившимся на полоске бумаги у корешка словам («Нет», «царь») надо полагать, что на обрывке между л. 5 и 6 (л. 16) находился черновик некоторых стихов «Сказки о золотом петушке», так же не дошедший до нас, как и черновик начала сказки.

После строки «Дал отпор со всех сторон» в писании сказки несомненно был перерыв, потому что рукопись на л. 20<sub>1</sub> (см. альбом фототипий, с. 41) написана другими чернилами, чем текст сказки на обрывке.

Воспроизводимая рукопись (л. 20—23) от строки «Год, другой проходит мирно» до конца сказки несомненно представляет собою первый черновик, хотя характер рукописи неодинаков. Иногда поэт пишет какое-нибудь слово, тотчас зачеркивает, снова пишет его и опять зачеркивает (см. диалог Дадона с воеводой). Некоторые стихи не дописаны

(например, «Царь приветливо»), или отсутствует рифмующий стих («Не беда, что сказка ложь»), повторяющиеся стихи обозначены простой чертой. Отдельные эпизоды перерабатываются дважды (возвращение Дадона, ссора царя с звездочетом) и даже трижды (появление Шемаханской царицы).

Со всем тем рукопись сказки очень близка к окончательному чтению.

Ни во вторичных переработках отдельных эпизодов, ни при переписывании сказки набело Пушкин не отклоняется от первоначального плана, а либо вводит новые детали, либо отказывается от уже написанного. Исключение в смысле законченности представляет собою первый лист рукописи. По сравнению с остальным текстом сказки стихи, написанные на нем, подверглись самой незначительной переработке.

На следующем л. 20<sub>2</sub>, между стихами «Царь не знает, что начать» и «Войска идут день и ночь», — смысловой разрыв, заполненный лишь в беловике, где стих «Царь не знает, что начать» заменен другим («Царь скликает третью рать») и появляются два новых стиха:

И ведет ее к востоку,  
Сам не зная, быть ли проку

или

Помолясь Илье пророку,

связывающие предыдущий эпизод с походом царя.

Не зачеркнутая в рукописи строка «Что за притча молвит он» — не перенесена в беловик. Может быть, Пушкин заметил, что это же восклицание встречается в только что вышедшей тогда (летом 1834 г.) сказке Ершова «Конек-горбунок»\*. Этим же

\* Известно, что первые четыре стиха этой сказки принадлежат Пушкину, удостоившему (по словам Смирдина) всю сказку тщательного просмотра.

можно объяснить и колебания в выборе пейзажа. Следующие стихи написаны дважды:

К морю войско царь приводит  
Что ж на берегу находит...

Очевидно, на морском берегу должен был находиться шатер царицы, но затем Пушкин сразу отказывается от мысли расположить шатер на морском берегу и пишет:

Что же меж высоких гор  
Видит [Белый] шелковый шатер.

Шатер, морской берег, царь-девица (см. соответствующий эпизод сказки Ершова).

Порядок появления отдельных мотивов в первом варианте иной, чем в окончательном чтении. В первом варианте порядок этот таков: шатер, девица, сыновья; в окончательном чтении: шатер, побитая рать, сыновья, девица. Пример того, как Пушкин перерабатывает фольклорный мотив, представляет собою сцена встречи Дадона с Шемаханской царицей, имеющая три редакции:

1. Видит [Белый] шелковый шатер.  
В том шатре сидит девица  
[Шамаханская] царица.
2. [И] [Белый] [шелковый] таинственный шатер  
Распахнулся [и] [к] [Дадону] девица  
Шамаханская царица  
[Вышла] тихо из шатра.
3. Распахнулся и девица  
Вся сияя [бела] добра  
[В блеске вышла из шатра-]  
[Румяна] (?) [как заря]  
Тихо встретила царя.

В первой редакции эта сцена довольно близка к сказке о Еруслане Лазаревиче\*.

\* «И наехал в чистом поле на бел шатер, в котором сидели три

Ввод отсутствующего в легенде Ирвинга эпизода с братьями, которые появляются только для того, чтобы погибнуть, понятен в связи с сатирической тенденцией сказки и служит подчеркиванием порочности царя. Братья-соперники, убивающие друг друга,— мотив, известный в народной поэзии разных народов\*.

Конь, бродящий вокруг тела мертвого витязя,— мотив, который встречается еще в ранних произведениях Пушкина («Сраженный рыцарь», «Руслан и Людмила»), где конь *ждет* своего мертвого хозяина. Последней детали нет в окончательном чтении «Сказки о золотом петушке». Однако в рукописи: «ждут господ».

Описание убитых царевичей:

Черны кудри растрепались,  
Белы руки разметались—

отброшено Пушкиным, вероятно, оттого, что песенная конструкция этих стихов нарушала эпический тон сказки.

Сравнительно легко дался Пушкину эпизод в шатре, для создания которого также использованы элементы русского фольклора. Например:

Его за руку взяла  
И в шатер свой увела—

традиционный сказочный мотив.

Строки эти написаны без единой пометки.

Характерно для самой нефантастической сказки Пушкина, что слово «околдован» появилось только в Беловике.

прекрасные девицы, дочери царя Бугригора. Таковых прекрасных более на свете нет».

\* См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet» (Child. The English and Scottish popular ballads. Boston, 1882—1891).

Возвращение царя напоминает возвращение Дука в «Анджело», причем в черновике это сходство более явственно, чем в печатной редакции («в встречу *кинулись* девице». Ср. в «Анджело»: «народ его *встречать* толпами *кинулся*»).

В рукописи Пушкин называет звездочета «шамаханским мудрецом» и «шемаханским скопцом» (тот же эпитет мы находим и в беловике сказки). Этот эпитет был исключен в окончательной редакции, так как месть шамаханского мудреца царю-завоевателю могла быть истолкована как политический намек: Шемаха в 1820 году была присоединена к России.

Следует также отметить примеры рассеянности Пушкина в связи с «Легендой об арабском звездочете». Ирвинг так описывает внешность звездочета: «Une grande barbe lui descendait jusqu'à la ceinture» <«Длинная борода ниспадала до самого пояса»> и дальше: «Il ne put que perpetuer ses rides et ses cheveux gris» <«Она еще более подчеркивала его морщины и его седые волосы»>.

В «Сказке о золотом петушке»:

С бородою поседелой...

Затем Пушкин вспоминает, что скопцы — без бороды, и строка принимает такой вид:

Весь наморщен, поседелый,—

еще ближе повторяющий описание Ирвинга. В окончательной редакции уже нет ни бороды, ни морщин («Весь как лебедь поседелый»).

Второй случай: в легенде Ирвинга талисман (медный всадник), имеющий то же назначение, что и петушок пушкинской сказки, был установлен на крыше королевского дворца. Золотой петушок си-

дит на спице перед окошком Дадона. Однако в черновике читаем:

Петушок слетел со спицы  
[С крыши] к колеснице,

а в беловике первоначально было:

Петушок на кровле царской  
Сторожит...

Эпизод ссоры царя со скопцом подвергся самой тщательной обработке. В первой редакции еще отсутствует благодушное приветствие Дадона (от: «А здорово, мой отец» до: «Подь поближе, что прикажешь?»), разительно контрастирующее с его яростью, когда собеседник вздумал ему перечить. Скопец сразу и «дерзновенно» приступает к Дадону со своим требованием. В следующей редакции эта речь снижена и опрощена.

Вообще стремление к снижению лексики и приближение ее к просторечию характерно для переработки стихов «Сказки о золотом петушке». Например, стих:

Ты [мудрец] старик с ума сошел —

во вторичной переработке эпизода ссоры принял такой вид:

Или ты с ума рехнулся?

А стих:

Вспыхнул царь — так же нет —

изменен на:

Плюнул царь: Так лих же, нет!

Не сразу дался Пушкину и ответ царя. Поэт то близко придерживается источника:

Ты спросил бы у меня  
То, что сделать мог бы я,

то заставляет Дадона совсем отказаться от исполнения своего обещания:

От моих от царских слов  
Отпереться я готов.

Затем сейчас же смягчает отказ:

Я моих царевых слов

(видимо, «не забыл») и

Не забыл своих я слов  
И их выполнить готов.

И наконец, возвращается к первому варианту:

Я, конечно, обещал,  
Но всему же есть граница.

В стихе:

Но с царями плохо вздорить—  
слишком явный намек был сглажен:

Но с могучим плохо вздорить—

и, хотя снова появился в беловике в своей первой редакции, был там же окончательно зашифрован:

Но с иным накладно вздорить.

Стих, которым заканчивается рукопись:

Не беда, что сказка ложь,

отброшен поэтом. Очевидно, не найдя удовлетворяющей его рифмы к слову «ложь», Пушкин совсем отказался от этого стиха и заменил его готовой концовкой из черновика «Сказки о мертвой царевне». Однако уже по одной этой строке можно заключить, что по первоначальному замыслу концовка должна была иметь тот же нравоучительно-сатирический характер, что и последние строки окончательного текста:

Сказка ложь, да в ней намек,  
Добрым молодцам урок.

## «АДОЛЬФ» БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

### 1

Вопрос о влиянии на творчество Пушкина знаменитого романа Бенжамена Констана «Адольф» уже обсуждался в пушкинской литературе\*. Известно, что романтический герой Б. Констана был одним из прототипов Онегина. Необходимо, однако, отметить, что роман Б. Констана имел на творчество Пушкина значительно большее и, что особенно важно подчеркнуть, более разнообразное влияние, чем обычно думают.

Особое значение «Адольфа» для Пушкина заключается в том, что Пушкин связал с этим романом ряд литературных проблем, разрешение которых стояло перед ним в конце 20-х годов.

«Адольф» был написан в 1807 году и долго оставался ненапечатанным. Только в 1815 году появилось первое (лондонское) издание «Адольфа», второе (парижское) вышло в 1816 году.

Роман Б. Констана сразу обратил на себя внимание читателей. В 1817 году Стендаль назвал «Адольфа» «необыкновенным романом». Сент-Бев, рассказывая о впечатлении, произведенном «Адольфом» на современников, называет этот роман братом «Ренэ» Шатобриана\*\*. Сисмонди в письме (от 14 октября 1816 г.), которое, по словам Сент-Бева, стало неотделимым от «Адольфа» комментарием этого романа, пишет, между прочим, следующее: «В „Адольфе“ анализ всех чувств человеческого сердца так восхитителен, столько истины в слабости героя,

\* Н. П. Дашкевич (сб. «Памяти Пушкина». Киев, 1899. С. 184—195); Н. О. Лернер (газ. «Речь». 1915. 12 января); Н. Виноградов (Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29. С. 9—15).

\*\* См.: «Causeries du Lundi». Paris, 1868. Т. 11. P. 432—433.



столько ума в наблюдениях, силы и чистоты в слоге, что книга читается с бесконечным удовольствием. Мне кажется, что она доставляет мне тем более удовольствия, что я узнаю автора на каждой странице...» (курсив мой.— А. А.).

Как мы видим, автобиографичность «Адольфа», с одной стороны, с другой — верность и глубина психологического анализа в произведении, впоследствии получившем название «отца психологического романа», были отмечены сразу же. 29 июля 1816 года Байрон писал своему другу поэту Роджерсу: «Я просмотрел „Адольфа“ и предисловие к нему, в котором отвергаются действительные персонажи. Это произведение оставляет тягостное впечатление, но гармонирует с тем состоянием, когда более не способен любить,— состоянием, может быть, самым неприятным в мире, за исключением влюбленности»\*.

Успех «Адольфа» был длителен. Еще в конце 30-х годов Густав Планш написал к «Адольфу» обширное предисловие; Бальзак в 40-х годах упоминает об «Адольфе» в ряде своих романов («Записки новобрачных», «Погибшие мечтания», «Беатриса»).

«Адольф» очень скоро стал известен и русским читателям. Уже 26 октября 1816 года Вяземский писал из Москвы А. И. Тургеневу: «Я послал к тебе „Адольфа“ с молодым Апостолом-Муравьевым»\*\*.

Первый русский перевод «Адольфа» появился в 1818 году под заглавием «Адольф и Елеонора, или Опасности любовных связей, истинное происшествие» и был напечатан в Орловской губернской типографии.

\* The Life, Letters and Journals of Lord Byron, by Thomas Moore. London, 1830. P. 309.

\*\* Остафьевский архив князей Вяземских. Спб., 1899. Т. 1. С. 60.

Принимая во внимание значительное идеологическое воздействие Б. Констана как политического писателя и публициста на передовых людей того времени\*, можно предположить, что Пушкин прочел «Адольфа» вскоре после выхода романа в свет.

Как известно, современники Пушкина узнавали в героине «Адольфа» мадам де Сталь\*\*. Широкая популярность этого имени в России, конечно, должна была повысить интерес читателей к роману Б. Констана. В частности, Пушкин, так высоко ценивший произведения де Сталь, упоминавший о ее книгах «*Dix années d'exil*» и «*De l'Allemagne*» в 1-й главе «Онегина», выступавший в защиту автора «Дельфины» и «Коринны» в 1825 году и еще в 1831 году изобразивший мадам де Сталь в «Рослав-

\* В 70-х гг. П. А. Вяземский, вспоминая это время, писал: «Мы были учениками и последователями преподавания, которое оглашалось с трибуны и в политической полемике такими учителями, каковы были Бенжамин Констан, Ройе-Коллар и многие другие сподвижники их» (Полн. собр. соч. Спб., 1886. Т. 10. С. 292). Карамзин, Тургеневы, Вяземские читали «*La Minerve Française*» — политический журнал Б. Констана. О влиянии на Пушкина политических взглядов Б. Констана см. в статьях Б. В. Томашевского: «Французские дела 1830—1831 гг.» (Письма Пушкина к Е. М. Хитрово <1827—1832>. Л., 1927). «Из пушкинских рукописей» (Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 284, 286, 288). В предисловии к своему переводу «Адольфа» Вяземский делает попытку связать роман с политическими трактатами Б. Констана. Вяземский говорит о Констане следующее: «Автор „Адольфа“ силен, красноречив, язвителен, трогателен... Как в создании, так и в выражении, как в ображениях, так и в слоге вся сила, все могущество его — в истине. Таков он в „Адольфе“, таков на ораторской трибуне, таков в современной истории, в литературной критике, в высших соображениях, духовных умозрениях, в пылу политических памфлетов» (Указ. соч. Приложение. С. 9). О влиянии на декабристов политических трактатов Б. Констана см. в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (Спб., 1909) по указателю.

\*\* Вяземский в предисловии «От переводчика» пишет, что в автобиографической исповеди Констана видели «отпечаток связи автора с славною женщиною, обратившею на труды свои внимание целого света» (Указ. соч. Приложение. С. 5).

леве», должен был с особым вниманием отнестись к «Адольффу».

В письме к Каролине Собаньской (январь—февраль 1830 г.) Пушкин пишет, что имя героини «Адольфа» Элеоноры напоминает ему «жгучие чтения <...> юных лет и нежный призрак, прельщавший <...> тогда» \* (в его одесский период жизни).

Интерес Пушкина к «Адольффу» был столь же длительным, как у его современников.

20 декабря 1829 года, т. е. еще до выхода перевода Вяземского, Баратынский писал Вяземскому: «Для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического, тонко-чувственного „Адольфа“ на наш необработанный язык» \*\*. Вяземский, восторженное отношение которого к роману Б. Константа засвидетельствовано его предисловием\*\*\* к сделанному им переводу «Адольфа», посылая свой перевод Е. М. Хитрово, писал ей: «Вы любите этот роман, вы будете довольны тем, что я посвятил его имени для вас дорогому, т. е. имени Пушкина»\*\*\*\*; а в 1832 году сообщил жене: «Намедни на

\* Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 184.

\*\* Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 47. Очевидно сходство этого отзыва об «Адольфе» с определением языка «Адольфа» в пушкинской заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа». Вероятно, Вяземский сообщил Баратынскому содержание этой заметки (тогда еще не вышедшей).

\*\*\* В этом предисловии Вяземский пишет: «Любовь моя к „Адольффу“ оправдана общим мнением» (Указ. соч. Приложение. С. 5). Последний абзац предисловия Б. Константа к третьему изданию «Адольфа» Вяземский вовсе не перевел. Вероятно, он поступил так потому, что в этом месте Б. Констан, отрекаясь от «Адольфа», пишет: «Публика, вероятно, его забыла, если когда-нибудь знала». Эта фраза Б. Константа противоречит утверждению Вяземского об «Адольфе» как о повести, «так сильно подействовавшей на общее мнение» (Указ. соч. Приложение. С. 6), кроме того, она могла повредить «Адольффу» в глазах русского читателя.

\*\*\*\* Рус. архив, 1895. № 2. С. 110. По экземпляру «Адольфа», принадлежавшему Е. М. Хитрово, Плетнев сверял перевод Вяземского.

бале Завадовская сказала мне, что она три раза прочла моего „Адольфа“\* . Приблизительно к тому же времени относится отзыв об «Адольфе» в дневнике Никитенко\*\* и перевод «Адольфа», сделанный Полевым\*\*\*, Установленное исследователями влияние «Адольфа» на «Героя нашего времени» свидетельствует о впечатлении, произведенном романом Б. Констана на Лермонтова\*\*\*\*. Человек другого поколения, И. С. Аксаков, для которого «Адольф» был только старым французским романом, в письме к отцу от 1845 года сообщает об отношении к этому роману А. О. Смирновой: «Я, не говоря, впрочем, об этом ничего А. О., взял у нее прочесть один французский старый роман Benjamin Constant «Adolphe», который она ставит превыше небес»\*\*\*\*\*.

В личной библиотеке Пушкина хранится экземпляр 3-го издания «Адольфа» (1824) с многими карандашными отметками\*\*\*\*\*. Как мне удалось установить, на с. 61 и 104 находятся замечания

\* Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 175.

\*\* «На днях с удовольствием прочел роман знаменитого Бенжамена Констана „Адольф“. В нем разобраны сплетения человеческого сердца и изображен человек нынешнего века с его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками» <Никитенко А. Дневник: В 3 т. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 102 (запись 25 февраля 1831 г.)>.

\*\*\* Моск. телеграф. 1831. Ч. 37. № 1—4. Судя по рецензии (Моск. телеграф. 1831. Ч. 41. С. 231—244) на перевод Вяземского, Полевой был знаком с французскими критическими статьями об «Адольфе». В рецензии на перевод «Адольфа» Булгарин писал: «Достоинство „Адольфа“ давно уже оценено как самим автором, так и всеми людьми с очищенным вкусом» (Северная пчела. 1831. № 273).

\*\*\*\* См.: Родзевич С. И. Предшественники Печорина во французской литературе. Киев, 1913.

\*\*\*\*\* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. С. 307—308.

\*\*\*\*\* Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. Спб., 1910. № 813.

рукою Пушкина, что позволяет предположить, что и другие отметки сделаны им же.

## 2

Первое известное нам упоминание Пушкина об «Адольфе» находится в черновом тексте 9-го стиха XXXVIII строфы 1-й главы «Евгения Онегина» («Как Child Harold угрюмый, томный»), где вместо имени Child Harold Пушкин написал «как Адольф» (VI, 244). Затем встречается это имя в XXII строфе 7-й главы «Евгения Онегина» (VI, 438)\*: «Адольф» был одним из романов, которые Татьяна прочла в доме Онегина и по отметкам на страницах которого она угадала истинный характер своего героя. Таким образом, Пушкин сам указал на Адольфа как на один из прототипов Онегина.

В до сих пор не опубликованном черновике этой строфы (тетрадь 2371, л. 67) чрезвычайно интересен тот ряд, в который Пушкин включает «Адольфа». Привожу транскрипцию:

Хотя мы знаем что Евгений  
 Издавна чтенья разлюбил  
 [С собою] Однако несколько творений  
 [Лишь] он [С собой] по привычке лишь возил—  
 [Листки в которых отразились] [творцы]  
 [Коринну Сталь] [два три] [романа]  
 Весь В. Скотт Адольф Констана  
 [Мельмот] [Рене] [Адольф] Констана  
 Весь Скотт да два иль три романа  
 Рене, еще два три романа

\* Пушкин упоминает имя Б. Констана также в черновике V строфы 1-й главы «Онегина». Онегин мог вести спор «O Benjamin...» (VI, 217). Тургенев и Вяземский в 1817—1818 гг. часто называют Констана просто Benjamin (см. Остафьевский архив. Т. 1).

В которых отразился век  
И современный человек  
Изображен [печально] довольно верно...

Таким образом, выясняется, что по первоначальному замыслу Пушкина «два-три романа» XXII строфы «Евгения Онегина» — это «Мельмот» Матюрена, «Ренэ» Шатобриана и «Адольф»\*. При следующей переработке этих стихов Пушкин заменил Сталь Байроном, а «два-три романа» не названы.

В «Заметке» о предстоящем выходе перевода «Адольфа», сделанного Вяземским, Пушкин вторично сопоставляет имя Б. Констан с именем Байрона: «Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона»\*\*. Эту мысль Пушкина повторил и Вяземский: «Характер Адольфа верный отпечаток времени своего. Он прототип Чайльд Гарольда и многочисленных его потомков»\*\*\*. Сопоставление Адоль-

\* Воздействие Шатобриана на Пушкина — факт установленный. «Мельмота» Пушкин назвал «гениальным произведением Матюрена». На поиски имени Констан в черновиках «Евгения Онегина» навел меня Д. П. Якубович.

\*\* Лит. газета. 1830. Т. 1. № 1. С. 8 <XI, 87>.

\*\*\* Предисловие к переводу «Адольфа» (с. VII). Это, однако, неверно: «Адольф» вышел в 1815 г., т. е. после двух песен «Чайльд Гарольда» (1812), «Гяура» (1813), «Абидосской невесты» (1813) и «Лары» (1814), и Байрон прочел «Адольфа» только летом 1816 г. Заблуждение Пушкина и Вяземского объясняется, вероятно, тем, что они прочли «Адольфа» раньше, чем узнали Байрона. Впрочем, они могли знать из журналов или от лиц, знавших Констан, что «Адольф» написан задолго до выхода его в свет. Полевой в крайне враждебном отзыве (Моск. телеграф. 1831. Ч. 41. С. 231—244) о переводе Вяземского, отмечая эту хронологическую ошибку, говорит, что она доказывает неверность «истин услышанных, а не почувствованных». Этим он, конечно, намекает на то, что Вяземский повторил слова Пушкина. Как известно, Пушкин узнал Байрона около 1820 г. Первое упоминание о Байроне в переписке Тургенева с Вяземским относится к 1819 г.

фа с характерами героев Байрона имело для Пушкина очень важный принципиальный смысл.

Вяземский в посвящении Пушкину сделанного им перевода «Адольфа» писал: «Прими перевод нашего любимого романа» и «Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего». Хотя это посвящение, как выясняется из писем Вяземского к Плетневу, было написано в январе 1831 года, но это не значит, что беседы об «Адольфе» происходили в связи с переводом Вяземского. Вернее предположить, что именно эти беседы подали Вяземскому мысль заняться переводом романа Б. Констанана.

Вяземский переводил «Адольфа» соп атоге <с любовью>, придавал чрезвычайно важное значение своему переводу и работал над такой сравнительно небольшой вещью очень долго\*.

20 декабря 1829 года Баратынский благодарит Вяземского за присланную на просмотр рукопись перевода\*\*. И только 12 января 1831 года Вяземский обратился к Плетневу с просьбой отдать в цензуру оставленный в Петербурге у Жуковского и Дельвига перевод «Адольфа», обещая прислать на

\* «А я между тем пришлю Вам на днях два приложения к переводу моему: письмо к Пушкину и несколько слов от переводчика», — писал Вяземский Плетневу 12 января 1831 г. (Известия Отд. рус. яз. и слов. Акад. наук, 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 92). Посвящение помечено: «Село Мещерское (Саратовской г.) 1829 года». Этой пометой Вяземский, по-видимому, хотел установить первенство своего перевода.

\*\* В «Старой записной книжке» Вяземского отмечено 16 июня 1830 г.: «То ли бы дело теперь пересмотреть мне моего „Адольфа“, написать предисловие к переводу». 22 июля: «Перечитывал несколько глав перевода „Адольфа“». 25 июля: «Сегодня кончил я мой пересмотр „Адольфа“». 24 декабря: «Вот и Benjamin Constant умер; а я думал послать ему при письме мой перевод „Адольфа“». Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик» <Полн. собр. соч. Т. 9. С. 122, 131, 133, 155>.

дней посвящение («письмо к Пушкину») и предисловие («несколько слов от переводчика»)\*.

17 января 1831 года Вяземский послал Пушкину из Остафьева в Москву свое предисловие (а может быть, и посвящение) со следующей просьбой: «Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием *посылаемое* тебе (курсив мой.— А. А.) и укажи мне на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддаться боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее. <...> Нужно отослать в Петербург к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа» (XIV, 146).

Очевидно, Пушкин полагал необходимым внести некоторые поправки в предисловие Вяземского, потому что через три дня он ответил: «Оставь Адольфа у меня—на днях перешлю тебе нужные замечания»\*\*. Поэтому мы имеем право предположить редактуру, если не сотрудничество Пушкина, а самое предисловие рассматривать как итог бесед

\* В цитированном выше письме Вяземский торопит Плетнева: «Мой Адольф пропал без вести, а между тем Полевой, всегда готовый на какую-нибудь пакость, печатает своего Адольфа в Телеграфе. Была ли моя рукопись в цензуре?» До какой степени Вяземский был раздражен поведением Полевого, доказывает следующая странная его просьба: «Поверьте с моим переводом перевод Телеграфа. Помилуй боже и спаси нас, если будет сходство. Я рад все переменить, хоть испортить—только бы не сходиться с ним». В письме от 31 января Вяземский повторяет эту просьбу.

\*\* 19 января 1831 г. (в записке с известием о смерти Дельвига) Пушкин мог и лично передать Вяземскому свои замечания. Они виделись 25 и 26 января 1831 г. (см.: *Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина*. Спб., 1910. С. 235). 31 января Вяземский послал Плетневу с Толмачевым посвящение и предисловие, переписанные рукой В. Ф. Вяземской и получившие санкцию Пушкина (Несколько писем кн. П. А. Вяземского к П. А. Плетневу // Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. наук, 1897. Т. 2. Кн. 1). В комментарии Н. К. Козмина к заметке Пушкина об «Адольфе» (Пушкин А. С. Соч. Л., 1929. Т. 9. Ч. II. С. 163, примеч.) ошибочно указано, что Вяземский послал Пушкину на просмотр весь перевод романа Б. Констана.



Пушкина и Вяземского об «Адольфе». Это тем вероятнее, что, как уже отмечалось, некоторые мысли, высказанные Вяземским в предисловии,— повторение заметки Пушкина об «Адольфе»\*.

В своем предисловии Вяземский говорит, что, переводя «Адольфа», он имел желание «познакомить» русских писателей с этим романом\*\*. Конечно, Вяземский знал, что русские писатели могли прочесть роман Б. Констан в подлиннике, и вовсе не с романом Б. Констан хотел их познакомить, а показать на примере своего перевода, каким языком должен быть написан русский психологический роман.

Говоря о языке психологической прозы, мы имеем в виду тот язык, который Пушкин называл «метафизическим»\*\*\*.

Пушкин считал Вяземского способным содействовать развитию этого языка («У кн. Вяземского есть свой слог») и 1 сентября 1823 года советовал Вяземскому заняться прозой и «образовать русский метафизический язык». А еще 18 ноября 1822 года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Я сию теперь на прозаических переводах с французской прозы. Впервые, есть тут и для себя упражнение полезное»\*\*\*\*. Очевидно, прозаические переводы уже

\* Упомянутый комментарий <Н. К. Козмина> к заметке об «Адольфе».

\*\* Булгарин, цитируя это место, иронически прибавил: «вероятно, не знающих французского языка» (Северная пчела, 1831. № 274).

\*\*\* Известно, что «метафизическим» Пушкин называл язык, способный выражать отвлеченные мысли. Однако когда Пушкин говорит о метафизике характера Нины Баратынского или о метафизическом языке «Адольфа», то, очевидно, имеет в виду психологизм этих произведений. В таком же смысле Вяземский называет «Адольфа» представителем «светской, так сказать, практической метафизики века нашего» (предисловие к переводу «Адольфа»).

\*\*\*\* Остафьевский архив... Спб., 1899. Т. 2. С. 280.

тогда казались Вяземскому способом обогащения русского литературного языка и, в частности, создания русской прозы, еще не очень самостоятельной и малоработанной. Известны жалобы Пушкина на отсутствие русской прозы и на отставание прозы от стихов\*.

Посылая Баратынскому на просмотр свой перевод «Адольфа», Вяземский, очевидно, высказал свои соображения о трудности передать по-русски все оттенки «Адольфа», потому что Баратынский ответил ему следующее: «Чувствую, как трудно перевести *светского* Адольфа на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительных выражений. <...> Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из них, которые говорят по-русски, говорят языком Пушкина, Жуковского и вашим, языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику»\*\*.

За год до того, как было написано предисловие Вяземского, Пушкин в заметке о предстоящем выходе «Адольфа» писал: «Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность *метафизического языка*, всегда стройного, *светского*, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы»

\* «У нас не то, что в Европе,—повести в диковинку»,—писал Пушкин Погодину 31 августа 1827 г. И еще в 1831 г.: «В прозе мы имеем только „Историю Карамзина“. Первые два или три романа появились два или три года назад» («Рославлев»).

\*\* Старина и новизна, 1902. Кн. 5. С. 50. (Курсив мой.— А. А.).

(курсив мой.— А. А.). Здесь Пушкин, уже знавший перевод Вяземского или, во всяком случае, методы его перевода\*, высказывал ту же мысль, что и Вяземский в предисловии, а Баратынский в приведенных письмах. Говоря о метафизическом языке «Адольфа», Пушкин имеет в виду создание языка, раскрывающего душевную жизнь человека. Самое выражение «метафизический язык» Пушкин, вероятно, заимствовал у мадам де Сталь. Оно встречается в «Коринне», в главе «De la littérature italienne», без сомнения внимательно прочитанной Пушкиным: «les sentiments réfléchis exigent des expressions plus métaphisiques» <рассудочное мышление требует более метафизического выражения> \*\*.

\* Вяземский писал, что хотел «изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному» (предисловие к переводу «Адольфа»). На необработанность русского языка жалобы очень часто встречаются в «Записной книжке» Вяземского, напр.: «У нас жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения. Как, например, выразить по-русски понятия, которые возбуждают в нас слова: naïve, sérieux. Чистосердечный, протосердечный, откровенный, все это не выражает значения первого слова; важный, степенный не выражает понятия, свойственного другому; а потому и должны мы, поневоле говорить — наивный, серьезный. Последнее слово вошло в общее употребление. Нельзя терять из виду, что западные языки — наследники древних языков и их литератур, которые достигли высшей степени образованности и должны усвоить все краски, все оттенки утонченного общежития. Наш язык происходит, пожалуй, от благородных, но бедных родителей, которые не могли оставить наследнику своему... литературы утонченного общества, которого они не знали. Славянский язык хорош для церковного богослужения. Молиться на нем можно, но нельзя писать романы, политические и философские рассуждения». Приблизительно в то же время (1830) Пушкин называет метафизическими стихи Вяземского: «Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических» (курсив мой.— А. А. См. «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой»).

\*\* «Corinne», livre VII, ch. 1. «De la littérature italienne». Об

Конечно, возникает вопрос, чем же отличается психологизм «Адольфа», так сильно поражающий читателей, от психологизма романов, современных «Адольфу», как первоклассных (Сталь, Шатобриан), так и второстепенных (Коттен, Криденер, Жанлис). Дело в том, что Б. Констан первый показал в «Адольфе» раздвоенность человеческой психики\*, соотношение сознательного и подсознательного\*\*, роль подавляемых чувств\*\*\* и разоблачил истинные побуждения человеческих действий. Поэтому «Адольф» и получил впоследствии название «отца психологического романа» или «le prototype du roman psychologique». Все эти черты «Адольфа», как известно, указали путь целому ряду романистов, в числе которых одним из первых был Стендаль. Уже в 1817 году Стендаль писал: «Данте понял бы без сомнения тонкие чувства, наполняющие необыкновенный роман Бенжамена Констана „Адольф“, если бы в его время были такие же слабые и несчастные

отсутствии у русских языка, способного выражать отвлеченные идеи, де Сталь писала в книге «Dix années d'exil». См. об этом в статье Б. В. Томашевского «„Кинжал“ и m-me de Staël» (Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36).

\* Например: «Почти всегда, когда мы хотим быть в ладу с собою, мы обращаем в расчеты и правила свое бессилие и свои недостатки. Такая уловка в нас удовлетворяет ту половину, которая, так сказать, есть зритель другой» (с. 12). <Здесь и далее цитаты из «Адольфа» на русском языке даются по переводу П. А. Вяземского: Полн. собр. соч. Спб., 1886. Т. 10. Приложение, с указанием страницы>.

\*\* «В этой потребности было, несомненно, много суетного, но не одна была в ней суетность; может статься, было ее и менее, нежели я сам полагал» (с. 7).

\*\*\* «Я успел приневолять себя и заключил в груди своей малейшие признаки неудовольствия, и все способы ума моего стремились созидать себе искусственную веселость, которая могла бы прикрывать мою глубокую горесть. Сия работа имела надо мною действие неожиданное. Мы существа столь зыбкие, что под конец ощущаем те самые чувства, которые сначала высказывали из притворства» (с. 42).

люди, как Адольф; но, чтобы выразить эти чувства, он должен бы был обогатить свой язык. Таким, как он нам его оставил, он не годится... для перевода Адольфа» \*.

В связи с высказыванием Пушкина о метафизическом языке «Адольфа» особый интерес представляют его собственные пометки на полях романа Б. Констан. Против отчеркнутых слов (в письме Адольфа к Элеоноре): «Je me précipite sur cette terre qui devrait s'entr'ouvrir pour m'engloutir à jamais; je pose ma tête sur la pierre froide qui devrait calmer la fièvre ardente qui me devore» \*\* — Пушкин написал: «Вранье».

Гиперболическая риторика этой фразы воспринималась Пушкиным как нарушение «стройности» метафизического языка, и эти lamentации в духе «Новой Элоизы» Руссо должны были казаться фальшивыми в устах светского соблазнителя.

Второй пример любопытен как случай редактирования Пушкиным романа Б. Констан и относится к одному из рассуждений Адольфа о раздвоенности человеческой личности, о которых я говорила выше. В отчеркнутой фразе: «et telle est la bizarrerie de notre coeur misérable que nous quittons avec un déchirement horrible ceux près de qui nous demeurions sans plaisir» \*\*\* — слово «plaisir» <удовольствие> зачер-

\* De Stendhal. Rome, Naples et Florence. Запись 4 января. Этот отзыв Стендаля об «Адольфе» был, вероятно, известен Вяземскому, который в 1833 г. писал А. И. Тургеневу: «Я Стендаля полюбил с „Жизни Россини“» (Остафьевский архив. Спб., 1899. Т. 3. С. 233). «La vie de Rossini» появилась в 1823 г., 3-е изд. «Rome, Naples...» — в 1826 г.

\*\* «Кидаясь на землю; желаю, чтобы она расступилась и поглотила меня навсегда; опираюсь головою на холодный камень, чтобы утолил он знойный недуг, меня пожирающий...» (с. 21).

\*\*\* «Таково своенравие нашего немощного сердца, что мы с ужасным терзанием покидаем тех, при которых пребывали без удовольствия» (с. 36).

кнута и на полях написано — «bonheur» <счастье>. Эта поправка свидетельствует о требовании точности оттенков смысла.

3

Противопоставление Адольфа героям романов XVIII века, находящееся в предисловии Вяземского («Адольф в прошлом столетии был бы просто безумец, которому никто бы не сочувствовал»), было уже сделано Пушкиным в незаконченном «Романе в письмах» (1829 г.), не напечатанном при жизни Пушкина, но, вероятно, известном Вяземскому: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушки и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?»\* Таким образом, Пушкин трижды в конце 20-х годов говорит о современности Адольфа: в VII главе «Онегина» (1828 г.), в «Романе в письмах» (1829 г.) и в заметке об Адольфе (1830 г.). Вяземский повторяет это утверждение в предисловии к своему переводу.

Еще одно совпадение мыслей Пушкина и Вяземского об «Адольфе» относится к определению ими жанра и стиля этого романа. Пушкин назвал язык

\* Это говорит представительница высшего петербургского общества, из чего следует, что ее идеалом был Адольф. В том же «Романе в письмах» сцена встречи влюбленных среди многочисленного общества очень напоминает такое же описание в «Адольфе» (гл. II). В «Дубровском» (1832) описание поведения «светского человека» кн. Верейского в гостях у Троекурова также восходит к «Адольфу»: «Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами». Ср. в «Адольфе»: «Я... испытывал тысячу средств привлечь внимание ее. Я наводил разговор на предметы для нее занимательные... Я был вдохновлен ее присутствием: я добился до внимания ее...» (с. 16).

«Адольфа» «светским». Ср. в предисловии Вяземского: «Творение сие не только роман сегодняшний (roman du jour), подобно новейшим или гостиным романам...» \* Как мы видим, Баратынский также назвал роман Констана «светским».

В это время мысль о создании современного «светского» романа или повести очень занимала Пушкина.

В «Романе в письмах», представляющем собою как бы свод литературно-полемиических (и политических) высказываний Пушкина, розданных им всем четырем корреспондентам, автор от лица одной из героинь говорит следующее о романах XVIII века: «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р... Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает». В этом мы узнаем тот метод, которым иногда пользовался сам Пушкин («Рославлев», «Барышня-крестьянка», «Русский Пелам»). Итак, мы видим, что задача создания «светской» повести заключалась для Пушкина (в 1829 г.) в том, чтобы превратить готовую сюжетную схему в конкретное произведение с определенным реальным материалом.

\* Можно указать, какие романы Вяземский называл «гостинными». «Прочел я „Le Moqueur amoureux“ роман Sophie Gay: слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостинной». (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1884. Т. 9. С. 126, запись 6 июля 1830 г.). «Прочел я и „Granou, roman fashionable“. В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостинной в гостиную» (там же, с. 142). Полевой в уничтожающем разборе перевода Вяземского писал, что «роман Б. Констана верный список с невымышленной сцены света — не более» (Моск. телеграф. 1831. Ч. 41. С. 235).

Несомненно, материалом «светских» повестей Пушкина и были его наблюдения над бытом и нравами того общества, в котором он жил после возвращения из Михайловского. Напомню, что в пушкинской литературе существуют указания на автобиографичность «светских» повестей Пушкина 1828—1829 годов\*. Но это, конечно, не исключает литературных реминисценций.

Самая тема повести «На углу маленькой площади» — адюльтер, и судьба женщины, открыто нарушившей законы света, несомненно указывает на французские традиции\*\*.

В заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа» Пушкин, характеризуя героя Б. Констана, приводит XXII строфу (тогда еще не напечатанной) 7-й главы своего «Онегина» и относит «Адольфа» к двум-трем романам,

В которых отразился век,  
И современный человек

\* Путеводитель по Пушкину. <Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1931. Т. 6>.

\*\* Датировка этого отрывка представляет некоторые затруднения: план повести (тетрадь № 2282, л. 23 об.) находится среди черновиков «Гасуба» и рядом со стихотворением «Поедем, я готов» (24 декабря 1829 г.). Черновик начала 1-й главы находится в бывшем «Онегинском собрании». Он написан на двух листах с жандармскими цифрами (64 и 76). Как установлено Л. Б. Модзалевским, эти листы вырваны самим Пушкиным из тетради № 2371, в которой находится (почти примыкающее к онегинскому черновику) продолжение 1-й и известная нам часть 2-й главы (л. 86, 87, 88, 89). Они не могли быть написаны раньше лета 1830 г. (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и романы французских романтиков // Лит. наследство. Т. 16/18. С. 947). В тетради № 2286 находится (л. 13 и 50) перебеленный текст 1-й главы с пометой «24 февраля», как указал мне Г. О. Винокур. Обе рукописи носят на себе следы нескольких слоев работы. Все это говорит за то, что Пушкин писал этот отрывок с перерывами: начал его в 1830 г. (или даже в последние дни 1829 г.), а в 1832 г. 24 февраля переписал (поправляя), очевидно, намереваясь продолжать его.



Изображен довольно верно  
 С его безнравственной душой,  
 Себялюбивой и сухой,  
 Мечтанью преданной безмерно,  
 С его озлобленным умом,  
 Кипящим в действии пустом.

Таким же «сыном своего века» сделал Пушкин и героя отрывка «На углу маленькой площади». Это явствует из следующих сравнений. В плане повести: «Он сатирический, рассеянный». Адольф говорит о себе: «Рассеянный, невнимательный, скучающий». И в другом месте: «Я распустил о себе славу человека легкомысленного и злобного» (т. е. сатирического). Далее Пушкин так характеризует Валериана Волоцкого, в первоначальном наброске названного просто Алексеем: «Он не любил скуки, боялся всяких обязанностей и выше всего ценил свою себялюбивую независимость». Здесь Пушкин имеет в виду также высказывания Адольфа: «Я сравнивал жизнь свою независимую и спокойную с жизнью торопливости, тревог и страданий, на которую обрекала меня страсть ее»\*. К этому следует добавить, что обе эти характеристики относятся к одной и той же ситуации.

Создавая современного героя, «сына века сего» — светского человека, столь же тщеславного и эгоистического, как «Адольф»\*\*, Пушкин заимствовал

\* Эпиграф 1-й главы <в переводе>: «Ваше сердце — губка, напитанная желчью и уксусом», — конечно, служит дополнительной характеристикой героя. Примечательно также, что фраза: «В эти минуты надобно мне сидеть дома...» — имела первоначально такой вид: «В эти минуты надобно мне сидеть дома и не досаждать тебе моей хандрой».

\*\* «Я находил в этом роде успехов наслаждение самолюбия» (с. 65), — говорит Адольф о своих светских успехах. «Вы увидите его в обстоятельствах различных и всегда жертвою сей смеси

готовый характер, по-своему объяснив, снизив и разоблачив его согласно с характеристикой героя Б. Констана, данной в 7-й главе «Евгения Онегина». Не случайно на такую возможность намекает Вяземский в предисловии к «Адольту», как мы видели, отредактированном Пушкиным: «Автор так верно обозначил нам с одной точки зрения характеристические черты Адольфа, что, применяя их к другим обстоятельствам, к другому возрасту, мы легко выкладываем мысленно весь жребий его, на какую бы сцену действия ни был он кинут. Вследствие того можно бы (разумеется, с дарованием Б. Констана) написать еще несколько Адольфов в разных летах и костюмах».

Но Пушкин не только перенес в свою повесть характер Адольфа, но и поставил Алексея в то же положение, в котором находился герой Б. Констана. Мы знаем, что в ту пору (и никогда ни раньше, ни позже), вероятно в связи с личными обстоятельствами его собственной жизни, проблема Адольфа живо интересовала Пушкина. Памятник этого интереса: лирическое стихотворение 1829—1830 годов «Когда твои молодые лета», столь близкое по теме и по тону к Адольфу, а по ситуации к отрывку «На углу маленькой площади».

То немногое, что известно нам из этого произведения, позволяет утверждать, что при создании этой повести Пушкин использовал сюжетную схему романа «Адольт» и ряд его психологических мотивиро-

*эгоизма* и чувствительности, которые сливались в нем» (с. 81). В 1836 г. Пушкин писал: «Нынешние <писатели> любят выставить порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: *эгоизм* и *тщеславие*». Отсюда понятно, почему в конце 20-х гг. Пушкин считал Адольфа современным героем.

вок. Показательна, например, разница лет любовников. Она та же в повести Пушкина, что и в романе Б. Констан: Волоцкому — 26 лет, Зинаиде — 36. Сравним в «Адольфе»: «Она десятью годами вас старше. Вам 26 лет». Описывая внешность Эллеоноры, Б. Констан пишет: «Прославленная своей красотой, хотя уже не первой молодости»\*. В первоначальном наброске первой главы пушкинского отрывка: «Прекрасная, хотя уже не молодая». Так же как Эллеонора, Зинаида из-за открытой связи с любимым человеком теряет принадлежавшее ей прежде общественное положение. Эта тема проходит через весь роман Б. Констан; в отрывке повести Пушкина она намечается одной фразой: «Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим высшим обществом». Следует отметить, что в пушкинском экземпляре «Адольфа» слова: «но я слишком страдала, я уже не молода и мнение света мало владычествует надо мною» — подчеркнуты. Эллеонора просит Адольфа позволения принимать его «в убежище, сокровенном посреди большого города». Именно такова ситуация, открывающая повесть Пушкина.

Изложение предыстории, кратко данной во второй главе пушкинского отрывка\*\*, очень близко к развитию действия в «Адольфе»: «Граф П. скоро заметил сношения мои с Эллеонорой» («Адольф») —

\* Предшественница Зинаиды в творчестве Пушкина — гр. Леонора Д. в «Арапе Петра Великого», которая «была не в первом цвете лет, но славилась еще своею красою».

\*\* В рукописи 2-я глава начинается зачеркнутой фразой: «Зинаида им овладела». Очевидно, Пушкин первоначально предполагал более подробно изложить предысторию. В «Адольфе» приведенной фразе соответствуют следующие места: «Я был только человек слабый, признательный и порабощенный...», «Я покорился ее воле» (с. 33, 34).

«<sup>xx</sup> скоро удостоверился в неверности своей жены» («На углу маленькой площади»).

Но наиболее близкое сходство находится в описании разрыва Зинаиды с мужем. Адольф надеется, что Элеонора не порвет с графом П., с которым она должна иметь решительное объяснение; далее следует фраза, близкая пушкинскому тексту: «...как вдруг женщина принесла мне записку (*un billet*), в которой Элеонора просила меня быть к ней в такой-то улице, в таком-то доме, в третьем этаже». Адольф идет к Элеоноре. «Все расторгнуто,— сказала она мне...» В пушкинском отрывке Зинаида тоже после объяснения с мужем «в тот же день переехала с Английской набережной в Коломну\* и в *короткой записочке\*\** уведомила обо всем Волоцко-го, не ожидавшего ничего тому подобного...». Непосредственно за этим и в романе Б. Констан и в отрывке повести Пушкина следует весьма важное для объяснения характера обоих героев описание их растерянности по получении этого известия: «Я принял ее жертву, благодарил за нее» («Адольф»). «Он притворился благодарным» («На углу маленькой площади»). О самочувствии своих героев Б. Констан и Пушкин говорят почти одно и то же: «Никогда не думал он связать себя такими узами» (Пушкин): «Узы мои с Элеонорой», «Ибо узы, которые я влачил так давно» (Б. Констан). В пушкинском экземпляре «Адольфа» отчеркнут конец фразы: «уверенность в будущем, которое должно разлучить нас, может быть *неведомое возмущение*

\* Первоначально было: «На Васильевский остров». То и другое соответствует третьему этажу в «Адольфе».

\*\* Первоначально было: «оттуда послала Волоцкому страничку». У Констан: *billet*, т. е. листик, письмецо, записка.

*против уз, которые я расторгнуть не мог, меня внутренне снедали».*

Самая ситуация в первой главе пушкинского отрывка может быть объяснена следующей цитатой из романа Б. Констана: «Мы проводили однообразные вечера между молчанием и досадами». Ср. в отрывке повести Пушкина: «Ты молчишь, не знаешь, чем заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мне, чтоб со мной поборниться...»\*

Итак, мы видим, что Пушкин в отрывке повести «На углу маленькой площади» воспроизвел сюжетную схему «Адольфа» (начиная с IV главы романа Б. Констана), окрасив своим отношением характер центрального героя. Волоцкий, во всяком случае, лишен той «декламационной сантиментальности», которая, по выражению одного из французских критиков, характерна для Б. Констана.

Не забудем, что для Пушкина Адольф был байроническим героем («Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона»). Следовательно, разоблачая и сатирически интерпретируя Адольфа, Пушкин тем самым преодолевал байронизм в своих прозаических опытах так же, как в «Евгении Онегине».

Сатирическая оценка психологии центрального героя, конечно, связана у Пушкина с оценкой его социального положения. Это тем более важно отметить, что аналогичные сатирические оценки в романе Б. Констана имеют лишь побочное значение. Социальный смысл сатирической направленности

\* См. также: «Она никогда не отпускала меня, не старавшись удержать» («Адольф»). «— Ты уже едешь?— сказала дама с беспокойством.— Ты не хочешь здесь отобедать?— Нет, я дал слово.— Обедай со мною,— продолжала она ласковым и робким голосом» («На углу маленькой площади»).

пушкинского отрывка («На углу маленькой площади») вскрывается в теме спора Зинаиды с Волоцким. Тема этого спора — излюбленные пушкинские размышления о новой знати («Аристократия, — прервала с усмешкою бледная дама, — что ты зовешь аристократиею...»)\*, почти дословно повторяющиеся в двух других «светских» повестях Пушкина. «Что такое русская аристократия?» — спрашивает испанец Минского («Гости съезжались на дачу»); «Ты знаешь, что такое наша аристократия», — пишет Лиза подруге («Роман в письмах»). В Волоцком Пушкин изобразил «потомка Рюрика»\*\*, который требует уважения от новой знати.

\* Тетрадь № 2371, л. 68 <VIII, 728>.

\*\* Самая фамилия героя пушкинского отрывка раскрывает его социальную позицию. Кн. *Волоцкие* — угасший в пушкинское время род, ведший свое происхождение от Рюрика и владевший гор. Волоком Камским, или просто Волоком. Пушкин, так живо интересовавшийся своей родословной, конечно, знал древние русские роды и в том же 1830 г. упоминает о прекращении многих из них: «Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожались...» (см. также: «Мне жаль, что нет князей Пожарских, Что о других пропал и слух». — «Езерский»). В подготовительных заметках к «Борису Годунову» <VII, 289> Рюриковичи выписаны из Карамзина: «Князя Рюр<икова> пл<емени> Шуйский, Сицкий, Воротынский, Ростовский, Телятевский и пр.; некоторые из них названы в самой трагедии: Шуйский, Воротынский, Сицкий, Шастуновы (также Курбский — «великородный витязь». Ср. в 10-й главе «Евгения Онегина»: «Но виршеплет великородный» о кн. Долгорукове), фамилия Сицких повторена в «Езерском»: «И умер, Сицких пересев». В «Арапе Петра Великого» Ржевский, про которого сказано, что он происходил от древнего боярского рода, его тесть Лыков; предполагаемые женихи Ржевской — Львов, Долгоруков, Троекуров, Елецкий (о происхождении Елецких Пушкин писал в отрывке «Несмотря на великие преимущества», 1830). Снова Ржевская в плане повести «О стрелце и боярской дочери». Конечно, не случайно многие герои пушкинских и неисторических произведений 1829—1834 гг. носят фамилии Рюриковичей, в XIX в. уже не существовавшие или которые можно было назвать, не задевая никого, как напр. Елецкий, Минский, гусар-аристократ («Станционный смотритель»), и Минский («Гости съезжались на дачу»), сам рекомендуемый Рюриковичем, разоряющийся англоман Муромский («Барышня-

Поэтому Волоцкий и говорит с такой пренебрежительностью о «дочери того певчего». Под «дочерью певчего» надо подразумевать, конечно, не дочь какого-нибудь церковного певчего, а представительницу новой знати, столь ненавидимой Пушкиным. Стих «Моей родословной» (1830) «Не пел на клиросе с дьячками», как известно, метит в Разумовских. Их же, между прочим, Пушкин имеет в виду в перечислении: «Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожников, денщиков, *певчих* и дьячков — спесь герцога Монтогенсу, первого христианского барона, и Клермон-Тоннера» («Гости съезжались на дачу»). Титул «первого христианского барона» имел глава дома Монморанси. Ср. в «Записках» Ф. Вигеля: «Все сыновья... Кирилла Григорьевича Разумовского были... спесивы и недоступны... и почитали себя русскими Монморанси» (Т. 1, С. 303). Несмотря на всю эскизность портрета, в графине Фуфлыгиной можно узнать другую представительницу новой аристократии, законодательницу петербургского света гр. М. Д. Нессельроде\*. Она была личным

крестьянка»), кн. *Горский* (черновик «На углу маленькой площади»), снова *Троекуров* («Дубровский»), о котором сказано, что он был знатного рода, и кн. *Верейский* (там же) и кн. *Елецкая* («Пиковая дама») поименованы в «Российской родословной книге» Долгорукова как ведущие род от Рюрика. Упоминает Пушкин и фамилии, произошедшие от его пращура Радши, — см. пушкинскую «Родословную Пушкиных и Ганнибалов»; *Бутурлин* — один из гостей Шуйского — и *Бутурлин*, оспаривающий вместе с Долгорукиком Петра в сенате («Арап Петра Великого»), и московская барыня *Поводова* («Роман на Кавказских водах»). От Радши — и упоминаемый в «Борисе Годунове» московский дворянин *Рожнов*. Таким образом, мы видим, что семантика этих фамилий дает дополнительный материал для постановки вопроса об отношении Пушкина к старой знати.

\* Ни в черновике б. «Онегинского собрания», ни в продолжении пушкинского отрывка в тетради № 2371 Фуфлыгина не упоминается. Вероятно, этот персонаж введен Пушкиным только в 1832 г. при переписке повести (тетрадь № 2386): за это говорят и помарки

врагом Пушкина за приписываемую поэту эпиграмму на отца Нессельроде, министра Гурьева. Характеристика, данная Пушкиным гр. Фуфлыгиной, очень близка к отзывам современников о гр. Нессельроде.

Волоцкий называет аристократами «тех, которые протягивают руку графине Фуфлыгиной». См. в мемуарах М. А. Корфа: «Салон графини Нессельроде <...> был неоспоримо первым в С.-Петербурге: попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу... но кто водворился в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг». Фуфлыгина — толста. П. А. Вяземский писал А. Я. Булгакову о Нессельроде: «...и плечиста, и грудиста, и брюшиста». Фуфлыгина — взяточница и наглая дура. Впоследствии П. В. Долгоруков вспоминает о Нессельроде: «...женщина ума недалёкого... взяточница, сплетница <...> но отличавшаяся необыкновенной энергией, дерзостью, нахальством и посредством <...> этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд»\*.

Элементы «злословия», присущие жанру светской повести (см., например, «Пелам» Бульвера), в незаконченных повестях Пушкина функционально изменяются, приобретая резко публицистическую направленность. Таким образом, эти повести могут рассматриваться как иллюстрация программных высказываний Пушкина в его статьях того времени.

в этом месте рукописи. В 1832 г. Пушкин жил в Петербурге, и его отношение к гр. Нессельроде уже определилось. О столкновении Пушкина с Нессельроде рассказывает Нащокин. Столкновение это, по-видимому, относится к началу 30-х гг. (см.: Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 годах. М.; Л., 1925. С. 42, 111).

\* Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1934. С. 207.



Что же касается указаний на автобиографичность «светских» повестей Пушкина, и в частности отрывка «На углу маленькой площади», то при известной способности Пушкина перевоплощаться в любимого писателя очень легко допустить, что во второй половине 20-х годов светская ипостась Пушкина (которую он с таким старанием отделял от своей творческой личности) воплотилась в светского, скупающего и стремящегося к независимости Адольфа. Ср., например, пушкинский отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» с «Адольфом»\*. Поэтому если в Онегине и Волоцком есть Адольф, то этот Адольф — Пушкин. Этому, конечно, способствовала в особенности автобиографичность самого «Адольфа», которая, подобно автобиографичности «Вертера», должна была наталкивать на мысль о создании произведений автобиографического характера. Сам Б. Констан в предисловии к третьему изданию своего романа писал: «То придает некоторую истинную рассказу моему, что почти все люди, его читавшие, говорили мне о себе как о действующих лицах, бывавших в положении моего героя».

## 4

Итак, мы видим, что Пушкин в конце 20-х годов, решая проблему создания небайронической характе-

\* Через один абзац от написанного Пушкиным на полях «Адольфа» слова «bonheur» <счастье> следуют рассуждения Адольфа о своей независимости и сожаление о предстоящей потере ее: «Я сравнивал жизнь свою независимую и спокойную с жизнью торопливости, тревог и страданий... Мне так было любо чувствовать себя свободным, идти, прийти, отлучиться, возвратиться, не озабочивая никого» (с. 36). У Пушкина (1830 г.): «...я жертвую независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью. <...> Утром встану, когда хочу, принимаю, кого хочу...»

ристики современного героя, отчасти опирается на «Адольфа».

Изменение отношения Пушкина к байроническому герою должно быть отмечено уже в «Евгении Онегине».

В пушкинской литературе неоднократно указывалось на сходство Онегина с Адольфом. Из всех убеждающих нас сопоставлений Онегина с Адольфом можно сделать один вывод: «Адольф» был одним из произведений, давших Пушкину скептические и реалистические позиции против Байрона.

Следует отметить, что сходство Онегина с Адольфом возрастает к концу пушкинского романа, и в особенности явственно в 8-й главе (1830). Теперь, когда мы знаем ряд фактов, по-новому освещающих отношение Пушкина к Адольфу, можно с бóльшей уверенностью указать еще несколько довольно существенных совпадений 8-й главы «Онегина» с романом Б. Констана.

Начну с черновых вариантов: «Свой дикий нрав преодолев» — ср. «Адольф»: «се caractère qu'on dit bizarre et sauvage...» <«сей характер, который почитают странным и диким...»>. Последний стих XII строфы имел первоначально такой вид:

Заняться чем-нибудь хотел.

Адольф тоже мечтает о деятельности\*. Кроме того, при сопоставлении 8-й главы с «Адольфом» можно найти более близкие примеры, чем это было сделано до сих пор: барон Т. говорит Адольфу: «Вам 26 лет,

\* «Я сетовал не об одном поприще: не покусившись ни на одно, я сетовал о всех поприщах» (с. 51); «Я ощущал в себе живейшее нетерпение приобрести снова в отечестве и в сообществе мне равных место, принадлежавшее мне по праву» (с. 52).

вы достигнете до половины жизни вашей, ничего не начав, ничего не свершив». В 8-й главе «Онегина»:

Дожив без цели, без трудов  
До двадцати шести годов,  
Томясь в бездействии досуга...

Далее Адольф говорит: «Я кинул долгий и грустный взгляд на время, протекшее без возврата: я припомнил надежды молодости... *мое бездействие давило меня...*» (с. 51). Ср. 8-ю главу: «Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана...» Есть сходство и в самой ситуации, которую представляет нам 8-я глава, с началом романа Б. Констанана.

Родственник героя, граф П., в подругу которого влюблен Адольф, приглашает его на вечер. Князь Н., муж Татьяны, приглашает Онегина на вечер.

Адольф, желая увидеть Элеонору, поминутно смотрит на часы— «Онегин вновь часы считает, вновь не дожидаться дню конца!».

«Наконец пробил час, когда Адольфу нужно было ехать к графу».

Но десять бьет...

Адольф чувствует трепет, приближаясь к Элеоноре.

Он с трепетом к княгине входит.

Но всего примечательнее то, что в 8-й главе светский денди Онегин неожиданно становится таким же застенчивым и робким, как Адольф, когда он оставался наедине с Элеонорой.

Татьяну он одну находит,  
И вместе несколько минут  
Они сидят. Слова *нейдут*  
Из уст *Онегина*. Угрюмый,  
Неловкий, он едва-едва  
Ей отвечает.

Здесь Пушкин очень близко повторяет Б. Констана: «*tous mes discours expiraient sur mes lèvres*» <«все мои речи замирали на моих устах»>.

Онегин, так же как Адольф, не решается на объяснение и посылает письмо. Для этого письма Пушкин черпает из «Адольфа» целый ряд формул и таким образом прибегает к «Адольфу» для создания языка любовных переживаний:

Я знаю: век уж мой измерен;  
Но чтоб продлилась жизнь моя,  
Я утром должен быть уверен,  
Что с вами днем увижусь я...

Ср. у Констана: «*Je n'ai plus le courage de supporter un si long malheur <...> mais je dois vous voir s'il faut que je vive*»\*.

Адольф, пославший первое любовное письмо Эллеоноре, боялся угадать в ее улыбке след какого-то презренья к нему. Ср. в «Письме Онегина»:

Какое горькое презренье  
Ваш гордый взгляд изобразит!

«Чего хочу?» — восклицает Онегин. «*Qu'est-ce que j'exige?*» — спрашивает Адольф в объяснении с Эллеонорой (гл. III). В том же объяснении с Эллеонорой Адольф говорит: «Напряжение, которым одолеваю себя, чтобы говорить с вами несколько спокой-

\* «Я уже не имею достаточной бодрости для перенесения столь продолжительного несчастья... но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (с. 18).

но, есть свидетельство *чувства для вас оскорбительно-го* — и просит Элеонору не наказывать его за то, что она узнала тайну (т. е. его любовь). Это место отчеркнуто в пушкинском экземпляре «Адольфа». Ср. в «Письме Онегина»:

Предвижу все: вас оскорбит  
Печальной тайны объяснение.

Выражение «милая привычка», дважды употребленное Пушкиным в любовных объяснениях\* и между прочим в «Письме Онегина» — «Привычке милой не дал ходу», находится все в том же объяснении Адольфа с Элеонорой («Vous avez laissé paître et sè former cette douce habitude»)\*\*.

И наконец, письмо Адольфа к Элеоноре (гл. III), вторая половина которого в пушкинском экземпляре «Адольфа» перечеркнута карандашной линией (от слов «Tout près de vous» и до конца), содержит одно место, очень близкое к «Письму Онегина», написанному 3 октября 1831 года\*\*\*.

Желать обнять у вас колени	...lorsque j'aurais un tel besoin
И, зарыдав, у ваших ног	de me reposer de tant d'angoisses,
Излить мольбы, признания,	de poser ma tête sur vos
пени,	genoux, de donner un libre co-

\* Н. П. Дашкевич отметил, что «Письмо Онегина к Татьяне» напоминает некоторыми мыслями объяснение Адольфа с Элеонорой (см. гл. III), но не привел примеров этого сходства, важного, как мы дальше увидим, в связи с «Каменным гостем».

\*\* «Вы дали возникнуть (созреть) сей сладостной привычке» (с. 18). Ср. в «Метели»: «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно». Пушкин отсылает читателя к «Новой Элоизе» Руссо («Мария Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux»). Однако в первом письме St.-Preux нет выражения «милая привычка».

\*\*\* Незадолго до этого, по-видимому в сентябре, вышел «Адольф» Вяземского. В «Трудах и днях Пушкина» ошибочно указано Н. О. Лернером, что перевод Вяземского вышел в марте 1831 г. (Лернер Н. О. Указ. соч. С. 238). Первая часть тиража вышла в начале июня, весь тираж в ноябре. См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Л., 1969. С. 182.

Все, все, что выразить бы мог,      urs à mes larmes, il faut que je  
А между тем притворным            me contraigne... (гл. III)\*.

хладом

Вооружать и речь и взор...

Все эти сопоставления должны рассматриваться как перенесение Пушкиным из «Адольфа» в «Евгения Онегина» психологической терминологии любовных переживаний.

5

Жанровые эксперименты, характеризующие работу Пушкина в конце 20-х годов, идут по самым разным линиям.

Теперь уже можно говорить, что именно в конце 20-х годов Пушкин работал над жанром своих маленьких романтических трагедий. И очень примечательно, что параллельное использование Байрона и Б. Констана мы находим также и в одной из этих трагедий — в «Каменном госте».

Таким образом, «Адольф» был использован Пушкиным еще по одной линии его жанровых исканий. С одной стороны, сатирический роман «Евгений Онегин», с другой — психологическая повесть «На углу маленькой площади», с третьей — романтическая трагедия «Каменный гость».

Выше отмечено совпадение «Письма Онегина» («Я знаю: век уж мой измерен...») с текстом «Адольфа». Тот же текст был заимствован Пушкиным для «Каменного гостя». Любопытна и не очень обычна

\* «...Когда мне было бы так нужно отдохнуть от стольких сотрясений, приложить голову мою к вашим коленам, дать вольное течение слезам моим, должно мне еще превозмогать себя насильственно...» (с. 22).

для Пушкина форма этого заимствования. Обычно в пушкинских заимствованиях источник подвергается некоторой переработке и дальнейшему развитию. Здесь же мы видим почти дословный перевод. Пушкин вкрапливает цитату из «Адольфа» в текст своей трагедии. Эта цитата находится в III сцене «Каменного гостя», в объяснении в любви Дон Гуана; уже начало реплики Дон Гуана на слова Доны Анны: «Я слушать вас боюсь» —

Я замолчу; лишь не гоните прочь  
Того, кому ваш вид *одна отрада*,—

довольно близко к «Адольфу»: «...чем заслужил я лишения сей *единственной отрады*» (Адольф говорит о запрещении видеть Элеонору)\*. Затем в «Каменном госте» следует цитата из «Адольфа»:

Я не питаю дерзостных надежд, Я ничего не требую, но видеть Вас должен я, когда уже на жизнь	Je n'espère rien, je ne demande rien, je ne veux que vous voir; mais je doit vous voir s'il faut que je vive**.
-------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------

Я осужден.

Лучший комментарий к этому месту дал сам Пушкин в «Арапе Петра Великого» (1827): «Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает

\* Ср. в «Барышне-крестьянке»: Алексей заклинал Лизу «не лишать его *одной отрады*: видеться с нею...». Напомню, что Вяземский закончил пересмотр своего перевода «Адольфа» летом 1830 г. В августе он видался с Пушкиным и вместе с ним ехал из Петербурга в Москву, оставив свой перевод на попечении Жуковского и Дельвига. Вероятно, тогда Вяземский и дал Пушкину на просмотр свой перевод «Адольфа».

\*\* «Я ни на что не надеюсь, ничего не прошу, хочу только вас видеть; но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (с. 18). Ср. письмо Пушкина к неизвестной (1823): «Je ne demande rien» <«я не прошу ни о чем»>; там же о любви без надежд: «Si j'avais des espérances» <«если бы я имел надежды»>; ср. также лирическое стихотворение «Признание» (1826): «Не смею требовать любви».

*женское сердце вернее всех расчетов обольщения*». Ср. с этой авторской ремаркой в «Арапе Петра Великого» следующее место в той же сцене «Каменного гостя»:

Когда б я был безумец, я б хотел  
В живых остаться, я б имел надежду  
*Любовью нежной тронуть ваше сердце...*

После этого понятно, что тронутая любовью без надежд и требований Дона Анна отвечает:

Завтра  
Ко мне придите. Если вы клянетесь  
Хранить ко мне такое ж уваженье\*.  
Я вас приму; но вечером, позднее.

Эти слова перенесены Пушкиным из предыдущей (II) главы «Адольфа», где на требование Адольфа принять его «завтра в 11 часов» Эллеонора отвечает: «*Je vous reseverai demain, mais je vous conjure...*» («Я вас приму завтра, но заклинаю вас...»). Эллеонора не кончает фразы, потому что боится быть услышанной присутствующими, но по смыслу фраза ее не могла иметь иного окончания. Пушкин договаривает за Констана.

Столь же несомненна близость к «Адольфу» слов Дон Гуана о тайне (т. е. любви своей), которую он нечаянно выдал:

Случай, Дона Анна, случай  
Увлек меня, не то вы б никогда  
*Моей печальной тайны не узнали.*

Адольф просит Эллеонору «удалить воспоминание о минуте иступления: не наказывать меня за то, что *вы знаете тайну*, которую должен был заключить я

\* Адольф говорит, что расточал Эллеоноре, согласившейся видеться с ним наедине, «тысячу уверений в нежности, в преданности и в уважении вечном» (с. 20).



во глубине души...». Эта фраза, как было отмечено выше в связи с «Письмом Онегина», отчеркнута в пушкинском экземпляре «Адольфа»\*.

Дон Гуан, так же как Адольф, начинает с угрозы самоубийства: «О, пусть умру *сейчас у ваших ног*» («Каменный гость»); «*Я сейчас еду... пойду искать конца жизни*» («Адольф»).

В начале IV сцены Дон Гуан говорит:

Наслаждаюсь молча,  
Глубоко мыслью быть наедине  
С прелестной Доной Анной...

Все в той же III главе «Адольфа» читаем: «Потребность видеть ту, которую любил, наслаждаться ее присутствием владела мной исключительно». Перед этим Адольф говорит, что в «его душе уже не было места ни расчетам, ни соображениям», и он «признавал себя влюбленным добросовестно, истинно» (гл. III).

А в письме Адольфа к Элеоноре, цитированном выше в связи с «Письмом Онегина», читаем: «*А если бы я встретил вас ранее, вы могли бы быть моею*». Ср. IV сцену «Каменного гостя»: «*Если б я прежде вас узнал...*» Самое отношение Дон Гуана к Доне Анне, ни в коем случае не восходящее к традициям классических Дон Жуанов, обычно истолковывается двояко: либо Дон Гуан романтически влюблен в Дону Анну, но в таком случае психологически мало правдоподобен тот цинический и слегка пренебрежительный тон, которым он говорит о Доне Анне в

\* Она находится рядом с той, в которой дана характеристика Адольфа: «Вам известно мое положение, сей характер, который почитают странным и диким...» (с. 17). (Напечатанные курсивом слова отчеркнуты в пушкинском экземпляре «Адольфа».) Ср. «Евгений Онегин», 8-я глава, после строфы XXX в рукописи: «Свой дикий нрав преодолев».

ее отсутствие; либо вдохновенная искренность его слов лишь умелая игра, но этому толкованию, в свою очередь, противоречат слова Дон Гуана («Я гибну — кончено — о Дона Анна!»), произносимые им в момент гибели, когда притворяться было уже незачем.

Поведение Дон Гуана, как мне кажется, находит свое психологическое обоснование, если мы сопоставим Дон Гуана, соблазняющего Дону Анну, с Адольфом, соблазняющим Элеонору. Адольф говорит о себе: «Кто бы стал читать в сердце моем в ее отсутствии, почел бы меня соблазнителем холодным и мало чувствительным. Но кто бы увидел меня близь нея — тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного» (с. 12).

Таким образом, исторический персонаж пушкинской трагедии приобретает психологический облик современного светского соблазнителя Адольфа\*, героя того романа, о котором Пушкин в 1830 году вспоминает в связи с «жгучими чтениями своих юных лет» и с героиней которого Пушкин сравнивает свою корреспондентку.

В связи с модернизацией характера Дон Гуана в «Каменном госте» интересно отметить, что один важный исторический эпизод пушкинской трагедии тоже имеет источник неисторического характера. Я имею в виду воспоминания Дон Гуана о своей

\* В начале романа Адольф сам характеризует себя как соблазнителя. См., например: «В доме моего родителя я составил себе о женщинах образ мыслей довольно безнравственный...» (с. 8); «Сердце мое требовало любви, а чувство суетное успехов. Элеонора показалась мне достойной моих искусительных усилий...» (с. 11); «Я не думал, что люблю Элеонору, но уже не мог отказаться от мысли ей нравиться... вымышляя тысячи средств к победе... мое воображение, мои желанья, какая-то наука светского самохвальства восставала во мне» (с. 12).

ссылке. Место ссылки Дон Гуана на основании текста Пушкина не может быть указано хоть сколько-нибудь точно. Вопрос проясняется лишь из сопоставления с источником: «Дон Жуаном» Байрона. У Байрона Жуан приезжает в Англию (песнь X). Первое, что он замечает, это дым, окутывающий Лондон: «The sun went down, the smoke rose up» («Солнце опускалось, дым поднимался»). Ср. в «Каменном госте»: «а небо точно дым». В XII песне Байрон называет Англию: «the shore of white cliffs, white necks, blue eyes» (т. е. страной белых утесов, белых шей, синих глаз). Чужестранки в «Каменном госте» сначала нравились Дон Гуану: «Глазами синими да белизною». Жуану они сначала не нравились («At first he did not think the women pretty»), потому что новинки меньше нравятся, чем впечатляют («That novelties please less than they impress»). Ср. в «Каменном госте»: «а пуще новизною». Есть в той же песне байроновского «Дон Жуана» и сравнение англичанки с андалузской девушкой: «She cannot step as does an Arab barb Or Andalusian girl from mass returning» <«Она не может ступать как арабский конь иль андалузская девушка, возвращающаяся с мессы»>. Ср. в «Каменном госте»:

*А женщины? Да я не променяю,*

.....

Последней в Андалузии крестьянки  
На первых тамошних красавиц—право.

Эта строфа «Дон Жуана» находится через одну от той, где Байрон говорит о русских, бросающихся из горячей бани прямо в снег. К этому месту Байрон сделал следующее примечание: «Русские, как общеизвестно, бегут из горячей бани, чтобы окунуться в

Неву...» Об упоминаниях в байроновских поэмах русских обычаев Пушкин писал в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях» («Северные цветы на 1828 г.»).

После всех этих сопоставлений трудно рассматривать «Каменного гостя» как историческую трагедию. Она не может рассматриваться и только как решение проблемы изображения общечеловеческих страданий. Выясняется автобиографичность и современные ноты «Каменного гостя».

Итак, мы видим, что Пушкин, решая совершенно разные литературные задачи («Евгений Онегин», «Каменный гость», «На углу маленькой площади»), несколько раз обращался к «Адольффу», но всякий раз для того, чтобы психологизировать свои произведения и придать им ту истинность (правдоподобие), которую отмечали в «Адольфе» все его читатели, начиная с Сисмонди и кончая Полевым. Здесь я еще раз приведу цитаты из предисловия Вяземского (как мы видели, отрецензированного Пушкиным), проясняющие взгляд Пушкина и его современников на «Адольфа» как на произведение, в котором они узнавали подлинную жизнь: «*Вся драма в человеке, все искусство в истине*». «Во всех наблюдениях автора *так много истины*». «Женщины вообще не любят Адольфа, т. е. характера его, и это порука *в истине* его изображения». «Романист не может идти по следам Платона и импровизировать республику. Каковы отношения мужчин и женщин в обществе, таковы должны они быть в картине его. Пора Малек-Аделей и Густавов миновалась»\*. «Трудно в

\* Эта фраза звучит как цитата. Ср. «Евгений Онегин» (3-я глава, строфа IX): «Малек-Адель и де Линар», а также примечание

таким тесным очерке, каков очерк „Адольфа“, в таком ограниченном и, так сказать, одиноком действии более выказать сердце человеческое, перевернуть его на все стороны, выворотить до дна и обнажить наголо во всей жалости и во всем ужасе холодной истины».

То, о чем говорит Вяземский, конечно, еще не реализм в смысле литературной школы, но уже то, что в «Адольфе» узнавали действительность и противопоставляли его истинность, т. е. правдоподобие, «мечтательной Аркадии романов» баронессы Криднер и романов, написанных почти одновременно с «Адольфом» («Валерия» Криднер 1803 г. и «Матильда» Коттен 1805 г.), доказывает, что для Пушкина роман Б. Констана уже подступ к реализму\*.

Пушкина: «Малек-Адель—герой посредственного романа m-me Cottin. Густав де Линар—герой прелестной повести баронессы Крюднер». О неправдоподобии романов Коттен Пушкин говорил дважды: в 3-й главе «Онегина» (строфа XI, характеристика героя старых романов) и в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности» (1836).

\* В том же самом отрывке повести («На углу маленькой площади»), который воспроизводит сюжетную схему «Адольфа», несомненно влияние и Бальзака. Я имею в виду рассуждения о том, как должен себя вести обманутый муж. В декабре 1829 г. вышла (анонимно) знаменитая «Физиология брака» Бальзака, о которой Пушкин упоминает в «Египетских ночах». В этой книге вопрос о поведении обманутого мужа трактуется чрезвычайно подробно. Напр.: «Quelle doit être la conduite d'un mari en s'apercevant d'un dernier symptôme, qui ne lui laisse aucun doute sur l'infidélité de sa femme» (с. 287, изд. 1868 г.) <«Каким должно быть поведение мужа, окончательно убедившегося в неверности своей жены»>. Ср. в пушкинском отрывке: «\*\* скоро удостоверился в неверности своей жены. <...> Он не знал, на что решиться: притвориться ничего не замечающим казалось ему глупым...» Ср. с «Физиологией брака»: «Paraître instruit de la passion de sa femme est d'un sot; mais feindre d'ignorer tout est d'un homme d'esprit» (с. 229). <«Только глупец показывает, что знает о страсти своей жены, умный человек сделает вид, что ничего не замечает»>. Там же: «Le grand écueil est le ridicule» <«Самое опасное для чести—это смешное»>. Бальзак также дает ряд примеров мужей, смеющихся «над несчастьем столь обыкновенно».

Поэтому сопоставление «Адольфа» с произведениями Пушкина вплотную подводит к принципиальным вопросам, связанным с проблемой реализма в творчестве Пушкина.

венным» (с. 288), что Пушкин называет «презрительным». В пушкинском отрывке одно сравнение взято из той же книги Бальзака: «Он вышел из комнаты, как школьник из класса» (черн.) — «Elle s'évada comme un écolier qui vient d'achever une pénitence» <«Она удалилась, как школьник, который отбыл наказание»>. Ср. также в «Станционном смотрителе»: «Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле». Ср. у Бальзака: «J'aperçus une jolie dame assise sur le bras d'un fauteuil, comme si elle eût monté un cheval anglais» (с. 115) <«Я заметил красивую даму, сидящую на ручке кресла, как будто она сидела на английской лошади»>. В письме от 12 апреля 1831 г. В. С. Голицын, которого Пушкин ссужал книгами, писал: «Посылаю Вам развратительную книгу (Physiologie du mariage)...» (Лит. наследство. Т. 16/18. С. 610) <XIV, 161>.

## «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

### 1

Известно, что в первый период своего творческого пути (когда вышли «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и ранняя лирика) Пушкин был любим своими современниками, литературный путь его был прям и блистателен. И вот где-то около 1830 года читатели и критики отшатнулись от Пушкина. Причина этого лежит прежде всего в самом Пушкине. Он изменился. Вместо «Кавказского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» — «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Современники недоумевали, враги и завистники ликовали. Друзья отмалчивались. Сам Пушкин в 1830 году пишет:

И альманахи, и журналы,  
Где поученья нам твердят,  
Где нынче так меня бранят,  
А где такие мадригалы  
Себе встречал я иногда...

В чем же и как изменился Пушкин?

В предисловии, предлагавшемся к 8-й и 9-й главам «Онегина» (1830), Пушкин полемизирует с критикой: «Век может идти себе вперед», но «поэзия остается на одном месте. <...> Цель ее одна, средства те же» (VI, 540, 541).

Однако в том же году в набросках статьи о Баратынском Пушкин совершенно иначе рисует отношения поэта с читателем: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и

мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут—юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит—для самого себя и если изредка еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он, уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года<sup>1</sup>, где он так объясняет неудачу «Онегина»: «Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие» (XIV, 6).

Из сравнения этих двух цитат видно, как Пушкин развил мысль Баратынского.

Итак, не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом.

В герое «Кавказского пленника» с восторгом узнавали себя все современники Пушкина, но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»?



## 2

К числу зрелых произведений Пушкина, не услышанных не только современниками, но и друзьями поэта\*, относятся его «Маленькие трагедии». Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сложность эта бывает иногда столь велика, что в связи с головокружительным лаконизмом даже как будто затемняет смысл и ведет к различным толкованиям (например, развязка «Каменного гостя»)<sup>2</sup>. Мне кажется, объяснение этому дает сам Пушкин в заметке о Мюссе (24 октября 1830 г.), где он хвалит автора «Contes d'Espagne et d'Italie» за отсутствие морализирования и вообще не советует «ко всякой всячине приклеивать нравоучение» (XI, 175—176). Это наблюдение дает отчасти ключ к пониманию якобы шутиливой концовки «Домика в Коломне» (9 октября 1830 г.):

Да нет ли хоть у вас нравоученья?  
 Нет... или есть: минуточку терпенья...  
 Вот вам мораль...—

и далее следует явно вызывающая пародия на нравоучительную концовку («Больше ничего Не выжмешь из рассказа моего»).

Понятно, что для поэта, так поставившего вопрос о морализировании, многие обычные пути изобра-

\* В дневниковой записи Вяземский холодно перечисляет «Маленькие трагедии» как новости, привезенные Пушкиным из Болдина (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1884. Т. 9. С. 152), а Жуковский в 1831 г. пишет Пушкину: «Напрасно сердиться на Чуму: она едва ли не лучше Каменного гостя» (XIV, 203). Восторги Белинского относятся уже к 1841 г. («...величайшее создание Пушкина—его «Каменный гость» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 424).

жения страстей были закрыты. Все сказанное выше в особенности относится к «Каменному гостю», который все же является обработкой мировой темы возмездия, а у предшественников Пушкина, касавшихся этой темы, не было недостатка в прямом морализировании.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к лобовому морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон Жуан»). Поэтому все действующие лица — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна — только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой:

Все к лучшему: нечаянно убив  
Дон Карлоса, отшельником смиренным  
Я скрылся здесь...

А Лепорелло говорит:

Ну, развеселились мы.  
Недолго нас покойницы тревожат.

После проделанной пушкинистами работы мы знаем, чем похож пушкинский Дон Гуан на своих предшественников. И теперь имеет смысл определить, в чем он самобытен<sup>3</sup>.

Характерно для Пушкина, что о богатстве Дон Гуана упомянуто только раз и вскользь, в то время как для Дапonte и для Мольера это существенная тема. Пушкинский Гуан и не дапонтовский богач, который хочет «наслаждаться за свои деньги», и не мольеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан — испанский гранд, ко-

того при встрече на улице не мог не узнать король. Внимательно читая «Каменного гостя», мы делаем неожиданное открытие: Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «Импровизатором любовной песни».

Это приближает его к основному пушкинскому герою: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...» — говорит в «Египетских ночах» Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина. Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом.

Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи (как было еще в черновике — Севилья извечный город Дон Жуана) в Мадрид: ему была нужна столица. О короле Пушкин, устами Дон Гуана, говорит:

Пошлет назад.

Уж, верно, головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

Читай — политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского\*. А пушкинский Лепорелло по этому поводу восклицает, обращаясь к своему барину: «Сидели б вы себе спокойно там».

\* «Сиди смиренно, пиши, пиши стихи» (П. А. Вяземский — Пушкину, 10 мая 1826 г.; XIII, 276); «Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне» (В. А. Жуковский — Пушкину, 12 апреля 1826 г.; XIII, 271).

Пушкин, правда, не ставит своего Дон Гуана в самое смешное и постыдное положение всякого Дон Жуана—его не преследует никакая влюбленная Эльвира и не собирается бить никакой ревнивый Мазетто; он даже не переодевается слугой, чтобы соблазнить горничную (как в опере Моцарта); он герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому пушкинский Гуан, несмотря на свое изящество\* и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников.

Обе героини, каждая по-своему, говорят об этом: Дона Анна—«Вы сущий демон»; Лаура—«Повеса, дьявол».

Если Лаура, может быть, просто бранится, то «демон» в устах Доны Анны точно передает впечатление, которое Дон Гуан должен был производить по замыслу автора.

В отличие от других Дон Жуанов, которые совершенно одинаково относятся ко всем женщинам, у пушкинского Гуана находятся для каждой из трех, таких разных, женщин разные слова.

Герой «Каменного гостя» так же бранится со своим слугой, как и Дон Жуаны Моцарта и Мольера; но, например, буффонская сцена финала оперы—обжорство слуги и хозяина—была бы совершенно невозможна в трагедии Пушкина.

\* Если естественно, что вся речь Лепорелло и Лауры построена на просторечии, то выражения вдовы Командора—«Я страх как любопытна» и «Нет, отроду его я не видала»—объясняются много раз высказанным убеждением Пушкина, что просторечие—отсутствие жеманства и признак хорошего воспитания. Напомним, что в заметке «Изо всех родов сочинений» Пушкин отмечает в романтической трагедии «смешение родов комического и трагического—напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений» (XI, 39)<sup>4</sup>.

Первоначально Пушкин хотел подчеркнуть то обстоятельство, что Гуан предполагает встретиться с вдовой Командора около его памятника, но затем возмущенная реплика Лепорелло: «Над гробом мужа... Бессовестный; *несдобровать ему!*» (VII, 309, 310)—показалась Пушкину слишком нравоучительной, и он предоставил читателю самому догадаться, где происходят эти встречи.

В «Каменном госте» ни в окончательном тексте, ни в черновиках нигде ни одним словом не объяснена причина дуэли Дон Гуана с Командором. Это странно. Я полагаю, что причина этого необъяснимого умолчания такова: у всех предшественников Пушкина, кроме Мольера, где, в противоположность «Каменному гостю», Командор дан как совершенно отвлеченная фигура, ничем не связанная с действием, Командор гибнет, защищая честь своей дочери Доны Анны. Пушкин сделал Дону Анну не дочерью, а женой Командора и сам сообщает, что Гуан ее прежде никогда не видел. Прежняя причина отпала, а придумывать новую, которая могла бы отвлечь внимание читателя от самого главного, Пушкин не захотел. Он только подчеркивает, что Командор был убит на дуэли,

Когда за Ескурьялом\* мы сошлись...—

а не в ночной безобразной драке (в которой принимает участие и Дона Анна)\*\*, что не соответствовало бы характеру его Гуана.

\* Эскуриал — королевский дворец — едва ли подходящее место для дуэли. Пушкин, вероятно, намекает на то, что ссора произошла во дворце, чем еще раз подчеркивает близость Гуана ко двору. Ведь так же вскользь Гуан говорит про короля: «Меня он удалил, меня ж любя».

\*\* Уже обсуждавшийся вопрос о том, был ли Дон Карлос братом Командора, как мне кажется, надо решить положительно: трудно

Если сцена объяснения Гуана с Доной Анной и восходит к «Ричарду III» Шекспира, то ведь Ричард — законченный злодей, а не профессиональный соблазнитель, и действует он из соображений политических, а отнюдь не любовных, что он тут же и разъясняет зрителям.

Этим Пушкин хотел сказать, что его Гуан может действовать по легкомыслию как злодей, хотя он только великосветский повеса.

Второе, никем до сих пор не отмеченное и, по-моему, более значительное восхождение к Шекспиру находится в заключительной сцене трагедии «Каменный гость»:

Дона Анна

Но как могли придти  
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,  
И ваша смерть была бы неизбежна.

В черновике:

...узнать могли бы люди... (VII, 169, 315)

Juliet

How cam'st thou hither, tell me, and wherefore?..  
And the place death, considering who thou art,  
If any of my kinsmen find thee here...

(*Romeo and Juliet*, act II, sc. 2)\*

себе представить, чтобы Гуан имел две дуэли с двумя испанскими грандами и убил обоих, но почему-то боится мести семьи только одного из них и гнева короля только за одно из этих убийств. Здесь та же пушкинская лаконичность создает некоторую недоговоренность. Кроме того, всякое уточнение повело бы к дополнительной исповеди Дон Гуана в заключительной сцене с Доной Анной, которая в это время должна была бы оплакивать гибель своего деверя.

\* Как ты пришел сюда, скажи мне, и каким путем?..

И это место для тебя — смерть, потому что это ты,

Если кто-либо из моих родичей найдет тебя здесь.

(«Ромео и Джульетта», акт II, сц. 2)

Даже сцена приглашения статуи, единственная совпадающая с традицией, открывает настоящую бездну между пушкинским Дон Гуаном и его прототипами. Неуместная шутка моцартовского и мольеровского Дон Жуанов, вызванная и мотивированная тем, что он прочел на памятнике оскорбительную для себя надпись\*, превращена Пушкиным в демоническую браваду. Вместо нелепого и традиционного приглашения статуи к себе на ужин мы видим нечто беспримерное:

Я, командор, прошу тебя придти  
К твоей вдове\*\*, где завтра буду я,  
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?—

т. е. Гуан говорит со статуей как счастливый соперник.

Пушкин оставил своему герою репутацию безбожника, идущую от *Ateista fulminado* (героя духовной драмы, которая представлялась в церквах и монастырях).

Бессовестным, *безбожным* Дон Гуаном (монах)  
Твой Дон Гуан *безбожник* и мерзавец (Дон Карлос)  
...Я вам представлен... без совести, *без веры* (сам Гуан)  
Вы, говорят, *безбожный* развратитель (Дона Анна).

Обвинения в атеизме были привычным аккомпанементом в жизни молодого Пушкина.

\* См. у Дапонте: «Dell'empio che mi trasse al passo estremo. Qui attendo la vendetta» («Здесь ожидаю отмщения нечестивцу, который убил меня»). Дон Жуан Дапонте (так же как и Лепорелло) говорит статуе «вы». Пушкинский Гуан сразу обращается к статуе на «ты». Это не высокий стиль, а остаток их прижизненных добрых отношений. Также и с Карлосом Гуан сразу же на «ты».

В трагедии Пушкина есть еще одна фраза, представляющая собой дословный перевод итальянского либретто «L'ho voluto» — «он сам того хотел». Это у Дапонте говорит Жуан об убитом им Командоре, а у Пушкина Гуан — об убитом Карлосе.

\*\* В черновике еще страшнее: «К жене твоей» (VII, 313).

Зато другую характерную черту всех Дон Жуанов — странствия — Пушкин совершенно изгнал из своей трагедии. Вспомним хотя бы Дон Жуана Моцарта и знаменитую арию Лепорелло — каталог побед (в Италии — 641, в Германии — 231, сто во Франции, 91 в Турции, а вот в Испании — так тысяча и три)<sup>5</sup>. Пушкинский гранд ведет (кроме, разумеется, своей ссылки) совершенно оседлый столичный образ жизни в Мадриде, где его могут узнать каждая «гитана (было: цыганка) или пьяный музыкант»\*.

## 3

Пушкинский Дон Гуан не делает и не говорит ничего такого, чего бы не сделал и не сказал современник Пушкина, кроме необходимого для сохранения испанского местного колорита («вынесу его под епанчю И положу на перекрестке»). Точно так же поступает Дальти, герой «Portia» Мюссе, с трупом соперника, которого находит на другой день «le front sur le pavé» («лицом на мостовой»).

Гости Лауры (очевидно, мадридская золотая молодежь — друзья Дон Гуана) больше похожи на членов «Зеленой лампы», ужинающих у какой-нибудь тогдашней знаменитости, вроде Колосовой, и беседующих об искусстве, чем на знатных испанцев какого бы то ни было века. Но автор «Каменного гостя» знает, что это ему совсем не опасно. Он уверен, что коротким описанием ночи он создаст яркое и навеки неизгладимое ощущение того, что это Испания, Мадрид, юг:

\* «Пьяный музыкант» — потому что музыкантов нанимали заказчики серенад, а затем было принято пить музыкантов (см. «Le Diable boiteux» Лесажа).



Приди — открой балкон. Как небо тихо;  
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном  
И лавром пахнет, яркая луна  
Блестит на синеве густой и темной...<sup>6</sup>

Гуан резвится с Лаурой, как любой петербургский повеса с актрисой, меланхолично вспоминает погубленную им Инезу, хвалит суровый дух убитого им Командора и соблазняет Дону Анну по всем правилам «адольфовской» светской стратегии\*. Однако затем случается нечто таинственное и до конца не осмысленное. Последнее восклицание Дон Гуана, когда о притворстве не могло быть и речи:

Я гибну — кончено — о Дона Анна! —

убеждает нас, что он действительно переродился во время свидания с Доной Анной и вся трагедия в том и заключается, что в этот миг он любил и был счастлив, а вместо спасения, на шаг от которого он находился, — пришла гибель. Заметим еще одну подробность: «Брось ее», — говорит статуя. Значит, Гуан кинулся к Доне Анне, значит, он только ее и видит в этот страшный миг.

В самом деле, ведь если бы Дон Гуана убил Дон Карлос — никакой трагедии бы не было, а было бы нечто вроде «Les Marrons du feu» Мюссе, которыми Пушкин так восхищался в 1830 году за отсутствие нравоучения и где донжуановский герой («Mais c'est du don Juan») гибнет случайно и бессмысленно. Пушкинский Дон Гуан гибнет не случайно и не бессмысленно. Статуя Командора — символ возмездия, но если бы еще на кладбище она увлекла с собой Дон Гуана, то тоже еще не было бы трагедии, а скорее театр ужасов или *l'Ateista fulminado* средне-

\* См. мою статью об «Адольфе». Адольф — alter ego Онегина и, таким образом, в какой-то мере самого Пушкина.

вековой мистерии. Гуан не боится смерти. Мы видим, что он нисколько не испугался шпаги Дон Карлоса и даже не подумал о своей возможной гибели. Потому-то Пушкину и нужен поединок с Доном Карлосом, чтобы показать Гуана в деле. Совсем не таким мы видим его в финале трагедии. И вопрос вовсе не в том, что статуя — потустороннее явление: кивок в сцене на кладбище тоже потустороннее явление, на которое, однако, Дон Гуан не обращает должного внимания. Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья. Оттого-то его последнее слово: «о Дона Анна!» И Пушкин ставит его в то единственное (по Пушкину) положение, когда гибель ужасает его героя. И вдруг мы узнаем в этом нечто очень хорошо нам известное. Пушкин сам дает мотивированное и исчерпывающее объяснение развязке трагедии. «Каменный гость» помечен 4 ноября 1830 года, а в середине октября Пушкин написал «Выстрел», автобиографичность которого никто не оспаривает. Герой «Выстрела» Сильвио говорит: «Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. <...> Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!» Из этого можно заключить, что Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье. То же говорит Гуан на вопрос Доны Анны — «И любите давно уж вы меня?»:

Давно или недавно, сам не знаю,  
Но с той поры лишь только знаю цену  
Мгновенной жизни, только с той поры  
И понял я, что значит слово Счастье —

т. е. с тех пор, как он счастлив, он узнал цену

мгновенной жизни. И в «Выстреле», и в «Каменном госте» при расплате присутствует любимая женщина, что противоречит донжуановской традиции. У Моцарта, например, там находится только буффонящий Лепорелло, у Мольера — Сганарель.

В то время (1830 г.) проблема счастья очень волновала Пушкина. «В вопросе счастья я атеист; я не верю в него», — пишет он П. А. Осиповой на другой день по окончании «Каменного гостя» (XIV, 123; подлинник по-французски); «Чорт меня догадал бредить о счастья, как будто я для него создан» — Плетневу (XIV, 110); «Ах, что за проклятая штука счастье!» — Вяземской (XIV, 110; подлинник по-французски). Легко привести еще ряд подобных цитат, и можно даже, рискуя показаться парадоксальным, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие боятся горя. И насколько он всегда был готов ко всяким огорчениям, настолько же он трепетал перед счастьем, т. е., разумеется, перед перспективой потери счастья?

## 4

Однако это еще не все. Кроме аналогий с автобиографическим «Выстрелом» необходимо привести цитаты из переписки Пушкина. Первая — из письма к будущей теще, Н. И. Гончаровой (5 апреля 1830 г.): «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (подлинник по-французски). Как это близко к признанию Дон Гуана:

Молва, быть может, не совсем неправа,  
 На совести усталой много зла,  
 Быть может, тяготее... Так, разврата  
 Я долго был покорный ученик...

А также: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой *безнравственный*» (VIII, 1, 408; автобиографический отрывок, 13 мая 1830 г.). Здесь «безнравственный», конечно, смягчение «развратный». А это как раз передает голос молвы.

В тот же год Пушкин говорит то же самое в не напечатанном при жизни стихотворении «Когда в объятия мои...»:

Прилежно в памяти храня  
 Измен печальные преданья...  
 Клянупо коварные старанья  
 Преступной юности моею...

В этом стихотворении подразумеваются все реплики Доны Анны. Только что женившийся Пушкин пишет Плетневу: «Я <...> счастлив. <...> Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился» (XIV, 154—155); ср. с «Каменным гостем»:

Мне кажется, я весь переродился.

Про Командора Гуан говорит: «Вкусил он *райское* блаженство!»; ср. с письмом к А. П. Керн: «Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая» (XIII, 208; подлинник по-французски).

В «Онегине» Пушкин обещает, что когда будет описывать любовные объяснения, то вспомнит

...речи неги страстной,  
 Слова тоскующей любви,  
 Которые в минувши дни  
 У ног любовницы прекрасной  
 Мне приходили на язык...

Сходство этих цитат говорит не столько об автобиографичности «Каменного гостя», сколько о лирическом начале этой трагедии.

## 5

Если «Скупого рыцаря» Пушкин не печатал шесть лет, боясь, как тогда говорили, «применений», то что же подумать о «Каменном госте», которого он вовсе не напечатал (в скобках замечу, что «Пир во время чумы» был напечатан в 1832 г., т. е. почти сразу по написании, и не потому ли, что «Пир» — простой перевод). Как бы то ни было, «Каменный гость» — единственная из «Маленьких трагедий», не напечатанная при жизни Пушкина. Действительно, можно легко себе представить, что то, что мы теперь раскапываем с превеликими трудностями, для самого Пушкина плавало на поверхности. Он вложил в «Каменного гостя» слишком много самого себя и относился к нему как к некоторым своим лирическим стихотворениям, которые оставались в рукописи независимо от их качества. Пушкин в зрелый свой период был вовсе не склонен обнажать «раны своей совести» перед миром (на что, в какой-то степени, обречен каждый лирический поэт)\*, и я полагаю, что «Каменный гость» не был напечатан потому же, почему современники Пушкина при его жизни не прочли окончания «Воспоминания», «Нет, я не дорожу...» и «Когда в объятия мои...», а не потому, почему остался в рукописи «Медный всадник».

\* Несмотря на это, тема уязвленной совести возникает в лирике Пушкина в конце 20-х гг.: грандиозное «Воспоминание» (1828) и написанная через несколько дней «Грузинская песня» («Не пой, красавица, при мне...»), где «роковой» образ «далекой бедной девы» напоминает бедную Инезу.

Кроме всех приведенных мною сопоставлений, лирическое начало «Каменного гостя» устанавливается связью, с одной стороны, с «Выстрелом» (проблема счастья), с другой — с «Русалкой», которая вкратце (как и подобает предыстории) рассказана в воспоминаниях Гуана об Инезе. Свидания Гуана с Инезой происходили на кладбище Антониева монастыря (что явствует из черновика):

Постойте: вот Антоньев монастырь —

А это монастырское кладбище...

О, помню все. Езжали вы сюда...

(VII, 308)

Гуан так же, как князь в «Русалке» узнает место, вспоминает погубленную им женщину. И там и тут это дочь мельника. И Гуан не случайно говорит своему слуге: «Ступай же ты в деревню, знаешь, в ту, Где мельница» (VII, 310). Затем он называет это место проклятой *вентой*. Окончательная редакция стихов отчасти стерла это сходство, но теперь, когда черновики разобраны, для нас нет сомнения, что трагедия Пушкина начинается с глухого упоминания о преступлении героя, которого рок приводит на то самое место, где это преступление было совершено и где он совершает новое преступление. Этим предрешено все, и призрак бедной Инезы играет в «Каменном госте» гораздо бóльшую роль, чем это было принято думать.

6

Все сказанное выше относится к донжуановской линии трагедии «Каменный гость». Но в этой вещи есть, очевидно, и другая линия — линия Командора. Здесь у Пушкина тоже полный разрыв с традицией.

У Моцарта—Дапонте Дон Жуан так не хочет вспоминать о Командоре, что, когда Лепорелло просит разрешения что-то сказать, его хозяин отвечает: «Хорошо, если ты не будешь говорить о Командоре».

А пушкинский герой сам почти непрерывно говорит о Командоре.

Но что всего существеннее, так это то, что и в легенде, и во всех ее литературных обработках статуя является усовещать Жуана, чтобы он раскаялся в грехах. В трагедии Пушкина это бы не имело смысла, потому что Гуан без всякого принуждения сам только что покался:

Вас полюбя, люблю я добродетель  
И в первый раз смиренно перед ней  
Дрожащие колена преклоняю.

Командор приходит в момент «холодного, мирного» поцелуя, чтобы отнять у Гуана свою жену. Везде у других авторов Командор—ветхий старик, оскорбленный отец. У Пушкина он ревнивый муж («А я слышал, покойник был ревнивец. Он Дону Анну взаперти держал») (VII, 308—309) и ни из чего не следует, что он старик. Гуан говорит:

Не мучьте сердца  
Мне, Дона Анна, страстным поминаньем  
Супруга—

(VII, 313)

на что Дона Анна возражает: «Так вы ревнивы»<sup>8</sup>.

Мы имеем все основания рассматривать Командора как одно из действующих лиц трагедии «Каменный гость». У него есть биография, характер, он действует. Мы даже знаем его внешность: он «мал был, худощав». Он женился на не любившей его

красавице и сумел своей любовью заслужить ее расположение и благодарность. Из всего этого нет ни слова в донжуановской традиции. С первой минуты мысль о его ревности приходит в голову Дон Гуану (в черновике — даже когда он еще не знает Дону Анну); и тогда-то Лепорелло и говорит о своем господине: «Над гробом мужа... Бессовестный; несдобровать ему!» (VII, 309, 310).

И пушкинский Командор больше похож на «разгневанного ревнивца» юношеского стихотворения Пушкина «К молодой вдове», где мертвый муж чудится неверной его памяти вдове (где покойник тоже называется счастливецом, как в «Каменном госте»), чем на загробное виденье, призывающее героя отречься от нечестивой жизни.

Темы загробной ревности касается Пушкин в седьмой главе «Онегина» в связи с могилой Ленского и изменой Ольги:

Смутился ли, певец унылый,  
Измены вестью роковой...

По крайней мере, из могилы  
Не вышла в сей печальный день  
Его ревнующая тень.  
И в поздний час, Гимену милый,  
Не испугали молодых  
Следы явлений гробовых —

(VI, 422)

как бы разочарованно говорит Пушкин и ищет сюжет, где бы разгневанная и ревнующая тень могла явиться. Для этого он изменяет сюжет Дон Гуана и делает Командора не отцом Доны Анны, а ее мужем.

Трогательная невеста-вдова Ксения Годунова, плачущая над портретом мертвого жениха, которого



она никогда в жизни не видела, говорит: «Я и мертвому буду ему верна».

Знаменитая отповедь Татьяны:

Но я другому отдана;  
Я буду век ему верна—

только бледное отражение того, что утверждают Ксения Годунова и Дона Анна («Вдова должна и гробу быть верна»).

Но что всего удивительнее, это то, что в цитированном выше письме к матери Н. Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин пишет: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа,—эта мысль для меня—ад». И еще разительнее: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (подлинник по-французски)\*. Ср. в «Каменном госте»:

Нет, мать моя  
Велела мне дать руку Дон Альвару—

и дальше вся ситуация—как в письме, так и в трагедии.

Итак, в трагедии «Каменный гость» Пушкин карает самого себя—молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т. е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия.

Так, внимательный анализ «Каменного гостя» приводит нас к твердому убеждению, что за внешне

\* Напомним, что это письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак с Н. Н. Гончаровой, когда эти слова звучали по крайней мере неожиданно. Ими Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу: он действительно умер из-за Наталии Николаевны и оставил ее молодой, блистательной вдовой, свободной выбирать нового мужа.

заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом.

Перед нами драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта. В отличие от Байрона, который (по оценке Пушкина) «бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отворотился от них и погрузился в самого себя» (XI, 51), Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру.

Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. Откликаясь «на каждый звук», Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения. Это лирическое богатство Пушкина позволило ему избежать той ошибки, которую он заметил в драматургии Байрона, раздавшего «по одной из составных частей» своего характера своим персонажам и, таким образом, раздробившего свое создание «на несколько лиц мелких и незначительных» (XI, 51)<sup>9</sup>.

## II

### ГИБЕЛЬ ПУШКИНА

#### ПРЕДИСЛОВИЕ

Как ни странно, я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что тема семейной трагедии Пушкина не должна обсуждаться. Сделав ее запретной, мы, несомненно, исполнили бы волю поэта.

И если после всего сказанного я все-таки обратилась к этой теме, то только потому, что по этому поводу написано столько грубой и злой неправды, читатели так охотно верят чему попало и с благодарностью приемлют и змеиное шипение Полетики, и маразмический бред Трубецкого, и сюсюканье Араповой. И раз теперь, благодаря длинному ряду вновь появившихся документов, можно уничтожить эту неправду, мы должны это сделать.

*26 августа 1958*

#### 1

Голландский дипломат барон Геккерн не был ни Талейраном, ни Меттернихом.

Ни на что большее его, очевидно, не хватило бы, но образовать то, что мы теперь обозначаем изящ-

ным словом «склока», Геккерн мог, и он, как мы видим, безупречно провел всю задуманную игру. Такого рода игры для потомства, естественно, превращаются в карточный домик. Дунул, и нет. Это происходит оттого, что выплывают взаимно друг друга уничтожающие документы и вообще тайное становится явным. Тем не менее у Пушкина был опасный и опытный враг. И Пушкин это знал.

Современникам казалось, что Дантес был игрушкой в руках Геккерна. Я этого не думаю. Поначалу, пока он был влюблен в Наталью Николаевну, он даже, вероятно, его обманывал (см. 2-е письмо 36 года, где он пишет, что, узнав о любви к нему Натальи Николаевны, почувствовал к ней только уважение<sup>1</sup>. Это всего вернее ответ на первое предупреждение Геккерна: «Опомнись!» — или нечто подобное). Это же он старался внушить Александру Карамзину. Вообще же в этой игре Дантесу предоставлялась голубая роль — он должен был играть на одном обаянии, что, благодаря его удачной внешности, ему и удавалось. (См. сцену в письме Андрея Карамзина из-за границы — Дантес бросается к нему в парке, Дантес — плачет и т. д.)<sup>2</sup>

Следующей жертвой Геккерна была Н. Н. Пушкина. Она была задумана как передатчица Пушкину неудачи его политики. (Это то, что Пушкин считал актом доверия с ее стороны и чем он очень гордился.)

Мы, к сожалению, знаем, что Наталья Николаевна неплохо справилась со своим заданием (см. дневник Фикельмон)<sup>3</sup>. Осуществить это Геккерн мог только при беспамятной влюбленности Натальи Николаевны в его приемного сына. Очень близка к

этой роли была Софья Карамзина, что явствует из ее писем к брату. Для нее Дантес всегда прав.

Всего чего угодно посол добивался по той же причине от Екатерины Николаевны, которая с легкостью отреклась от заменявшей ей мать тетки Загряжской (тон ее письма о тетке — Геккерн называет Загряжскую несносной)<sup>4</sup> и по приезде во Францию немедленно тайно перешла в католичество<sup>5</sup>.

Все остальные члены дантесовской «bande joyeuse» <веселой шайки>, о существовании которой мы узнали сравнительно недавно, приносили положительную пользу. Их деятельность, получившая отражение в семейной переписке Карамзиных (об отсутствии которой так сокрушался Щеголев), сводилась к тому, что они, во-первых, осуждали Пушкина и представляли его старым ревнивым мужем красавицы, человеком с невыносимым характером и т. д., а во-вторых, несомненно сообщали через своего главаря голландскому послу все, что делается у Пушкиных, и не приходится удивляться, что кто-то предупредил баронов, что Пушкин намерен их бить на балу у графини Разумовской<sup>6</sup>. Даже после смерти Пушкина они продолжали эту линию поведения (Машенька Вяземская-Валуева)\*.

Так же несомненно Геккерн организовал кавалергардов (конечно, не без помощи Дантеса), так что дантесовская история сделалась вопросом чести полка. (Мнение о «правоте» Дантеса было так широко

\* См. письмо Дантеса из-под ареста к презусу суда<sup>7</sup>. Теперь нетрудно объяснить таинственную запись в дневнике А. И. Тургенева (19 декабря 1836 г.): «Вечер у кн. Мещерской (Карамзиной): О Пушкине — все нападают на него за жену, я заступался. Compliment Софьи Николаевны моей любезности»<sup>8</sup>. Вот что происходило (вероятно, не особенно редко) за спиной Пушкина в доме его «друзей».

распространено, что даже попало в тютчевские стихи («Будь прав или виновен он») <sup>9</sup>).

От Геккерна же (см. его письмо в Голландию) <sup>10</sup>, сразу после смерти Пушкина, пошли слухи о том, что Пушкин был главой тайной революционной организации. Это делалось, чтобы напугать Николая I и Бенкендорфа, что, по-видимому, было не так трудно и имело следствием тайные похороны, где жандармов было больше, чем друзей (см. дневник А. И. Тургенева) <sup>11</sup>.

Однако всего этого было недостаточно для Геккерна. Ему еще предстояло обеспечить почетное возвращение Жоржа в Европу после провала петербургской карьеры. Поэтому он продолжал твердить о благородстве Дантеса, который ни минуты не колебался спасти доброе имя госпожи Пушкиной и навеки закабалить себя женитьбой на ее некрасивой сестре. Но тут-то и начинается карточный домик: в это самое время посланник возится с Катериной, как добрый папа, с поражавшим всех изяществом убирает ее комнаты, развлекает ее, пишет о ее здоровье и настроении письма Жоржу и, таким образом, является самым настоящим предателем по отношению к своей *belle fille* <невестке>, госпожу же Пушкину, чьей чести принесена в жертву прекрасная жизнь Жоржа Дантеса, посланник просит вызвать (как последнюю авантюристку) в суд и взять с нее под присягой показания о том, что она соблазняла жениха, а затем мужа своей сестры и что он, посланник, предупреждал ее от бездны, куда она стремилась, да еще в выражениях, которые должны были ее оскорбить, о чем известно двум высокопоставленным дамам, с которыми он, посланник, ежедневно делился своими опасениями <sup>12</sup>. Несомненно,

одной из этих дам была гр. Нессельроде, другая — «la comtesse Sophie V.» «воровской записки» — гр. Бобринская, жена церемониймейстера высочайшего двора и внука Екатерины II. Небезынтересно, что обе эти дамы были хозяйками двух влиятельных салонов Петербурга<sup>13</sup>.

Письмо, в котором это написано (1 марта 1837 г.), обращено к Нессельроде, но так как в это время Геккерн (по словам Вяземского) проводил целые дни у Нессельроде, где его утешала графиня<sup>14</sup>, надо думать, что это письмо принадлежит к тому эпистолярному жанру, когда адресат и отправитель стряпают произведение вместе, чтобы представить его третьему лицу. Таким лицом в данном случае был Николай I.

Может быть, кого-нибудь заинтересует, что через три года (28 декабря 1840 г.) тот же Нессельроде писал Мейндорфу: «Геккерн на все способен: это человек без чести и совести; он вообще не имеет права на уважение и нетерпим в нашем обществе»<sup>15</sup>.

## 2

Ни Жуковский, который писал Бенкендорфу о Дантесе: «С другой стороны был и ветреный и злонамеренный разврат»<sup>16</sup>, ни Вяземский, который писал нечто подобное Мусиной-Пушкиной<sup>17</sup>, ни, что еще гораздо важнее, сам Пушкин, который называл поведение Дантеса *maîe*<sup>18</sup> (см. черновик картеля), не верили в любовь Дантеса\*. В нее верила только

\* Я ничуть не утверждаю, что Дантес никогда не был влюблен в Наталью Николаевну. Он был в нее влюблен с января 36 г. до осени. Во втором письме «elle est simple»<sup>19</sup> все же — дурочка. Но уже летом эта любовь производила на Трубецкого впечатление

Наталья Николаевна и дамы высшего общества, и этого, как ни удивительно, было достаточно, чтобы потомки получили эту легенду во всей неприкосновенности. Случилось это потому, что так интереснее. Старший Геккерн не только восторжествовал, к нашему стыду, над Пушкиным при жизни, он до сих пор продолжает праздновать победу своей дипломатии. Прижизненной победе Геккерна не приходится удивляться; проваренная в интригах старая дипломатическая лиса должна была успешно провести всю операцию и даже замести следы, но как русское общество не разоблачило «котильонного короля» Дантеса и потерпело, что великая жизнь была принесена в жертву тщеславию мелкого карьериста, и в течение ста двадцати лет повторяло, превращало в театральные представления, а затем и в кинофильмы злонамеренное вранье подозрительного барона?! Легенда о многолетней, возвышенной любви Дантеса идет от самой Натальи Николаевны (*une persévérance de deux années* — двухлетнее постоянство — сказано в ноябрьском письме 36 года)<sup>23</sup>. Итак, Жорж Дантес любил Наталью Николаевну и был верен ей с осени 34 года? Однако теперь мы имеем письмо Дантеса от 20 января 36 года, где он сообщает посланнику, как последнюю новость, что он влюбился в даму, чей муж *est d'une jalousie révoltante* <возмутительно ревнив>. (Значит, уже тогда Н. Н. жаловалась Дантесу на ревность Пушкина.) По Щеголеву, все оставалось непонятно. Как

довольно неглубокой влюбленности<sup>20</sup>, когда же выяснилось, что она грозит гибелью карьеры, он быстро отрезвел, стал осторожным, в разговоре с Сокологубом назвал ее *mijaugée* (кривлякой) и *Nägrin* (дурочкой, глупышкой), по требованию посланника написал письмо, где отказывается от нее<sup>22</sup>, а под конец, вероятно, и возненавидел, потому что был с ней невероятно груб и нет ни тени раскаяния в его поведении после дуэли.



Пушкин, при его характере, мог терпеть двухлетний или даже трехлетний роман своей жены и, следовательно, сплетни света? Теперь же все становится на свое место: Дантес влюбился в январе 36 года, объяснился в феврале, получив известный ответ\* дамы, которая в это время была беременна на 6-м месяце (23 мая родилась последняя дочь Пушкина Наталья). Надо думать, что последние два месяца Наталья Николаевна не показывалась в свете\*\*, тем более что в страстную субботу умерла мать Пушкина и у них был траур\*\*\*. Пушкин уехал сначала в Михайловское хоронить мать, затем в Москву. Письма поэта к жене совершенно безмятежны (например, «как ты перетащила свое брюхо?...»). Наталья Николаевна переехала с детьми на нанятую ею дорогую дачу Добровольского. Коко и Азя стали кататься верхом с кавалергардами («кланяйся своим наездницам») — т. е. уже появляется Дантес. После родов Наталья Николаевна была больна месяц. С июля она снова начала выезжать. И вот только с этого времени начались сплетни (минеральные воды, катанье верхом и т. д.).

В мае вернулся после годичного отсутствия старший Геккерт, и только тогда он мог, по выражению Пушкина, сводить его жену с собственным «батаром». Это опять информация Натальи Николаевны, и опять ложная. Дантес и Наталья Николаевна прекрасно объяснились в феврале, когда барон

\* Т. е., что она его любит, никогда так не любила, хочет, чтобы он ее любил, но верна долгу, т. е. отвечала, как Татьяна.

\*\* Раньше я думала так, однако из карамзинской переписки явствует, что Н. Н. встречалась с Дантесом у Карамзиных, где все знали, что он в нее влюблен.

\*\*\* 9 июля Пушкин пишет: «Я в трауре и никуда не езжу» — не тогда ли Наталья Николаевна выезжала одна, в чем упрекает Пушкина Долли<sup>24</sup>?

путешествовал по Европам и усыновлял Дантеса, а фраза: «Rendez-moi mon fils» <верните мне моего сына> <sup>25</sup> не свидетельствует о сводничестве, а скорее наоборот. Затем не совсем понятно, почему супруга камер-юнкера Пушкина и первая красавица придворного Петербурга оказывалась на балах в каких-то углах («dans tous les coins») <sup>26</sup> и позволяла нидерландскому посланнику говорить ей непристойности. (А дело в том, что в октябре Дантес был болен и Наталья Николаевна, конечно, хотела узнать, как он себя чувствует.)

Геккерн сразу и до конца понял линию поведения Пушкина. Но если бы он почему-нибудь ее не понял, ему бы ее немедленно объяснили.

Вся молодежь двух дружественных Пушкину домов (Карамзины, Вяземские) была за Жоржа — белокурого, остроумного котильонного принца. К этой молодежи принадлежала и Наталья Николаевна, которая спокойно выслушала от Валуева, девятнадцатилетнего камер-юнкера и мужа Машеньки Вяземской, такой вопрос: «Как вы позволяете подобному человеку так обращаться с вами?» (это о Пушкине!).

Итак, Геккерн знал, что намерен был сделать Пушкин. Он хотел выставить Дантеса трусом и сделать его смешным. Может быть, современному читателю не до конца понятно, чем этот план грозил Дантесу. А грозил он крушением карьеры, потому что гвардейский офицер, а тем более кавалергард не мог всенародно оказаться трусом. Надо было подавать в отставку и оставаться ни с чем. На это Геккерны были не согласны. Надо было быть не трусом, а героем. И посланник начал превращать своего приемного сына в героя. Для этого Дантес

должен был симулировать несчастную страсть на всех петербургских балах, т. е. стоять у колонны, вздыхать, бросать страстные взгляды, произносить громкие фразы вроде: «Пусть меня судит свет» (дневник Мердер)<sup>27</sup>.

Сплетники честно сделали свое дело. Оставался Пушкин. До его сведения необходимо было довести, что Дантес не George Dandin и т. д.<sup>28</sup>, а благороднейший молодой человек, который ни минуты не колебался, а сразу принес себя в жертву любимой женщине, женись на ее некрасивой сестре. Однако довести это до сведения Пушкина было не так легко. Друзья только оглаживали взволнованного и омраченного поэта или довольно нескладно пытались сблизить Пушкина с Дантесом, в чем их так горько упрекает графиня Фикельмон (см. дневник)<sup>29</sup>.

Враги бы поостереглись заговорить с Пушкиным на эту тему, рискуя получить пощечину или вызов на поединок (см. историю с мальчишкой Соллогубом)<sup>30</sup>, и в план Геккерна, очевидно, вошло возложить эту миссию на Наталью Николаевну. Она одна могла пересказывать мужу увещевания посланника и новеллы о благородстве Дантеса, что она, как мы знаем, и делала, становясь, таким образом, агенткой Геккерна. А им это было необходимо, чтобы разоружить Пушкина и заставить его замолчать. Таким же агентом Геккерна был и Долгоруков-bançal <косолапый—светское прозвище Долгорукого>, который подставлял рога Пушкину за его спиной. Когда же появился еще один человек, который мог начистоту говорить с Пушкиным и, очевидно, сообщил поэту, что Геккерн победил, версия о благородстве Дантеса взяла верх над его *tu l'as voulu, George*

Dandin и т. д., тогда произошла дуэль. Этим человеком была тригорская соседка и старый друг Пушкина баронесса Вревская, которая в начале 1837 года приехала в Петербург\*, и вот за что обвиняла ее Наталья Николаевна после смерти Пушкина, а не за то, что она, зная о дуэли, не приняла должных мер<sup>31</sup>. О дуэли знали многие (Вяземский, Перовский...), и, между прочим, «друг Пушкина» Александра Гончарова. Могу сообщить многочисленным поклонникам этой дамы, что много лет спустя Александра Николаевна, не без умиления, записала в своем дневнике, что к ней в имение (в Австрии) в один день приехали ее beau-frère <зять> Дантес (очевидно, из Вены, от Геккерн) и Наталья Николаевна из России. И вдова Пушкина долго гуляла вдвоем по парку с убийцей своего мужа и якобы помирилась с ним<sup>32</sup>. Судя по мемуарам Араповой, легенда о великой любви Дантеса бытовала в доме Ланских<sup>33</sup>. Туда она могла попасть только от самой Натальи Николаевны.

Совершенно понятно, что свадьба Екатерины Николаевны активизировала сплетни\*\* (отношения между сестрами, отсутствие Пушкина на свадьбе...), и Вревская могла сообщить Пушкину целый ворох новостей.

Итак, Вревская сделала свое роковое сообщение. В глазах света Дантес герой и т. д., а если Дантес

\* См. «Рукою Пушкина», с. 348. Ее адрес записан на письме Осиповой от 9 января.

\*\* См., например, запись в дневнике А. И. Тургенева (21 января) о том, что д'Аршиак показывал ему ноябрьские дуэльные документы<sup>34</sup>. Зачем? Когда все было, по-видимому, так благополучно завершено.

После декабрьского успокоения Геккерны в связи со свадьбой опять потянули своих куколок за нитки: «Городские сплетни возобновились» (Вяземский)<sup>35</sup>. «Все снова стали говорить про его любовь» (Н. Смирнов)<sup>36</sup>.

герой — Пушкин смешон. Пушкину было нечего возразить на это. Так возник январский вызов.

Второй причиной посылки картеля я считаю событие давно известное, но неверно толкуемое. Николай I, через много лет, рассказывал Корфу, что чуть не накануне дуэли говорил с Натальей Николаевной о ее семейных делах, а затем Пушкин якобы благодарил Николая I<sup>37</sup>. Надо думать, что монарх кое-что забыл, кое-что смягчил и это был просто очередной ремонтранс (выговор) жене камер-юнкера, которая подала повод к сплетням. Если сравнить этот эпизод с тем, что записывает Пушкин в дневнике о молодой Суворовой (Ярцевой)<sup>38</sup>, ясно, что разговор царя с Натальей Николаевной был для Пушкина чуть ли не последней каплей, переполнившей чашу. Значит, здесь опять виноват Николай I (рассказ Николая кончается так: через три дня был его последний дуэль).

Это значит, что по-тогдашнему, по-бальному, по-зимнедворскому жена камер-юнкера Пушкина вела себя неприлично\*. И Николай I, конечно, не упрекал Наталью Николаевну за то, что в нее влюблен Дантес, — его он, однако, не вызывал и не делал ему замечаний (так же как и полковой командир) по поводу его поведения<sup>39</sup>.

Поведение Дантеса было точно выверено, и все разговоры о неприличии его манеры держать себя возникли уже после смерти Пушкина, когда стали искать причины катастрофы, а ищут в таких случаях весьма примитивно<sup>41</sup>. (Например, то, что Дантес

\* Что Наталья Николаевна не умела вести себя в обществе, мы узнаем не от одной графини Фикельмон, но и из писем Вяземского к самой Наталье Николаевне уже после смерти Пушкина (ненапеч.)<sup>40</sup>.

публично звал Катерину ma légitime (моя законная), не свидетельствует ни о чем, кроме некоторого стремления к просторечию, а отнюдь не намекает на какую-то «незаконную»...)

Что же касается тайны, окутывающей эту историю и о которой дважды пишет Вяземский (Булгакову и Мусиной-Пушкиной от 26 февраля 37 года)<sup>42</sup>, напомним, что в письме к Михаилу Павловичу он же говорит, что Пушкин считал анонимное письмо проделкой Геккерна и умер в этой уверенности (значит, Жуковский утаил, что, умирая, Пушкин еще вспомнил о Геккерне). Не это ли знание Пушкина казалось Вяземскому неразрешимой тайной?

Эта уверенность Пушкина сыграла немалую роль в преддвуэльной истории. Благодаря ей состоялась его встреча с Бенкендорфом, который, получив письмо Пушкина, где находилась фраза о посланнике как авторе диплома, немедленно повез поэта в Зимний дворец<sup>43</sup>. Там Пушкин доказал Николаю I свое подозрение, иначе быть не могло. Бросить столь важной персоне, как нидерландский посланник, такое обвинение и не доказать его значило оказаться в каземате или ехать с фельдъегерем в Нерчинск. А мы знаем, что с Пушкиным после этого свидания решительно ничего дурного не случилось, а Николай I (по словам Гогенлоэ-Кирхберга<sup>44</sup> и Смирнова<sup>45</sup>) считал Геккерна автором пасквиля по сходству почерка. Буквально то же сказал Данзас Аммосову<sup>46</sup>. Почерк при библиотечном начертании букв едва ли можно до конца определить, но во всяком случае три известных нам диплома написаны не Геккерном. Однако было еще по крайней мере семь дипломов, до нас не дошедших, а еще был

печатный текст, с которого производилась переписка, и в нем надо было вписать только две фамилии. Напомню, что о каком-то дипломе какого-то формата очень тревожились Геккерны. А еще они тревожились о печати, и не случайно, конечно, и Пушкин пишет Бенкендорфу, что догадался по печати. Итак, из сравнения письма Пушкина Бенкендорфу с «воровской запиской» дипломата к своему приемному сыну видно, что бароны в чем-то просчитались и Пушкин их на чем-то поймал. И, торжествуя, Пушкин пишет ноябрьское письмо. Это документ такой важности для нашей темы, что на нем придется остановиться подробнее.

«Сказочка» Жуковского<sup>47</sup>

В этой «сказочке», на которую никто не обратил должного внимания, Жуковским иносказательно рассказаны события преддуэльной истории. Серый волк (Дантес), который хочет съесть любимую овечку (Н. Н.) пастуха-стрелка (Пушкина), но *заглядывается и на других* его овечек (Коко, Азя), да и облизывается. Тут же Дантес называется волком-прожорой\*. Далее так изображено сватовство Дантеса: «Но вот узнал прожора, что стрелок его стережет и хочет застрелить (вызов). И стало это неприятно серому волку (Дантес струсил); и стал он делать пастуху *разные предложения* (жениться на К. Н.), на которые пастух и согласился». Затем следует описание плана мести Пушкина: «(пастух думал) — как бы мне dokonать этого долгохвостого

\* Ср. с характеристикой, данной Дантесу Жуковским в письме к Бенкендорфу: «с другой стороны был и ветреный и злонамеренный разврат».

хахаля... Я соберу соседей, и мы накинем на волка аркан»\*. И тут же Жуковский отказывается от роли свиньи, которая должна своим хрюканьем выманить волка, т. е. заманить Геккернов к Пушкину, где в присутствии «соседей» — светских людей будет разоблачено авторство посланника (а м. б., и Дантеса, ср. в письме Бенкендорфу: «m. les H.»)<sup>50</sup>. Конечно, после такого объяснения Геккерн ни одного часа не мог оставаться посланником, а Дантес кавалергардом.

Весь пушкинский план дискредитации Геккерна оказался неприемлемым для Николая I, хотя Пушкин и убедил его, что автором диплома был посол<sup>51</sup>. Царь, очевидно, запретил Пушкину посылать ноябрьское письмо Геккерну и разоблачать его в глазах петербургского общества, а в этих черновиках Пушкин писал: «Дуэли мне уже недостаточно, каков бы ни был ее исход», — значит, ему мало было убить Дантеса и пр., он хотел убрать с поста нидерландского посланника, предварительно опозорив его в глазах общества и обоих дворов как автора анонимных писем.

В январе все наоборот: Дантес герой, принесший свою жизнь в жертву во спасение чести Натальи Николаевны, посол под охраной Николая I, и дано слово его не разоблачать, остаются только бездоказательные обвинения — отказ от дома (который, однако, не следует преуменьшать) и поток руга-

\* В письме Жуковского к Пушкину: «Знаю, что ты собираешься сделать». Пушкин, действительно, собирался собрать соседей и накинуть на Геккернов аркан, и это была та месть, в сравнении с которой одесские «подвиги» Раевского<sup>49</sup> превращались в ничто и которую ему, Пушкину, запретил царь, а не Жуковский, как думает Соллогуб<sup>49</sup>.



тельств, которые свидетельствуют лишь о бессильной ярости.

Дуэль была назначена на 21 ноября (8 ч утра). Вместо этого произошло официальное сватовство Дантеса, и Пушкин приступил к исполнению мести — разоблачению Геккерна-старшего как автора анонимных писем. Пушкин считал, что с молодым он достаточно расправился, женив его на Коко. К этому времени Наталья Николаевна снабдила мужа достаточным материалом для бешенства самого безудержного, в этот же день возникли страшные черновики писем (к Геккерну-старшему), Пушкин писал их, очевидно, почти одновременно с письмом (сначала тоже черновик) к Бенкендорфу. Письмо к Геккерну комментирует черновики письма к Бенкендорфу. Геккерну он, конечно, не объясняет, как он догадался, кто послал пасквиль, а только хвастается своей находчивостью и говорит, что они были сфабрикованы со столь малыми предосторожностями. Бенкендорфу он объясняет, что догадался, что пасквиль исходит от дипломата, иностранца и пр.: 1) по бумаге (гладкая, английская), 2) по печати, 3) по тому, как они были составлены. Третье отпадает. Диплом в печатном виде был у Аршиака — его только стоило списать<sup>52</sup>. Бумага и печать могли выплыть в откровениях Натальи Николаевны, если, например, какая-нибудь записка Дантеса была запечатана ею. Недаром Геккерн описывает Дантесу печать, которой были запечатаны пасквили, в своей «воровской записке». Какое дело невинному человеку до того, какого формата бумага на шутовском дипломе и что изображено на печати?

Не потому ли III Отделение затребовало почерк

Дантеса? Там уже знали, очевидно, что диплом из голландского посольства\*.

Если январское письмо<sup>54</sup> построено только на информации, доставленной Натальей Николаевной, в ноябрьском несомненно чувствуется еще один голос. Все, что относится к анонимному письму, сообщено не Натальей Николаевной, она, конечно, не могла знать, что в посольстве фабрикуется документ, порочащий ее честь. Прибавим к этому, что своими сведениями Пушкин очень гордится и непоколебимо уверен в их достоверности. Понимать это надо так: некто присутствует при разговоре Геккерна с Дантесом, при нем же решается «le coup décisif» («решительный удар») — анонимные письма, затем это лицо идет к Пушкину и все ему рассказывает, чем дает ему возможность втоптать посланника в грязь, но, очевидно, по совершенно понятным причинам это лицо пожелало остаться неизвестным. Здесь вспоминается рассказ барона Бюллера: «В 40-х гг. у Одоевского Лев Пушкин впервые узнал из подробного, в высшей степени занимательного рассказа гр. Виельгорского все коварные подстрекания, которые довели брата его до дуэли. Передавать в печати слышимое мною тогда и теперь еще неудобно\*\*». Скажу только, что известный впоследствии

\* Упоминание Бенкендорфом Тибо, учителя-француза, жившего у Карамзиных (как возможного автора диплома), после обнаружения «bande joueuse» становится интересным<sup>55</sup>. Он тоже мог быть одним из «mes drôles» <«моих молодцов»>. Шефу жандармов было, очевидно, известно, что карамзинский француз был как-то связан с Дантесом. И вообще, при всей нашей нелюбви к Бенкендорфу не следует преуменьшать его осведомленность. Поэтому же Щеголев совершенно напрасно иронизирует над тем, что Бенкендорф запросил почерк Дантеса. Это следствие разговора (23 ноября) в Зимнем, следствие того, что Николай I поверил Пушкину.

\*\* Вероятно, в этом же рассказе фигурировала неприглядная роль Николая I в этой истории: он взял с Пушкина слово ничего не предпринимать самому, обещая принять меры, и ничего не сделал.

писатель-генеалог П. В. Долгоруков был тут поименован в числе авторов «возбудительных подметных писем» (Р<усский> А<рхив>. 1872. 1. Стб. 204). Здесь все: и то, что автор анонимного письма был не один<sup>55</sup>, и какие-то коварные подстрекания, и имя Долгорукова.

А примерно через 20 лет (1860 г.) сам Одоевский пишет о Долгоруком: «Этот недоучившийся господин практиковался лишь по части сплетен, *переносов анонимных подметных писем* и действовал на этом поприще с большим успехом: от них произошли многие ссоры, семейные бедствия и, между прочим, одна великая потеря, которую Россия доньше оплакивает»<sup>56</sup>.

Эта известная цитата в свете моего открытия о неизвестном получает новое значение — значит, Одоевский знает, что имел место какой-то *перенос анонимных писем*.

Так как Виельгорский был одним из лиц, получивших диплом, он, очевидно, знал от Пушкина, что не все дипломы были писаны одним почерком. До сих пор мы не знали, какие «коварные подстрекания» довели Пушкина до дуэли. Но здесь можно предположить двойную игру Долгорукова. Не он ли информировал Пушкина и дал ему материал для ноябрьского письма: о разговоре между Геккерном и Дантесом, о плане анонимного письма, о рассылке его. Думать, что Пушкин просто фантазировал, немислимо. «Господа Геккерны» в письме к Бенкендорфу («mes drôles» — в ноябрьском черновике<sup>57</sup>) указывают на то, что он знал о причастности Дантеса к пасквилью. Вот в чем, по нашему мнению, состояли «коварные подстрекания» Долгорукова или кого-нибудь другого из шайки Геккерна.

Дальнейшие разыскания подтверждают близость Долгорукова к «*bande joyeuse*» Дантеса. Вяземский пишет жене (1839 г.): «косопалый Долгорукий — приятель Валуева»<sup>58</sup>, Валуева (зятя Вяземского) называет и сам *bancal* в своем оправдательном письме среди лиц, с которыми он дружил до своего отъезда за границу<sup>59</sup>, его же Дантес просит вызвать как свидетеля защиты.

С другой стороны, о близости *bancal*'я к своре Геккерна довольно энергично выразился тот же Вяземский, назвав *bancal*'я одним из «молодых людей наглого разврата», окружавших голландского посланника<sup>60</sup>.

В 1839 году Долгоруков сыграл весьма странную роль в дуэли кн. Лобанова-Ростовского с кн. Львом Гагариным. Он предложил участникам этой дуэли составить документ о дуэли, взял его на хранение и, по-видимому, доставил полиции, так что, когда участники дуэли явились на место поединка, их уже ждали там жандармы<sup>61</sup>.

Противники версии о *bancal*'е как авторе пасквиля указывают на то, что она возникла лишь после воронцовской истории (1861 г.), между тем как Гагарина называли сразу. На это я могу возразить следующее: в 1848 году, т. е. через 11 лет после рассылки пасквиля и сразу после французской революции, Чаадаев в Москве получил письмо за подписью Луи Колардо, который был якобы знаменитым французским психиатром, прибыл из Парижа, города, как известно, переполненного безумцами всякого рода, в Москву, желая излечить Чаадаева от мании величия. Ряд знакомых Чаадаева тоже получили подобные письма с просьбой уговорить Чаадаева принять услуги знаменитости, потому

что, вылечив его, г. Колардо будет иметь доступ в дом *знаменитейшего сумасшедшего* Дмитриева-Мамонова<sup>62</sup>. Письмо Колардо составлено весьма нагло. Чаадаев немедленно догадался, что автор этого послания — banca!, и тотчас же сочинил очень остроумный ответ, который, по-видимому, забыл отправить\*. Я обращаю внимание читателей на следующие обстоятельства: 1. Письмо послано целому ряду людей (друзей жертвы); 2. Дм<итриев>-Мамонов играет в письме ту же роль, что Нарышкин в пасквиле 1836 г. Там — знаменитый роконосец, здесь — знаменитый сумасшедший. Это писала одна и та же рука, это придумал тот же самый человек, и этим человеком был кн. Петр Владимирович Долгоруков. Здесь имело место то, что в уголовном праве носит название «единство метода» и является безусловным доказательством виновности подсудимого.

### О ПРИЧИНАХ ОТПРАВЛЕНИЯ ДИПЛОМА

Очевидно, голландский посланник, желая разлучить Дантеса с Натальей Николаевной, был уверен, что «*le mari d'une jalousie révoitante*» <возмутительно ревнивый муж><sup>63</sup>, получив такое письмо, немедленно увезет жену из Петербурга, пошлет к матери в деревню (как в 1834 г.) — куда угодно — и все мирно кончится. Оттого-то все дипломы были посланы *друзьям* Пушкина, а не врагам, которые, естественно, не могли увещевать поэта. Исключение одно.

\* Вестн. Европы. 1871. № 9. С. 48—49 «Приложения» к «Воспоминаниям» М. Жихарева о Чаадаеве». На эту статью обратил мое внимание Н. И. Харджиев, за что приношу ему живейшую благодарность.

Тетка Соллогуба—Васильчикова. Она не была в окружении Пушкина. Однако она была сестрой упомянутого в дипломе Нарышкина, и кто-нибудь из «*mes drôles*» мог выбрать ее именно поэтому. Мы знаем, что Пушкин сделал попытку увезти Наталью Николаевну от свадьбы Дантеса, поехав с ней в Михайловское, о чем он пишет Осиповой, на что соседка отвечает, что красавица жена, наверно, не захочет уезжать (очевидно, в разгар сезона) и кто бы мог найти это дурным (январь 1837), да еще прибавляет: «*Honny soit qui mal y pense*» <«Позор тому, кто дурно об этом подумает»><sup>64</sup>.

Кажется, никто почему-то не отметил, что письмо Пушкина к Дантесу с отказом от дуэли носит совершенно специфический характер. Это письмо главы дома, на чьем попечении была молодая девушка, к человеку, ее обесчестившему, а затем под угрозой дуэли согласившемуся на ней жениться. И больше ничего. Потому-то секунданты это письмо Дантесу не показали. С этого письма Пушкин начинает свой первый план мести, который должен изобразить Дантеса трусом. Письмо это, конечно, компрометирует Катерину, и неудивительно, что она стала открытым врагом Пушкина.

Здесь уместно заметить, что брак Дантеса с Катериной, который казался Пушкину таким смехотворным, вполне устраивал обоих Геккернов.

К этому времени слухи об истинном характере отношений обоих баронов сделались довольно упорными (см. показанья коллег голландского посланника), и Жоржа надо было непременно женить<sup>65</sup>. При такой репутации рассчитывать на блестящую партию было трудно. Жениться на дочери богатого откупщика—опять конец карьеры. Катерина была

фрейлиной императрицы, племянницей всесильной Загряжской и великолепного Строганова. Этого, на худой конец, было достаточно для баронов.

Но, что было гораздо важнее, Катерина была без памяти влюблена в Дантеса и с первого же дня стала игрушкой в руках баронов. Приехав во Францию, она немедленно перешла в католичество. Она, несомненно, была посвящена в игру, т. е. знала, что Жоржу надо притворяться влюбленным в ее сестру (см. черновик дуэльного письма: «vous avez joué á vous trois un rôle... enfin Mad. Heckern» <вы сыграли все трое такую роль... наконец, г-жа Геккерн>)<sup>66</sup>. Она нисколько не ревновала — ей все объяснили. Ревновала Наталья Николаевна, которая продолжала тупо верить в великую страсть Дантеса (см. дневник Фикельмон: «disputant avec son mari sur la possibilité du changement dans le coeur à l'amour du quel elle tenait peut-être par vanité seulement» <«спорила с мужем о возможности такой перемены в сердце, любовью которого она дорожила, быть может, только из-за одного тщеславия»>).

По-видимому, надо верить Жуковскому, когда он уговаривал и успокаивал Пушкина (в ноябре): «Он <Геккерн> дал мне материальное доказательство, что это дело <свадьба> задумано гораздо раньше»<sup>67</sup>. (См. также «сказочку» Жуковского об охотнике и волке.)

Тетка Загряжская написала Жуковскому, благодаря его за устройство свадьбы Катерины: «Итак, все концы в воду» — едва ли подходящая фраза, когда выдают замуж фрейлину<sup>68</sup>.

Вяземский писал Эм. Мусиной-Пушкиной 26 февраля 1837 года: «Эта история, окутанная столькими тайнами даже для тех, кто следил за нею вблизи».

Итак, Вяземскому казалось, что он с близкого расстояния следит за этой историей, однако вот что он писал той же Эмили Мусиной-Пушкиной 15 января, т. е. через пять дней после свадьбы Катерины. Был у Барантов 14 января: «Мадам Геккерн имела счастливый вид, который ее молодил на десять лет и придавал ей вид только что постригшейся монахини или обманувшейся новобрачной. Я не могу от вас скрыть, что муж тоже много танцевал, много веселился и никакая тень брачной меланхолии не легла на черты его лица, такого красивого и *выразительно-го*»<sup>69</sup>.

Вот какое впечатление производила эта пара за 10 дней до вызова Пушкина.

Конечно, в этом письме нас интересует не то, что от счастья 29-летней Катерина казалась 19-летней девочкой, что она была точь-в-точь похожа на новобрачную (вероятно, намек на ее добрачную связь с Дантесом), и не описание красоты Дантеса и отсутствия в нем признаков супружеской меланхолии... Все это банальное великосветское злоречие изящного сплетника.

Нас поражает в этом письме безмятежный тон и, очевидно, полная уверенность Вяземского, что все в порядке, тревожиться ни о чем не надо и, главное, нет никакой тайны «*tant de mystère!*» «столькими тайнами». (С этим письмом вполне гармонируют жениховские записочки Дантеса, спокойный, радостный тон которых так удивлял Щеголева.)<sup>70</sup> Это тот же Вяземский, который говорит, что Пушкин сердит на Дантеса, потому что тот перестал ухаживать за его женой. А Жуковский примерно в это же время смеялся, узнав, что Андрей Карамзин старается разгадать *тайну* женитьбы Дантеса<sup>71</sup>. Со свадьбы



Дантеса и Катерины (10 января) шафера поехали к Карамзиным (см. дневник А. И. Тургенева)<sup>72</sup>. Еще бы: ведь Дантес считал карамзинский дом почти родным, как видно из письма Андрея Карамзина<sup>73</sup>.

Замечу вскользь, что об исходе дуэли Вяземские посылали справляться не к Пушкиным, а к Дантесам и что Вяземский за сутки знал о дуэли и не сделал ничего, чтобы спасти своего друга, а княгиня в письме в Москву называла Дантеса только черепицей, которая упала на голову<sup>74</sup>. И очень страшно, что ровно через месяц этот самый Вяземский напишет этой самой Мусиной-Пушкиной о полной победе Дантеса: «Celui qui après l'avoir assassiné moralement a fini par être son meurtrier de fait» <«Тот, кто был его моральным убийцей, кончил тем, что стал им в действительности»><sup>75</sup>.

Как надо понимать эту страшную фразу? Вяземский называет моральным убийством, конечно, то, что никто не верил в трусость Дантеса, а все говорили, что своей женитьбой он спас Н. Н. Этого Пушкин не мог вынести. Это и есть констатирование полного провала пушкинской политики (он морально убит).

Щеголев не прав, когда пишет, что в январском письме не осталось и следа утверждения авторства Геккерна. Фраза: «...только под этим условием я <...> не обесчестил вас в глазах нашего и вашего дворов, как имел право и намерение» — находится и в ноябрьском черновике в несколько иной форме, но относится прямо к возможности разоблачения Геккерна как автора анонимных писем.

Если бы Пушкин перестал думать, что Геккерн

автор диплома, эта фраза не фигурировала бы в январском письме.

Теперь находит себе место темный и спутанный рассказ Бартенева, со слов кн. Вяземского, о письме 21 ноября: «После этого (т. е. после оглашения помолвки Дантеса) государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед\*. Так как отношения Пушкина с государем происходили через гр. Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя гр. Бенкендорфа, собственно назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решился послать». (Еще в 1-м изд. «Дуэль и смерть» Щеголев предполагает, что это письмо к Нессельроде.)

Эту цитату, а не разговор с Николаем Павловичем надо было привести Щеголеву. Здесь, и только здесь сказано, что разговор Николая I и Пушкина имел место после помолвки Дантеса и что царь взял с Пушкина слово. Это слово Пушкин нарушил 27 января во французском посольстве, заявив при двух свидетелях, д'Аршиаке и Данзасе, что Геккерн — автор диплома<sup>78</sup>. Но Пушкин написал 26 января: «Истина сильнее царя» (в письме Толю)<sup>79</sup> — и не скрывал «правды своей в сердце своем», как сказал о нем Тургенев<sup>80</sup>.

\* О том же пишет Вревская, когда сообщает, как, встретив Пушкина в театре, умоляла его не посылать вызов и пожалеть своих детей. «О них позаботится государь, он знает все мое дело», — ответил Пушкин<sup>76</sup>. Говоря так, П<ушки>н, очевидно, имеет в виду свою поездку в Зимний и реакцию царя на его сообщение. В письме к сестре Николай I сообщает все факты как бы под диктовку П<ушки>на<sup>77</sup>. Он несколько раз говорит тогда, имея в виду ноябрь, т. е. день свидания в Зимнем.

## КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ

*Итак:* Щеголев не учитывает следующих обстоятельств: что весь «роман» длился 1 год, что до мая Наталья Николаевна была беременна, до июля больна, что старик Геккерн появился только в мае, что объяснение произошло в феврале 1836 года, что в ноябре Дантес называл *уже* Наталью Николаевну *mîjaugée* (кривляка, дурочка), что план компрометировать Наталью Николаевну возник у Геккернов сразу после сватовства Дантеса, что 23 ноября в Зимнем дворце Николаю I было доказано, что Геккерн послал анонимные письма (или организовал их рассылку), и с Пушкина было взято слово молчать об этом, чем было разрушено его намерение разоблачения посла в глазах петербургского общества, что, по-видимому, царь обещал поэту, что сам займется этим делом, что весь декабрь Пушкин терпеливо ждал и дождался только активизации сплетен в связи со свадьбой («городские толки возобновились»). Таким образом, очевидно, что Николай I его обманул, а он сказал Вревской о детях: «Царь позаботится о них, он знает все мое дело», что брак на Катерине весьма устраивал Геккернов (чего не знал и Пушкин), что Катерина *était dans le jeux* <участвовала в игре>, что дуэль произошла оттого, что геккерновская версия взяла верх над пушкинской и Пушкин увидел свою жену, т. е. себя опозоренным в глазах света. Замечание, которое сделал Николай I жене Пушкина относительно ее поведения, было последним ударом, с этим совпали *révélations* <разоблачения> Вревской о петербургских сплетнях. Сначала Пушкин хотел просто избить Геккернов на балу у Разумовской (?), но их

предупредили (у них были свои люди в ближайшем окружении Пушкина — вся молодежь). Вяземские и Карамзины до последнего дня принимали Дантеса. После катастрофы все перепугались и изо всех сил начали оправдывать Наталью Николаевну, которая *одна* могла все остановить в любой момент, но она была не в состоянии поверить, что Дантес ее разлюбил и издевается над нею. Как бесконечно одинок был Пушкин все это время, до какой степени вялым и неудачным было поведение друзей (два письма Вяземского). Поведение обоих Геккернов... Да он и не терпел, а просто не знал всего. А когда узнал, послал картель.

## АЛЕКСАНДРИНА

В январе 1837 года, через несколько дней после венчания Дантеса и Екатерины, как продолжение свадебных торжеств, состоялся парадный обед у гр. Строганова (посаженного отца). После этого обеда голландский посланник подошел к Пушкину и предложил мировую. Пушкин сухо ответил, что не желает иметь никаких отношений между своим домом и господином Дантесом. По тогдашним нравам это был скандал невероятный\*, и против этого надо было своевременно принимать меры. И, по-видимому, Геккерн пустил в ход заготовленную им впрок сплетню. Это должно было иметь примерно такой вид: «Ах, вы нас на порог не пускаете, так мы и сами не хотим к вам идти, потому что у вас в доме творится безобразие»\*\*.

Вот отправная точка будущих разговоров о воображаемом романе Пушкина с Александрой Николаевной Гончаровой. Конечно, клеветник не должен сам распространять клевету. Это было бы наивно и

\* См. в письме С. Н. Карамзиной: «Он упорно заявляет, что никогда не позволит жене... принимать у себя замужнюю сестру». Далее говорится, что это решение Пушкина «приведет в движение все языки города» (Карамзины <Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960>. С. 148). Еще важнее, что отказ от дома подчеркнут Пушкиным в картеле и даже как бы составляет причину его отправки. Примечательно, что в ноябрьском письме этот момент отсутствует, но в ноябре Пушкин был по-настоящему страшен Геккерну: он грозил посланнику разоблачить его как автора диплома. Царь отнял право говорить о дипломе, и в картеле (вместо этой угрозы) — *отказ от дома*!

\*\* См. письмо Геккерна бар. Верстолку от 30 января 1837 г.: «Мы старательно избегали посещать дом господина Пушкина (пишет голландский дипломат, которому было дважды отказано в этом январе от дома.— А. А.), так как его мрачный и мстительный характер нам был слишком хорошо знаком» (Щеголев <Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 119>).

Прошу обратить внимание на то, что в биографии Дантеса, написанной его родным внуком Метманом, ситуация сглажена: «После свадьбы отношения между обоими домами остались корректными, хотя и холодными (Щеголев, с. 303).

облегчило бы слушателям найти концы. Лучше всего, чтоб это делал кто-то, близко стоящий к жертве. В данном случае, по-видимому, была избрана Софья Карамзина.

Поэтому не следует удивляться, что находящаяся под очевидным и непрерывным влиянием Дантеса Софья впервые заметила на рауте у Мещерских (воскресенье 24 января), т. е. за три дня до дуэли, все признаки этого «преступного романа», причем из контекста следует, что Александрина влюблена все в того же Дантеса, а Пушкин ревнует не Наталью Николаевну, а свою свояченицу.

В письме от 27 января 1837 года с изумлением читаем: «В воскресенье у Катрин (Е. Н. Мещерской.— А. А.) было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя,—это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а, чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу—по чувству. В общем все это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных)»<sup>2</sup>.

От всего этого за версту пахнет клеветой. Если Пушкин и Александрина в связи и живут в одном доме, зачем им демонстрировать свои преступные

отношения? Как можно кокетничать с человеком, который от ярости скрежещет зубами, и т. д. и т. д.?

«Pasha à trois queues» — так мило несколько раньше Дантес шутил называл трех сестер Гончаровых пушкинским гаремом<sup>3</sup>. А сестра Ольга Сергеевна писала отцу по поводу переезда Александры и Екатерины в дом Пушкина — «Александр представил меня своим женам — теперь у него их целых три»<sup>4</sup>. После того как они (Геккерны) увели одну из жен, естественно, осталось только две. Вот питательный бульон, на котором затем те, кого это устраивало, создали легенду о романе Пушкина с Alexandrine. Это ли не костяк сплетни о романе Пушкина с Александрой Гончаровой?

В сообщении Софьи Николаевны поражают совершенно новые интонации, когда она передает свои впечатления от раута у Мещерских. Свойственные ей терпимость и легкомыслие почему-то впервые ее покидают, появляется какая-то сухость, твердость и совсем не женская ясность формулировок. Тут же как подпорка пригодился князь Петр (Вяземский) (через несколько часов он будет выть у постели умирающего Пушкина), который якобы закрывает лицо и отвертывается от *дома Пушкиных* (опять дом!). В отличие от характерного для Софьи Николаевны стиля частных наблюдений («опускает глаза», «направляет... лорнет», «принимает... выражение тигра» и т. п.), здесь — обобщенная сентенция, повторение полученной «информации».

От кого же узнала С. Н., что Пушкин «серьезно влюблен» в Александрину и Наталью Николаевну ревнует «из принципа», а Александрину «по чувству»? Прошу сопоставить с этим, что заклятый враг Пушкина и приятельница Дантеса Идалия Полети-

ка (о которой ниже) «напомнила» Трубецкому (в Одессе, когда им было уже по 70-ти лет), что и вся дуэль произошла из-за ревности Пушкина к Александрине и боязни, что Дантес увезет ее во Францию<sup>5</sup>. Эта чудовищная нелепость, так возмутившая Щеголева,— несомненно, версия Дантеса. Софи как замороженная повторила за Дантесом и даже сама не заметила, что она говорит. Очень скоро об этом заговорили бы (с подробностями из Декамерона)<sup>6</sup> все кавалергарды\*, на это намекали бы (поджимая губы и закатывая глаза) важные дамы в своих салонах. (Фраза в письме Софи: «Это превосходит обыкновенную (?) безнравственность» — прямо создана для такой ситуации.)

Обращаю внимание читателя на то, что во всей этой карамзинской переписке, кроме этого грязного обвинения, нет ни слова о романе Александрины и Пушкина. Ни при каких обстоятельствах ни сама Софи в откровеннейшем письме к брату, ни ее брат Александр Карамзин больше не говорят об этом.

И неужели, если бы Вяземский думал нечто подобное, он бы стал так надрываться в письмах к Эм. Мусиной-Пушкиной?

Письмо С. Карамзиной еще примечательно тем, что оно написано в день и час дуэли Пушкина. Об этом пишет сама С. Карамзина в следующем письме (30 января): «А я-то так легкомысленно говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, в тот самый час, когда совершалась ужасная ее развязка». И затем она описывает все случившееся, но уже не под диктовку Геккерна-

\* Для современного читателя напомню, что кавалергарды были первым полком, несли службу во дворце и офицерами этого полка могли быть только сыновья знатнейших и богатейших семей.



Дантеса (как в среду), а со слов Вяземского или Жуковского. Поэтому там нет ни слова, нам раньше неизвестного. Когда Карамзины пишут о Наталье Николаевне после смерти Пушкина, никто из них ни слова не упоминает об А1., и только однажды сообщается, что Натали очень рада, что сестра едет вместе с ней.

Щеголев не знал карамзинской переписки, но, прочитав, примерно то же в воспоминаниях Трубецкого, восклицает: «Каждое слово ошибка!» Щеголев прав. Но тут дело в том, что у Софьи Николаевны и у Трубецкого был один и тот же источник. А источник этот — Дантес. Это он внушил С. Н. и Трубецкому версию романа Пушкина с Александриной. Кроме его голоса, нет ничего в мемориях Трубецкого. Кавалергарды были так же загипнотизированы Дантесом, как молодежь карамзинско-вяземского кружка (*bande joyeuse*).

Щеголев недооценил мемуары Трубецкого. Все, что там сообщено, говорит не Трубецкой, а сам Дантес (и отчасти Полетика, что все равно), так же как то, что говорит и сообщает Данзас, — это не Данзас, а сам Пушкин. Только от самого Дантеса Трубецкой узнал, что Пушкин дрался не за жену, а за свояченицу; это должно было обелить «бедного Жоржа» и втоптать в грязь Пушкина, обесчестившего порученную ему матерью молодую девушку, а также отомстить за ноябрьское письмо Пушкина, где содержался намек на порочные отношения Дантеса и Геккерна («ваш *bâtard* или называемый так»).

Все, что диктует Трубецкой в Павловске на даче, — голос Дантеса, подкрепленный одесскими воспоминаниями Полетики. Трубецкой ни Пушки-

на, ни его писем, ни сочинений о нем не читал; он по серости своей свято поверил фольклорной истории с поцелуем, углем, лампой, свечкой... усами. Дантес казался ему идеалом остроумия, изящества, умения вести себя с женщинами, одним словом — он был так же влюблен в Дантеса, как вся карамзинская *bande joyeuse*.

Таким образом, воспоминания Трубецкого из маразмического бормотания, которое так возмущало Щеголева, превращаются в документ первостатейной важности: это единственная и настоящая запись версии самого Дантеса.

Очевидно, распространение этой версии было поручено также Полетике\* — дочери Строганова, несомненно неравнодушной к Дантесу (Катерина пишет мужу о том, как Идалия рыдала, узнав об его отъезде<sup>7</sup>) и заклятому врагу Пушкина. И Полетика всю свою жизнь действовала в этом направлении. Она так люто ненавидела Пушкина, что в 1889 году называла его извергом, рифмоплетом и т. п.<sup>8</sup> Очевидно, таково было отношение к Пушкину всего строгановского дома, к которому она принадлежала. С Коко она сохранила хорошие отношения и давала в письмах «недамские» сведения в Сульц, где жили Дантес и Екатерина, о материальных и литературных делах Пушкина, злорадно писала о тираже посмертного издания, якобы не оправдавшего надежд, и т. д.<sup>9</sup>

Сравним сведения Геккерна о каком-то анонимном январском письме, о котором мы больше ни-

\* Об этой даме говорить сложно и трудно. К карамзинско-вяземской *bande joyeuse* она не принадлежала, муж ее был другом и полковым товарищем Дантеса, она была лучшей подругой Натальи Николаевны, но среди бывших с ней в январские дни не перечислена.

чего не знаем<sup>10</sup>, и то же в рассказе Полетики,—многозначительное совпадение: Арапова, очевидно с ее слов, утверждает, что под окном во время свидания Натальи Николаевны с Дантесом, якобы происходившего в квартире Полетики в январе 1837 года, сторожил Ланской, который в действительности был не то в Ростове, не то в Воронеже<sup>11</sup>. Надо думать, что этого свидания никогда не было, а то бы мы знали о нем и из других источников.

Щеголев допускает, что всю историю романа Пушкина с Александринной выдумала Арапова, дочь Натальи Николаевны от Ланского,—для симметрии и для оправдания поведения Натальи Николаевны. По-моему, воспользовалась, а не выдумала. Эту версию, выдуманную Геккернами, вырастила и переставала до своего последнего дыхания Идалия Полетика. Она не уставала вдалбливать свою бесстыдную сплетню полоумному Трубецкому в Одессе (о чем он, к счастью, сам сказал своим слушателям на даче в Павловске)\*. Она говорила В. Ф. Вяземской, что Александрина «призналась» ей, она везде тут как тут.

Геккерн и Полетика были людьми своего времени и круга и твердо знали, что ничто в глазах света не могло так запачкать и совершенно уничтожить Пушкина, как такая сплетня\*\*. Недаром Трубецкой пишет о романе Пушкина и Александрины: «Об них

\* «Не так давно в Одессе умерла Полетика... с которой я часто вспоминал этот эпизод, и он совершенно свеж в моей памяти» (Щеголев, с. 355).

\*\* Но наступила другая эпоха—и Баргенов (в старости), а за ним П. Е. Щеголев, раскопав измышления Полетики, с легкостью им поверили, я уже не говорю о современных читателях XX в. Те просто в восторге: «Ах, она его лучше понимала, она любила его стихи». Только и слышишь—как будто это такая редкость или заслуга—любить стихи Пушкина.

<причинах смертельной дуэли> в печати вообще не упоминается, быть может, потому, что они набрасывают тень на человека, имя которого так дорого для нас, русских». Он еще помнит, а Щеголев уже не помнит и не понимает неприличие и чудовищность этого обвинения, а затем уже все с умилением пересказывают эту «легенду» и пишут стишки подруге поэта.

Итак, дернув неприметную ниточку (Александрина), мы вытянули нечто ужасное и отвратительное, т. е. то, что случилось бы, если бы дуэль 27 января почему-нибудь не состоялась. В моей работе доказано, что к услугам дипломата для выпуска в свет любой сплетни был весь кавалергардский полк (причем господа офицеры были согласны повторять даже последние новости из Декамерона)\*, по крайней мере два петербургских салона — Нессельроде и Бобринской — и, как это ни горько констатировать, молодежь обоих дружеских Пушкину домов — Вяземские и Карамзины. Напомню, что С. Н. Карамзина и после смерти Пушкина не перестает твердить — только бы с Дантесом ничего не случилось<sup>12</sup>. Что говорил сам поэт, уже никого не интересовало. Он был уже «почти смешон» (слова Александра Карамзина в письме к брату Андрею) и стал бы немедленно и преступен. Ни в чем не повинную Александру Николаевну надо было бы увести на вечное девство к мамаше в деревню, а один из братьев Гончаровых должен был бы при общем сочувствии Петербурга убить на дуэли Пуш-

\* Выше я уже упоминала новеллу мирового фольклора, приспособленную к семейной трагедии Пушкина и резво рассказанную Трубецким со слов самого Дантеса.

кина, обесчестившего его сестру, жившую в доме Пушкина и доверенную ему матерью.

Такая связь рассматривалась тогда как инцест <кровосмешение>, и трудно себе представить, кому показалось возможным привлекать как улику слова отца Пушкина, Сергея Львовича, о том, что Александрина больше огорчена, чем вдова<sup>13</sup>.

Неужели отец Пушкина мог сказать что-нибудь позорящее память своего только что погибшего сына? Он просто сказал (и хотел сказать), что чужой человек, видевший этот ужас, более расстроен, чем вдова, которая не только своего свекра, но и всех поражала своим удивительным бездушием. Узнав о смерти Александра Сергеевича, старик долго не верил, когда же его убедили, что это правда, сказал: «Мне остается просить бога не отнимать у меня память, чтоб я не забыл его»<sup>14</sup>.

Можно с уверенностью сказать, что сплетни о связи Пушкина в то время не существовало, иначе Александрина не могла бы стать фрейлиной в 1839 году<sup>15</sup>.

Кроме того, забывают об одном лице, близко стоящем к этому «делу», — о Наталье Николаевне Пушкиной.

При известной ее ревности (см. письма Пушкина) неужели она бы совершенно безропотно и абсолютно незаметно для постороннего глаза сносила бы скандальный роман мужа и сестры — тут же в доме?

Дантеса, однако, она так ревновала, что это видел весь светский Петербург, и, по словам Софи Карамзиной, чуть не задыхалась, говоря о свадьбе Екатерины, не хотела переписываться с сестрой и даже не имела ее портрета в своем доме, а Александрина навсегда осталась для нее самым милым,

верным и надежным другом. Если же верить измышлениям Араповой, Наталья Николаевна даже обсуждала в 1852 году с сестрой, как лучше поставить в известность жениха Фризенгофа о связи сестры с ее мужем\*.

Что же касается остальных трех доказательств этой «преступной связи», то они так же эфемерны. В. Ф. Вяземской, достигшей к этому времени 80 лет, мы совсем не обязаны верить<sup>16</sup>. Она, конечно, была озабочена лишь тем, чтобы снять всякое обвинение с себя (ведь ей Пушкин сказал о дуэли) и с своего дома. Второе — предсвадебная исповедь Александрины жениху — Фризенгофу, о чем повествует та же Арапова, после чего он якобы стал плохо относиться к памяти Пушкина, — вещь просто смехотворная. Последнее — не то крестик, найденный прислугой на пушкинском диване, не то цепочка, которую, умирая, Пушкин велел отдать Александрине\*\*, — может быть объяснено мотивами совершенно особого характера. Ведь Пушкин сказал Александрине (как единственному взрослому человеку в доме), что едет на дуэль; и она не могла не дать крестик; а он оставил этот крестик дома и перед смертью велел ей его вернуть. Откровенья няньки, надеюсь, можно не обсуждать, тем более что это, несомненно, все тот же крестик, про который пушкинская прислуга могла слышать. Что же касается нежелания Пушкина проститься перед смертью

\* В своих бредовых мемуарах Арапова сообщает изумленному читателю, что перед свадьбой А. сестрицы долго совещались, как ловчее сообщить жениху, что невеста не девица и что ее любовником был Пушкин.

\*\* Говорят, эта цепочка до последнего времени украшала собой дом Фризенгофов. Неужели после этого открытия можно серьезно говорить о том, что она была доказательством преступной связи самой *châtelaine* <владелицы замка> со своим зятем.

с Азей, то оно вовсе не свидетельствует о связи, а наоборот, потому что иначе он бы, зная, что умирает, вероятно, захотел бы попросить у нее прощенья.

Мне кажется более вероятным, что Пушкин знал, что А. играла в его доме ту же роль, что и Екатерина Николаевна летом 1836 года.

Отчего Пушкин так ненавидел Екатерину Гончарову, что даже осрамил ее в ноябрьском письме? Скорее всего оттого, что он знал, как, впрочем, и все кругом, о ее роли в начальной стадии дантесовской истории\*.

Почему Пушкин категорически отказался прощаться с Александринной? Вероятно, потому же. Александринна не могла не стать конфиденткой, а следовательно, и помощницей своей младшей сестры. Влюбленной Наталье Николаевне нужен был кто-то для разных мелких услуг. Ближе и вернее всех была А. Могла же она с удовлетворением записать в дневнике в 18... году, что Наталья Николаевна гуляла с Дантесом по ее парку и совершенно помирилась с ним<sup>17</sup>. И эта ее страшная австрийская запись (уже более чем зрелой женщины) не продолжение ли ее петербургской деятельности? Если она тогда не понимала все неприличие такой записи, что она понимала в 1836 году, когда она, как и прочие члены *bande joyeuse*, была под обаянием и гипнозом Дантеса?

Вспомним конспективные записи Жуковского о поведении Дантеса с Екатериной: «При тетке ласка к жене; при Александрине и других, кои могли бы

\* Летом 1836 г. Коко (Екат. Ник.), влюбленная в Дантеса, способствовала встречам Натальи Николаевны и Дантеса, чтобы видеть его (Щеголев, с. 69).

рассказать, *des brusqueries* <грубости>»\*. Дантесу нужно было, чтоб кто-то рассказывал Наталье Николаевне о грубости его с женой, якобы свидетельствующей о великой страсти к самой Наталье Николаевне. И Александрина ходила к Дантесам и, возвращаясь, говорила, что Дантес чуть не бьет Коко, и госпожа Пушкина в восторге—значит, он меня действительно любит, значит, это в самом деле *grande et sublime passion* <великая и возвышенная страсть>.

Когда исследователи начинают говорить об Александрине, то почему-то неизбежно впадают в ханжеский умиленный тон и забывают, что она была одной из разряженных (с осиной талией) сестер Гончаровых, которых Жуковский называет овечками<sup>19</sup>, на которых облизывается Дантес, член *bande*, так что непрерывно находилась в обстановке, враждебной Пушкину\*\*.

Из всего следует, что А1. выезжала в свет со своими сестрами, а не занималась хозяйством и детьми\*\*\*. Однако созданному Араповой образу скромной, умной и доброй некрасивой девушки очень повезло. Никому дела нет, что та же Арапова дальше изображает тетку ведьмой, истеричкой и домашним тираном (которая запрещала Наталье Николаевне ездить кататься с Ланским). Читатель

\* См. конспективные записи Жуковского (*Шеголев*, с. 261)<sup>18</sup>.

\*\* См. также у Карамзиных—флирт с А. Россетом (*Карамзины*, с. 120)<sup>20</sup>. Я (может быть, слишком смело) сопоставляю это с араповским изображением семейной жизни Дантесов, где Екат. Ник. страдает оттого, что ее муж любит Наталью Николаевну. Делаю я так потому, что источником Араповой была вернее всего все та же Александрина.

\*\*\* См. письмо Пушкина Бобринскому, где Александр Сергеевич просит объяснить, которую из его невесток он приглашает на бал, чтобы восстановить мир в семье<sup>21</sup>.



уже поверил, и это навсегда. Цитата окаменела. Ее и сейчас повторяют все. Ни из чего не следует, что Александрина была пушкинской партии. Это относится и к ее тетке К. И. Загряжской\*. И та и другая были партии Натальи Николаевны, что совсем не одно и то же. Как известно, в воспоминаниях Араповой нет ни одного доброго слова о Пушкине.

Откуда же шла эта подозрительная информация? От Натальи Николаевны? Но она умерла в 1863 году, когда Араповой было 18 лет. Какая мать, да еще такая ханжа, как Наталья Николаевна, рассказала бы своей 18-летней дочери сцену возвращения Пушкина под утро от «Амалии» и историю ухаживания Дантеса, который всюду возникал перед *тремя* восхищенными Гончаровыми.

Здесь дело не обошлось без Александрины, с которой Арапова встречалась уже за границей.

По Араповой, Пушкин — какой-то промотавшийся неудачник, грубиян, вульгарный развратник («Опять был у Амалии»), дурной муж мученицы, страдальцы и жертвы<sup>23</sup>. Араповой даже в голову не пришло заглянуть хотя бы в нежные, заботливые и

\* Екатерина Ивановна Загряжская — кузина Строганова, сестра тещи Пушкина Натальи Ивановны Гончаровой, тоже, как известно, не благоволившей к поэту. До сих пор вопрос о ее отношении к Пушкину не обсуждался, но считалось, что она скорее дружелюбна к Пушкину (он не забывает письменно целовать ее ручки и т. д.). Это ни из чего не следует. Она одевала к венцу Коко (см. Карамзин, с. 159), она была на Мойке в часы агонии поэта и не вошла в кабинет (*очень важно*). Но во всяком случае можно утверждать, что она не была геккерновской партии (см. в письме Геккерна к Дантесу о том, что он запретил Коко писать тетке, и вообще ее характеристику)<sup>22</sup>. Она была ни за Дантеса, ни за Пушкина, она охраняла интересы Натальи Николаевны. Очень похоже, что Александрина поступала точно так же.

Люди видят то, что хотят видеть, и слышат то, что хотят слышать.

изящнейшие письма Пушкина к жене. Этот образ до нее донесли собственная мамаша, Александра Николаевна Гончарова и, вероятно, Полетика\*.

Дантес, наоборот, сервирован роскошно: его приезд, бедность, болезнь в гостинице, встреча с вельможей, который поражен красотой и прелестью юноши, их дружба... Любовь молодого кавалергарда — единственная, возвышенная, на всю жизнь. Боюсь, что здесь тоже дело не обошлось без Натальи Николаевны, Полетики и тети Ази (напомню, что для Араповой Дантес был таким же дядей, как для детей Пушкиных, и тон ее писаний ничем не отличается от биографии Дантеса, составленной родным внуком Дантеса — Метманом).

Ничто в последующей жизни Александры Николаевны не подтверждает легенду о ее роли «добротного ангела» в жизни Пушкина. Никакого хранения памяти о нем; зато можно без особого напряжения проследить ее добрые отношения с домом Дантеса. Воспитанные ею сыновья Пушкина (Александр и Григорий) ездили в Сульц к «дяде Жоржу», как сообщает нам внук убийцы Пушкина — Метман. Там они выслушивали рассказы «дяди» о его русских приключениях, что мы узнаем от Араповой, которую это тоже ничуть не шокировало.

Девочки Пушкины, тоже питомицы Александрины, переписываются со своими эльзасскими кузинами.

В письме, якобы возмущившем даже Наталью Николаевну, Александра Николаевна описывает

\* Покойная М. Г. Соломина говорила мне в 1924 г., что встречалась в «свете» с Араповой и та охотно повествовала, как ее мать (Н. Н. Ланская) была более счастлива во втором браке, чем в первом.

обед у Геккерна-старшего в Вене. Уж об его-то роли в пушкинской истории она не могла не знать. У нее Арапова познакомилась с дочерью Дантеса — графиней де Вандаль и любовалась браслетом — свадебным подарком обеих сестер Екатерине Николаевне Гончаровой.

Сам Дантес бывал у Фризенгофов в имении под Веной, и, как я уже говорила, Александра Николаевна с удовлетворением написала в дневнике, что он встретился там с Натальей Николаевной, весь день гулял с ней по парку и они совершенно помирились. Она же всю жизнь хранила легенду о *grande et sublime passion* Дантеса к ее сестре.

1962

## НАБРОСКИ К ОКОНЧАНИЮ СТАТЬИ

### 1

- I. Библиотека Пушкина и Александра Гончарова.
- II. Портрет «дяди Жоржа» у Александрины.
- III. Чашка — подарок Ази. Бекеша.

### 2

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никакого культа Пушкина после его смерти в доме вдовы не было. Наоборот, Н. Н. было, по-видимому, тяжело все связанное с А. С. Но почему хозяйственная Александрина не проявила ни малейшей заботы о библиотеке и бекеше<sup>24</sup> (хотя бы для детей)?

Недавно мне довелось прочесть письма Александрины к брату Дмитрию<sup>25</sup>. В них, по правде сказать,

кроме упорных требований денег, ничего не содержится. Однако из 1-го следует, что Александрина выезжала в свет со своей сестрой Екатериной, а из 10-го — что она несомненно была в *bande joyeuse* и таким образом находилась под обаянием Дантеса, как все прочие. Имя Пушкина в этих письмах отсутствует, Ланскому — приветы. В общем, все как и должно быть.

## 3

К тому, что воспитанные Александринной мальчики Пушкина ездили в гости к Дантесу («*Oncle George a tué papa*» <«Дядя Жорж убил папу»>), а девочки переписывались со своими кузинами, что Александрина, живя в генеральском доме Ланских, не соблаговолила поберечь библиотеку поэта: оказывается, что в ее письмах к брату Пушкин вообще ни разу не упоминается, ни живой, ни мертвый, а о Ланском она что-то пишет (в связи с продажей его лошади).

## 4

В замке у Александрины в столовой до самой войны 1940 года висел портрет Дантеса<sup>26</sup>. Для меня лично этого было бы достаточно, чтобы доказать, что она никогда не любила Пушкина. Автор работы Раевский пытается объяснить отсутствие пушкинского портрета в доме его *belle soeur* <свояченицы> ревностью хозяина дома Фризенгофа. (Чувство, очевидно, унаследованное его дочерью, которой было, очевидно, объяснено, что мамаша занималась кровосмешением.) Не думаю, что было многим приличнее

повесить портреты обоих — и убийцы, и жертвы. Да и так ли было надо обвешиваться портретами родственников? Н. Н., например, никогда не имела портрета покойной сестры (в сущности, так трагически погибшей)<sup>27</sup>, потому что она никогда не могла ей простить победу над Дантесом.

Несомненно, этот портрет в столовой — это остаток того культа Дантеса, о котором я говорю в начале моей статьи, и он должен был напоминать хозяйке дома те «счастливые времена», когда красивый кавалергард всюду появлялся перед тремя восхищенными Гончаровыми (см. воспоминания Араповой)<sup>28</sup>.

1964—1965

## ПУШКИН И НЕВСКОЕ ВЗМОРЬЕ

В титовской повести «Уединенный домик на Васильевском» (1829)<sup>1</sup> поражает подробность описания северной оконечности Васильевского острова.

«Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива\*. По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редая, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова,—все погребено в седые сугробы, как будто в могилу».

Для южной стороны Васильевского острова, которую он ежедневно видит, автор не находит, однако, ни одного живого слова, а над северной, где вообще

\* Т. е. остров Голодай. Остров Голодай получил свое название не от слова «голод», а от английского слова Holiday <праздник>, потому что английские купцы ездили туда по воскресеньям.

Или чиновник посетит,  
Гуляя в лодке в воскресенье,  
Пустынный остров.

никогда никто не бывает, он почти плачет, угнетенный мрачным летним пейзажем, и представляет себе еще более унылый зимний, сравнивая его с могилой. Мы узнаем, что — направо, что — налево, ощущаем под ногой топкость почвы. Все это увидено не из окна кареты и даже не с дрожек. Автор так занят северной оконечностью Васильевского острова, что даже моря не замечает. Петербург для него вовсе не существует. От звона часов на Думе вздрагиваешь, как от неожиданности, потому что нет ни Невского, ни Гостиного двора, ни дворцов, ни набережных. К сюжету описание острова Голодая не имеет ровно никакого отношения, и ничто другое так подробно в повести не описано.

Б. В. Томашевский в книге «Пушкинский Петербург» сближает это место в повести с описанием Невского взморья в «Медном всаднике»<sup>2</sup>:

#### Остров малый

На взморье виден. Иногда  
Причалит с неводом туда  
Рыбак на ловле запоздалый  
И бедный ужин свой варит,  
Или чиновник посетит,  
Гуляя в лодке в воскресенье,  
Пустынный остров. Не взросло  
Там ни былинки. Наводнение  
Туда, играя, занесло  
Домишко ветхий. Над водою  
Остался он, как черный куст.  
Его прошедшею весною  
Свезли на барке. Был он пуст  
И весь разрушен. У порога  
Нашли безумца моего,  
И тут же хладный труп его  
Похоронили ради бога.

Сюда же, по нашему твердому убеждению, следует отнести и несколько загадочный отрывок 1830 года «Когда порой воспоминанье...»:

Когда порой воспоминанье  
Грызет мне сердце в тишине  
И отдаленное страданье  
Как тень опять бежит ко мне;  
Когда, людей повсюду видя,  
В пустыню скрыться я хочу,  
Их слабый глас возненавидя,—  
Тогда забывшись я лечу  
Не в светлый край, где небо блещет  
Неизъяснимой синевою,  
Где море теплою волной  
На пожелтый мрамор плещет,  
И лавр и темный кипарис  
На воле пышно разрослись,  
Где пел Торквато величавый,  
Где и теперь во мгле ночной  
Далече звонкою скалой  
Повторены пловца октавы.

*Стремлюсь привычную мечтою\**  
К студеным северным волнам.  
Меж белоглавой их толпою  
Открытый остров вижу там.  
Печальный остров — берег дикий  
Усеян зимнею брусникой,  
Увядшей тундрою покрыт  
И холодной пеною подмыт.  
Сюда порою приплывает  
Отважный северный рыбак,  
Здесь невод мокрый расстилает  
И свой разводит он очаг.  
Сюда погода волновая  
Заносит утлый мой челнок

3

.....  
(III, 243—244, 849—850)

\* *Привычную мечтою* указывает на то, что эта картина постоянно восставала перед Пушкиным.



В этом отрывке таинственно решительно все: и необычная для Пушкина порывистая обнаженная нетерпимость страдания (такой стон не характерен для зрелой пушкинской лирики, и его можно сравнить только с «Воспоминанием» 1828 года), и готовность в честь чего-то пожертвовать заветнейшей и любимейшей мечтой жизни — Италией, верней, мечтой об Италии, и подробность описания забытого богом и людьми уголка убогой северной природы, — и все это в трагических тонах, а не в порядке реалистической полноты жизни (как в «Путешествии Онегина»):

Иные нужны мне картины:  
 Люблю песчаный косогор,  
 Перед избушкой две рябины,  
 Калитку, сломанный забор...

.....  
 Фламандской школы пестрый сор!

Следует сравнить отрывок «Когда порой вспоминанье...» с первой главой «Онегина», где происходит нечто диаметрально противоположное. Можно даже предположить, что автор имел в виду воспользоваться опрокинутой композицией. Там Пушкин отрекается от Петербурга, белых ночей и т. п. в честь Италии:

Но слаще, средь ночных забав,  
 Напев Торкватовых октав!

К описанию Невы и белой ночи Пушкин берет как примечание большой кусок из «Рыбаков» Гнедича, где фигурируют «невские тундры» («...повеяла свежесть на невские тундры...»)⁴. Это же слово повторяется в отрывке 1830 года («Увядшей тундрию покрыт...»).

Петербург для Пушкина всегда — север\*. Когда он сочиняет стихи, то всегда как бы находится на каком-то отдаленном юге. Тем более «Отрывок» написан в Болдине (октябрь 1830 г.).

Что же произошло между первой главой «Онегина» (1823 г.), где поэт так изящно готов променять Петербург на Италию, и трагическим порывом (1830 г.), заставляющим его отказаться от этой заветной мечты?

И теперь нам точно неизвестно место погребения пяти казненных декабристов. Считается, что вдова Рылеева точно знала место могилы. Это — остров Голодай, т. е. северная оконечность Васильевского острова, отрезанная от всего массива острова узкой речкой Смоленкой. В николаевское царствование приходилось питаться более или менее достоверными слухами, которые неизбежно должны были возникнуть сразу после казни<sup>5</sup>.

Мысли о декабристах, т. е. об их судьбе и об их конце, неотступно преследовали Пушкина. Из его стихов следует, как он думал о тех из них, кто остался жив (см. переписку Пушкина, «Послание», «И в мрачных пропастьях земли»<sup>6</sup>). Теперь более подробно рассмотрим вопрос об его отношении к тем, кто погиб.

Первое упоминание находится в 6-й главе «Онегина» — немедленно после того, как Пушкин узнал об этом трагическом событии (т. е. 26 июля 1826 г.). 6-я глава окончена 10 августа 1826 года. Там имя Рылеева стоит рядом с именами Кутузова и Нельсона. Ленский мог быть «повешен, как Рылеев». Затем следуют рисунки виселиц — на черновиках «Полта-

\* См., например, о петербургских дамах: «О жены Севера».

вы» (1828 г.), в книжке «Айвенго» Вальтер Скотта, подаренной Пушкиным у Полторацких Ал. Ал. Раменскому (вместе с цитатой из Десятой главы «Онегина») 8 марта 1829 года<sup>7</sup>. Словами «Иных уж нет, а те далече» кончается «Онегин» (1830 г.). Пушкину не надо было их вспоминать: он просто их не забывал, ни живых, ни мертвых<sup>8</sup>.

Я не допускаю мысли, чтоб место их погребения было для него безразлично.

Из воспоминаний И. П. Липранди мы знаем, как Пушкин разыскивал могилу Мазепы и расспрашивал о ней 135-летнего казака Искру, который «не мог указать ему желаемую могилу или место». Пушкин «не отставал... спрашивал, нет ли еще таких же стариков, как он»<sup>9</sup>. А из текста «Полтавы» мы знаем, как он жалеет, что не нашел ее («И тщетно там пришлец унылый Искрал бы гетманской могилы»). <Пушкин> говорит о могиле Наполеона на острове Св. Елены и о могиле Кутузова в Казанском соборе. Что же касается могил казненных Кочубея и Искры, то по этому поводу придется еще раз вспомнить, что Пушкин систематически ставил Николаю I в пример его великого прадеда Петра I. Каждый читатель может с легкостью вспомнить: «Во всем будь пращурю подобен» («Стансы», 1826 г.). И вот что мы читаем в пушкинском примечании к «Полтаве»: «Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

„<...> Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь Обозу Войскового за Белою Церковию на Борщаговце и Ковшевом, благородный Василий Кочубей, судия генеральный; Иоанн Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того ж дня в обители святой Печерской на сем месте погребены“».

Этим Пушкин, несомненно, горько попрекает Николая I, который не только не вернул родным тела казненных декабристов, но велел закопать их на каком-то пустыре.

А там, т. е. в «Полтаве»:

Но сохранилася могила,  
Где двух страдальцев прах почил:  
Меж древних праведных могил  
Их мирно церковь приютила\*.

И это в «Полтаве», черновики которой испещрены рисунками повешенных. Пушкин нарочно приводит точные данные, когда тела были возвращены родным, чтобы еще раз напомнить царю, как в подобных случаях принято поступать: «Их мирно церковь приютила». И не только церковь как таковая, а центр православия и величайшая святыня России, чтобы поклониться которой сотни тысяч людей ежегодно проходили не одну сотню верст. Напоминаю, что Пушкин говорит о телах только что казненных государственных преступников.

И это пишет поэт, который через два года и, кстати сказать, просто рядом с отрывком «Когда порой воспоминанье...» утвердит культ могил в словах величавых и, как всегда у этого автора, не подлежащих отмене:

Два чувства дивно близки нам,  
В них обретает сердце пищу\*\*.  
Любовь к родному пепелищу,  
Любовь к отеческим гробам,

\* Не забывает Пушкин и о дубах, «друзьями насажденных»:

Они о праотцах казненных  
Доньше звукам говорят.

Это Пушкин напоминает «нынешним» Кочубеям, что им не мешало бы гордиться так страшно погибшим предком.

\*\* См. в черновике: «Находит сердце тайну пищу».

*Животворящая святыня!*  
 Земля была б без них мертва  
 Как пустыня  
 И как алтарь без божества.

(1830)

Н. В. Измайлов, отмечая отношение Пушкина к кладбищам, говорит только о родовых приусадебных могилах<sup>10</sup> (тут можно еще прибавить «Дорожные жалобы»: «Не в наследственной берлоге, Не средь отческих могил...»).

Это, конечно, правильно. Но когда Татьяна говорит, что готова отдать все за

смирное кладбище,  
 Где нынче крест и тень ветвей  
 Над бедной нянею моей...\* —

а Дуня приезжает на могилу станционного смотрителя, а Марья Ивановна перед отъездом из крепости идет проститься с могилами родителей, похороненных у церкви (жертв Пугачева?!), — это уже не родовые могилы<sup>11</sup>. Здесь Пушкин щедро отдает свои сокровеннейшие чувства и мысли своим избранникам.

Пушкин полностью разделяет высокое верование античности (см. Софокл, «Эдип в Колоне») о том, что могила праведника — сокровище страны и благословение богов<sup>12</sup>.

Из того же загадочного отрывка «Когда порой воспоминанье...» мы узнаем, что Пушкин бежит от разговоров, связанных с чем-то очень ему дорогим,

\* Она, Татьяна, как раз вспоминает не родовую могилу отца («Дмитрий Ларин — Господний раб и бригадир»), а смиренный крест няни. Может быть, сам автор вздохнул о своей Арине Родионовне, которую похоронили на Охтинском кладбище, как кухарку в «Домяке в Коломне» («И гроб на Охту отвезли»).

См. также таинственную запись 1829 г.: «Я посетил твою могилу, — но там тесно: les morts m'en distraient...» (мертвые рассеивают мое внимание...) <III, 477>.

о чем люди говорят недолжным образом. Что это не что-то личное, показывает слово «свет»\*, т. е. общество, потому что в свете личные дела в присутствии участника этих дел не обсуждались. Поэт готов бежать, но не куда глаза глядят и даже не в свою обожаемую Италию, а на какой-то покрытый тайгой северный островок, точь-в-точь похожий на тот, где он закопает «ради бога» через три года своего Евгения Езерского.

В дошедших до нас строфах Десятой главы «Евгения Онегина» идет речь о декабристских делах — даны характеристики участников движения. Органичны для «Онегина» переходы, переключения из плана в план: ирония сопровождает Ленского почти до последнего часа его жизни, но Пушкин с невероятной силой и скорбью оплакивает его и возвращается к этому в 7-й главе. В не вошедшей в 6-ю главу (1826 г.) строфе он представляет его как возможного участника восстания на Сенатской площади: «Иль быть повешен, как Рылеев». И можно быть уверенными, что и их могилы не остались там забытыми.

В своих мемуарах барон Розен пишет, как он ездил по взморью, чтобы найти могилы пяти казненных друзей<sup>13</sup>. Скорбный интерес, который проявляет к этому месту Пушкин, трижды описывая его («Домик», 1828, отрывок «Когда порой воспоминанье...», 1830, и «Медный всадник»), позволяет нам предположить, что и он искал безымянную могилу на Невском взморье<sup>14</sup>.

\*. См. черновики, где слово «свет» написано три раза. Какие разговоры о декабристах можно было услышать в свете, мы знаем хотя бы по «бессмертному» высказыванию царицы лучшего петербургского салона гр. Нессельроде: «Какое несчастье иметь такого человека в своей семье».

Что перемаранный черновик может оказаться строфой «Онегина», мы знаем по тому случаю, когда «Женись.— На ком?..» считалось отдельным стихотворением, пока Т. Г. Цявловская (Зенгер) не догадалась, что это строфа из «Онегина»<sup>15</sup>. Такой же строфой, уже почти готовой, являются и следующие строки «Отрывка»:

Стремлюсь привычною мечтою	(ж.)
К студеным северным волнам.	(м.)
Меж белоглавой их толпою	(ж.)
Открытый остров вижу там.	(м.)
Печальный остров—берег дикий	(ж.)
Усеян зимнею брусникой,	(ж.)
Увядшей тундрю покрыт	(м.)
И холодной пеною подмыт.	(м.)

Надеюсь, спорить, что этот фрагмент написан по всем правилам онегинской строфы, никто не станет. В последнем четверостишии вместо онегинской охватной рифмы (abba) имеем опять перекрестную (abab). Но ведь это перечерченный черновик, и, что Пушкин сделал из него потом, мы не знаем. В начале отрывок просто совсем необработан, и в него к тому же вставлено готовое стихотворение 1827 года («Кто знает край...»).

Над виселицами на черновиках «Полтавы» Пушкин пишет: «И я бы мог как шут», а в стихах к Ушаковой— «Вы ж вздохнете ль обо мне, если буду я повешен?» (1827 г.)\*, как бы присоединяя себя к жертвам 14 декабря. А безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти его собственной могилой: туда «погода волновая заносит утлый мой челнок»<sup>16</sup>.

23 января 1963

Москва

\* А через два года Полторацкой:

Когда помилует нас бог,  
Когда не буду я повешен.

# ЗАМЕТКИ





# «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

Дополнения 1958—1959 годов  
и заметки для новой редакции

## 1

Головокружительная краткость, о которой я говорила в начале этой статьи, очень характерна для Пушкина. В 1829 году («Роман в письмах») он писал: «Я и в Вальтер Скотте нахожу лишние страницы». Это стремление к краткости очень сильно сказалось и в «Маленьких трагедиях», в частности в «Каменном госте»\*. Эта маленькая трагедия подразумевает очень большую предысторию, которая благодаря чудесному умению автора уместается в нескольких строках, там и сям вкрапленных в текст. Этот прием в русской литературе великолепно и неповторимо развил Достоевский в своих романах-трагедиях: в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке. Таковы «Бесы», «Идиот» и даже «Братья Карамазо-

\* В сущности, в «Каменном госте» трагедия начинается, когда падает занавес, так же как в «Моцарте и Сальери» с сомнений Сальери, имел ли он право убить Моцарта (гений и злодейство), или

не был

Убийцею создатель Ватикана?

До тех пор Сальери совершенно уверен в своей правоте, и никакой трагедии нет.

30 июля 1958

вы». Все уже случилось где-то там, за границами данного произведения: любовь, ненависть, предательство, дружба. Таков же и «Каменный гость» Пушкина: буйная столичная жизнь молодого гранда, его трагический роман с мельничихой, ссылка и продолжение любовных походов в стране, где «небо... точный дым», вся биография Доны Анны, ее великолепное испанское вдовство, своей суровостью изумляющее даже монаха, и т. д.

И не случайно, конечно, появляются «лавры и лимоны» «Дядюшкиного сна» при описании пародийной Испании в самом начале творческого пути Достоевского, а в своей предсмертной (1880 г.) речи о Пушкине Достоевский называет «Каменного гостя» как образец и доказательство всемирности Пушкина и как одно из величайших произведений<sup>1</sup>.

## 2

В какой-то мере все первые персонажи маленьких трагедий Пушкина чем-то похожи друг на друга. Гуан, Моцарт и Альбер — это один и тот же человек в разных костюмах и в разных положениях. Они веселы, добры, беспечны, благородны.. но Моцарт, кроме того, одарен несравненным талантом.

## 3

На примере того, как Пушкин изображает Дону Анну, можно еще раз изумиться, с каким искусством он отделяет свое к ней отношение (авторский голос\*) от отношения к ней Дон Гуана, что,

\* Авторский голос я слышу в данном случае скорее всего в реплике Лепорелло:

О вдовы, все вы таковы.

казалось бы, в этом жанре почти невозможно. Для Дон Гуана—Дона Анна ангел\* и спасение, для Пушкина—это очень кокетливая, любопытная, малодушная женщина и ханжа. NB. Типичная католическая дэвотка под стать Каролине Собаньской<sup>3</sup>:

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Пушкин не прощает ей посмертной измены Командору, который был безупречен по отношению к ней и даже

Не принял бы к себе влюбленной дамы,  
Когда б он овдовел.

(Снова та же тема.)

Мы даже не знаем ее судьбу—умерла она или упала в обморок, это совершенно неважно, ведь это не Татьяна, не Русалка, которых надо возвеличить, а нечто вроде Ольги Лариной.

Насколько она противна автору, явствует из сравнения тона, каким он говорит о двух других женщинах. От Лауры автор в восторге—ей все разрешено, вплоть до любовного свидания при трупе убитого из-за нее Дона Карлоса; так и

\* ... И мнится...

Гробницу эту ангел посетил...

По этому поводу надо заметить следующее. Едва ли черноволосая женщина, с ног до головы укутанная в траурные вуали, похожа на ангела, который всегда должен быть белым, светлым, лучезарным. Предлагаю такую разгадку. В английском «Пире» (The City of the Plague)<sup>2</sup> центральная героиня, отсутствующая в пушкинском «Пире»—Магдалена,—всегда в белом платье, о чем до назойливости часто говорит автор. И когда она на могиле—ее сравнивают с ангелом:

Ты на коленях, в белом,—вся как дух...

(с. 44)

Ты на коленях ангелу подобна.

Ты моляшься—и даже я надеюсь...

(с. 45)

«Вы черные власы на мрамор бледный»—ср. «Дон Жуан» Байрона о султанше в V песне.

кажется, что автор сам готов тешить ее серенадами и убивать соперников на перекрестках. Она — в сиянии бессмертного искусства. Это — юность Пушкина, это — музыка.

Из наслаждений жизни  
Одной любви музыка уступает...

Она — «милый демон». (Замечу вскользь, что Демон — было прозвище Собаньской и так называл ее Пушкин в письме от 2 февраля 1830 г.)

## 4

Еще замечательнее отношение автора к Инезе (по донжуанской традиции Церлина — крестьяночка лукавая и простоватая, невеста такого же простачка Мазетто), и, хотя Гуан говорит о ней вскользь, всего один раз, и как бы случайно, и как бы только в связи с местом, на котором неожиданно оказался, т. е. чуть ли не на ее могиле, — какие слезы отчаяния и раскаяния проливает над ней автор:

Муж у нее был негодяй суровый,  
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

И таких глаз он, Гуан, уже не видел никогда больше в жизни. И от нее расходятся стрелки ко всем покаянным стихам Пушкина («Черты далекой бедной девы», «Русалка») (см. статью Берковского)<sup>4</sup>.

## 5

Еще одно могло попасть в «Каменного гостя» из «Города Чумы». Кто-то говорит о прячущем свое лицо Незнакомце (с. 158) — преступнике:

В тряпье до глаз и в шляпе до бровей  
Широкополой...

Ср. в «Каменном госте» о скрывающемся Дон Гуане:

Усы плащом закрыв, а брови шляпой...  
Испанский гранд, как вор...

6

*В конце III главы*

Очевидно, получив согласие родителей невесты на брак, Пушкин понял, что попал в совершенно безвыходное положение. При этом мы вправе ждать стихов от лирического поэта на так мучившую его тему. Однако таких стихов нет\*.

Зато к вопросу о счастье при самых невероятно неблагоприятных обстоятельствах, когда уже ни на что ни рассчитывать, ни надеяться нельзя, Пушкин подходит в другом жанре — в прозаической повести. Этим, по моему твердому убеждению, объясняются все *happy end*'ы или, вернее, «игрушечные развязки» «Повестей Белкина».

Созданные в дни горчайших размышлений и колебаний\*\*, они представляют собой удивительный

\* Кроме элегии «Безумных лет...», где счастливый жених пишет 8 сентября 1830 г.:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе  
Грядущего волнуемое море,—

и только в конце смеет надеяться, что

И может быть — на мой закат печальный  
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

\*\* Кроме того, сравнительно недавно напечатанные письма кн. П. А. Вяземского к жене сообщают довольно неожиданные подробности пушкинского сватовства 1830 г. Князь очень долго не верит слухам об этом событии; наконец, уверившись, восклицает: «Как можно, любя одну женщину, свататься к другой». Княгиня Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает ее муж под первой женщиной. Но мы очень далеки от этого понимания. Привожу эту (еще не вошедшую в обиход) цитату<sup>3</sup> только для того, чтобы показать, как сложна была психологическая обстановка

психологический памятник. Автор словно подсказывает судьбе, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и едва ли полюбит. Об этом Пушкин прямо написал несколько раньше (12 мая 1830 г.): «Я никогда не хлопотал о счастье—я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих—а где мне взять его». Автобиографичность этого отрывка («Участь моя решена. Я женюсь...») Пушкин задумал скрыть под заголовком «С французского», но, по всей вероятности, тут же отказался от этой мысли\*.

Автор поэм со страшными и кровавыми развязками («Цыганы», «Полтава») и якобы жизнерадостного романа («Евгений Онегин»), где герой и героиня остаются с непоправимо растерзанными сердцами, внезапно с необычным тщанием занимается спасением всех героев «Повестей Белкина».

Тут же я должна оговориться. Образ обиженного «маленького человека»—родоначальника стольких несчастных героев, трогательного и величественного в своем горе,—не должен все же заставить нас забыть о «благополучной развязке» повести «Станционный смотритель». К тому же сам Вырин погибает именно потому, что он не верит в возможность этой счастливой развязки.

Счастливые концы вовсе не характерны для про-

1830 г. и как неизбежно Пушкин должен был, создавая своего Гуана, обращаться к собственной биографии.

1957, ноябрь

Москва<sup>6</sup>

\* Отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» был напечатан только после смерти Пушкина.

зы Пушкина. Нет ничего более траурно-мрачного и фатально-торжественного, чем развязка «Пиковой дамы»\* (сумасшедший дом Германна, немилый брак Лизы и будущая мученица — девочка-воспитанница). Итак, дело не в прозе<sup>7</sup>, а в том, как глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью, свое своеобразное заклинание судьбы, и в этом кроется мысль: так люди не найдут, не будут обсуждать, что невыносимо (см. «Ответ анониму»). Спрятать в ящик с двойным, нет, с тройным дном: 1) А. П. 2) Белкин. 3) Один из повествователей. Так вернее. И пусть это будет тихая нестилизованная провинция, которую всегда так любил и так хорошо знал Пушкин. Тихая пристань!

И пусть это будет совсем как в жизни (проблема правдоподобия). Все детали, которые он выписывает с необычным стараньем и *con amore* < любовью > (вплоть до полосатого бланманже — «Барышня-крестьянка»), должны убедить читателя, что иначе и быть не может, что все это в высокой степени достоверно. От этого, естественно, возникает забота о языке: говор девичьей («Барышня-крестьянка»), почтовой станции («Станционный смотритель»), мещан-ремесленников («Гробовщик»), захоластных офицеров («Выстрел»), мелких помещиков («Метель»), — при этом изысканные эпитафии — Жуковский, Вяземский, Фонвизин, Марлинский, Державин — все русские...

Пушкин, наверно, не хуже нас знал, как кончалась любовь барчука к крепостной девке (Ольга Калашникова)<sup>8</sup>, знал, что Дуня, несомненно, должна

\* Еще ужаснее сюжет «Марин Шонинг», который Пушкин до конца записывает по-французски (1834 г.). Там публичная смертная казнь героини, обвинившей себя в детоубийстве.



была мести мостовую «с голью кабацкой» (полицейское наказание проституток) и что героине «Метели», обвенчанной неведомо с кем, предстояло влачить одинокие дни.

Простейший случай («Гробовщик»), когда все ужасы оказываются сном.

Несколько выбивается «Выстрел», где развязка псевдоблагополучная, потому что Пушкин приводит к ней своего героя через страх и срам, но почему он так поступает — объяснено до конца выше сравнением со стихами «Каменного гостя», в которых совершенно совпадает взгляд на ценность жизни<sup>9</sup>.

1957. Весна  
Москва

## 7

### *В заключение*

А то, что в «Каменном госте» Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном, <это> явление совсем другого порядка, что, как я надеюсь, доказано в этой статье.

## 8

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Каменный гость» важен еще тем, что он показывает Пушкина родоначальником великой русской литературы XIX века, как моралиста. Это — столбовая дорога русской литературы, по которой шли и Толстой и Достоевский. «Нет правды на земле!» — Дона Анна свободна выбрать нового мужа. Командор не отомщен, брошенная девушка утопилась

(«Русалка»), героиня «Метели» обречена остаться одинокой, убежавшая с гвардейцем дочь станционного зрителя стала проституткой. Нет, нет, нет! Пушкин бросает Онегина к ногам Татьяны, как князя к ногам дочери мельника. У Пушкина женщина всегда права—слабый всегда прав. Пушкин видит и знает, что делается вокруг,—он не хочет этого. Он не согласен, он протестует—и борется всеми доступными ему средствами со страшной неправдой. Он требует высшей и единственной Правды. И тут Пушкин выступает (пора уже произнести это слово) как моралист, достигая своих целей не прямым морализированием в лоб, с которым, как мы только что доказали, Пушкин вел непримиримую войну, а средствами искусства.

9

С другой стороны, моя работа помогает установить до сих пор не уловленные комплексы Пушкина: боязнь счастья, т. е. потери его (т. е. неслыханного жизнелюбия), и загробной ревности-загробной верности (примеры: Ленский, Командор, Ксения Годунова, Дона Анна).

Однако гораздо существеннее всего этого, что после работы Берковского оказывается, что мы (совершенно независимо друг от друга) каким-то образом и различными методами пришли к сходному выводу. Так можно решить задачу и арифметическим и алгебраическим способом. То, что говорит Берковский о «Русалке», я говорю о «Каменном госте». (И еще, как я знаю, это можно и должно сказать о «Повестях Белкина».) Корень, очевидно, в жадной и неистребимой жажде Пушкина *Истины*.

(справедливости), самой высокой и самой сокровенной. Поэтому он отдает князя *во власть* погубленной им девушки, Дон Гуана *во власть* убитого им Командора. И так как ни то, ни другое не может случиться естественным образом, то в первом случае он пользуется фольклором, во втором легендой о <El Burlador de Sevilla <Севильский озорник><sup>10</sup>, и «бедная Инеза» оказывается мостиком, связавшим оба эти произведения, и дело не в том, что она дочь или жена мельника (мельница могла быть и ветряной из «Дон Кихота»...).

## 10

*В статью*

## I

Строго говоря, Пушкин в «Каменном госте» сделал для своего героя то же, что Гёте сделал для народного мифа — «Фауст» и Байрон для своего Фауста — «Манфреда». Во всех трех случаях «миф» (комплекс моральных черт) получает некую реальную биографию, кроме контрастного слуги, который находится во всех мифах.

Байрон совершенно явственно приближает Манфреда к своему постоянному герою, т. е. к себе (напр., воспоминание об Астарте).

Полагаю, что и Гёте уступил своему герою большую часть своей души и биографии (напр., всю линию Гретхен, естественно, отсутствующую в мифе, где Фауст просто развратник и некромант, любовник призрака Елены Троянской).

II

Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет скорость станет идолом человечества. Очевидно, она ею всегда была (см. миф о Фаусте, его постоянные полеты и мгновенные возвращения).

# БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

(8-я глава «Онегина»)

## 1

...Среди произведений Пушкина, осуществленных осенью 1830 года в Болдине, почетное место занимает 8-я (последняя) глава романа «Евгений Онегин». Написана она в сентябре (окончена 25-го)<sup>1</sup>. Первоначальный замысел начальных строф был иной, они были замыслены как своеобразная автобиография. Довольно подробно излагалось лицейское детство и начало юности поэта, зарождение поэтического дара\* и затем об отношениях с другими поэтами. На первый взгляд кажется, что это может быть подражанием знаменитому посланию Попа к доктору Арбунтноту, которого Пушкин не мог не знать по переводу Дмитриева, где встречается строка:

В отважном мальчике грядущего поэта\*\*.

Строка эта замечательна тем, что ею обозначили Вяземский и Ал. Тургенев (см. Остафьевский архив) отношение Карамзина к самому Пушкину на заре его поэтической деятельности. Ср. также «И Дмитрев не был наш хули-тель» (Пушкин) с Попом — Дмитриевым:

Конгрев меня хвалил, *Свифт не был мой хулитель*;  
И Болинброк, сей муж, достойный вечных хвал,

\* Здесь о воспоминаниях лицейского детства и юности — отсюда стрелка к стихотворению «Паж».

\*\* «Послание от Английского стихотворца Попа к доктору Арбунтноту», сочинения Дмитриева, 1823. Одной мысли, что его могут назвать подражателем Дмитриева, к которому Пушкин относился весьма иронически, было достаточно, чтобы отбросить строки о поэтах. И Пушкин круто оборвал на Державине.

Друг старца Драйдена, с восторгом обнимал  
В отважном мальчишке грядущего поэта.

(«Послание от Английского стихотворца Попа  
к доктору Арбутноту»)

У Пушкина все довольно близко к этому тексту, но дело в том, что классик Поп, в свою очередь, заимствовал этот кусок у Овидия, из знаменитейшей элегии (кн. IV, элегия X), которую так и называют автобиографией Овидия, изучение которой входило в курс всех классических учебных заведений, в частности Лицея. Что Пушкин восходит к Овидию (хотя он не мог не знать и Попа — Дмитриева), доказывает тем, что он после и перед поэтами рассказывает о том, как стал воспевать свою возлюбленную, и <нрзб.> между тем Поп рассказывает, как он сначала писал невинные идиллии:

Цветочки, ручеек, журчащий средь долины,  
Обидны ли кому столь милые картины...

Но еще убедительнее то, что в пушкинском тексте находится еще никем не отмеченная цитата из Овидия:

И стриг над губой первый пух...

4 февраля 1959  
Ленинград

...Известно, как любил сосланный в Бессарабию Пушкин уподоблять свою судьбу судьбе Овидия (цитата) <«Как ты, враждующей покорствуя

судьбе, Не славой, участью я равен был тебе. Здесь, лирой северной пустыни оглашая, Скитался...». „К Овидию“, 1821>, как группировал вокруг этого имени политические иносказания («Август смотрит сентябрем»)<sup>2</sup>, как о нем, одном из античных поэтов, пишет в своих исторических записках. Но одна подробность ускользнула от внимания исследователей.

В отброшенной автобиографии 8-й главы «Онегина» Пушкина есть почти дословная цитата из Овидия. У Овидия она находится в той же X элегии. Сразу после перечисления поэтов (Горация, Вергилия и др.) Овидий рассказывает, что, когда он впервые публично читал свои стихи, он едва ли дважды сбрил бороду:

...populo juvenalia lege  
Barba resecta mihi bisque semelae fuit.

Это сопоставление, кроме того, объясняет, что Пушкин хотел сказать следующими стихами:

*Когда б в забвеньи перед классом  
Порой терял и взор и слух  
И говорить старался басом  
И струг над губой первый пух...\**

<VI,  
619—620>

Вслед за этими стихами Овидий повествует, что он начал воспевать Делию, а Пушкин — безымянную деву.

\* То, что в Риме бритье бороды имело религиозный характер, не имеет в данном случае никакого значения. NB. «Паж» — 7 октября:

...уж над губой  
Могу свой ус я защипнуть...

От всего этого у Пушкина в окончательном тексте остался только «Старик Державин...» и в «Путешествии Онегина» воспоминание о том, что Вл. Ф. Раевский когда-то назвал его, Пушкина, певцом Кавказа\*. К этому же ряду *hommage*'ей <дань уважения> товарищам-поэтам относится и стих:

*Там пел Мицкевич вдохновенный...*

*Там*—(в Крыму) в Тавриде. Пушкин имеет в виду знаменитые «Крымские сонеты» Мицкевича, посвященные Д. Д., т. е. Каролине Собаньской, в которую Пушкин был влюблен в зиму 29—30 года, т. е. во время создания «Путешествия Онегина».

Однако в «Путешествии Онегина», вероятно как *hommage* мэтрам, есть и державинская строка (о Кавказе)<sup>3</sup>, и дмитриевская (о Волге)<sup>4</sup>, и карамзинские «грозные Иоанны»<sup>5</sup>.

Свою биографию Пушкин рассказывает через разные образы музы, которую он приводит наконец на петербургский раут.

Биографическая часть кончена—начинается повествование. Появляется Онегин.

Следует сатирическое описание света\*\*. Байроновский прием: «There was...» и «There were...»—«Тут был...», «Тут были...»<sup>6</sup>. Это итоги трех петербургских сезонов 27—28, 28—29, 29—30 годов (до 4 марта ст. стиля).

\* И зрел я, слабый твой певец,  
Казбека царственный венец.  
(«Путешествие Онегина»,  
варианты XII строфы)  
Тебе сей лавр, певцу Кавказа.  
(В. Ф. Раевский—Пушкину)

\*\* Свет фигурирует дважды с разных точек зрения: 1) То, что я называю «раут у Д. Фикельмон» (весьма почтительно). 2) Бал у Татьяны (сатирически—«There were»).



## 3

Главу эту <8-ю> писал Пушкин (1830 г.) — жених Н. Н. Гончаровой. Оттуда мы узнаем, что блажен тот, кто

*...в тридцать выгодно женат,*

но беда тому, кто похож на целый ряд «отрицательных» героев, и в частности на *белокурого мизантропа*, т. е. Адольфа Констана<sup>7</sup>. Связь произведений Пушкина с этим романом Бенжамена Констана давно привлекала внимание исследователей (Дашкевич). Ей посвящена и моя работа 1936 года (Пушк<инский> временник. № 1). Сейчас нам предстоит обратиться к ней с совершенно неожиданной стороны. Дело в том, что 2 февраля 1830 года в Петербурге Пушкин написал *единственное* дошедшее до нас любовное письмо. Долгое время почти не поддающийся расшифровке черновик считался наброском к какому-то произведению Пушкина. Однако вскоре после того, как Т. Г. Зенгер (Цявловская) прочла это письмо и установила, что оно обращено к Каролине Собаньской<sup>8</sup>, всплыл целый ряд документов (письмо Пушкина к А. Н. Раевскому 15—22 октября 1823 г., Одесса), где он пишет, что влюблен в Собаньскую<sup>9</sup>, воспоминанья друга Мицкевича о том, как в 28 году оба поэта-соперника бывали у Каролины<sup>10</sup>, альбом Собаньской, куда на ее просьбу написать свое имя Пушкин вписал 5 января 1830 года стихотворение «Что в имени тебе моем?»<sup>11</sup>, и, наконец, записка самой дамы<sup>12</sup>, на которую Пушкин и ответил этим невероятным письмом. И что же? — Обращаясь

к Собаньской, Пушкин пишет: «Chère Ellenore, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rapelle et les lectures brûlantes de mes jeunes années et le doux fantôme qui me séduisait alors, et votre propre existence si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être» <«Дорогая Элеонора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть»>.

Письмо от 2 февраля 1830 года в эпистолярном наследии — единственное в своем роде. Письма к невесте рассчитаны на то, что их будет читать Наталья Ивановна, письма к Керн какие-то слишком галантные, довольно дерзкие и свидетельствуют главным образом о полном отсутствии уважения к адресатке. Остальные дамы, очевидно, уничтожили письма Пушкина.

Упоминание об Адольфе в письме от 2 февраля весьма многозначительно. Им Собаньская-Элеонора отсылается к тексту романа, где может узнать все, что испытывает автор письма, как он мечется, тоскует, в каком он отчаянии. И все это затем из «Адольфа» переносится в 8-ю главу «Онегина».

Пушкин делает это, не повредив нигде священный для него образ Татьяны («мой верный идеал»). В одном лишь месте, по моему разумению, образовалась крошечная трещинка. Едва ли нужно и можно сказать Татьяне:

Какому злобному веселью,  
Быть может, повод подаю.

Это, конечно, из письма от 2 февраля: «Il y a en vous une ironie, une malice...», «un être... malfaisant» — «в вас есть ирония, лукавство...», «зловредное существо» — это уже совершенно оглушительно в любовном письме. А у Татьяны этого не было («Vous êtes le demon» <«Вы — демон»> Пушкин — Собаньской, а Карлос в «Каменном госте» говорит Лауре: «Милый Демон!»).

Судя по записочке Каролины Собаньской, которая, видимо, и вызвала это безумное пламенное посланье, она (Каролина) сохраняла весьма холодный, учтивый и светский тон, и человек, прочитавший ее записку, меньше всего мог бы себе представить, что на нее будет отвечено таким образом.

## 4

«Et cependant vous êtes toujours aussi belle <...>

Mais vous allez vous faner; cette beauté va pencher tout à l'heure comme une avalanche» <«А вы между тем по-прежнему прекрасны <...> Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз, как лавина»> — из письма 2 февраля 1830 года.

Ты молода... и будешь молода

Еще лет пять иль шесть...

(«Каменный гость».

Сцена II. Дон Карлос — Лауре)

## 5

У Собаньской был прекрасный голос — она чудесно пела и имела прозвище — демон. Демоном называет Собаньскую и Пушкин: «Vous êtes le demon» <«Вы — демон»>. Напомню, что Дон Карлос говорит волшебной певице Латуре — «Милый Демон!»\*. Обращение не такое уже банальное, как, например: «мой ангел», как называли все всех. Надо сказать, что Дон Карлос и дальше повторяет то, что Пушкин пишет о красоте, которая исчезнет.

Эти три совпадения — 1) демон, 2) музыка, 3) красота, которая исчезнет (*va rencher comme une avalanche*), — позволяют нам утверждать, что и здесь Пушкин восходит к собственному опыту прошлой зимы, а возможно, и 28-го года, когда он встречался с Собаньской.

Полагаю, что цитата из альбома Шимановской здесь не совсем у места — ведь гости слушали *пенье*, а не музыку<sup>13</sup>. Едва ли Лаура так ослепительно аккомпанировала себе на гитаре (и гость к тому же заинтересовался текстом песни: «А чьи слова?», а не композитором...). Да и не за это ее хвалят гости (цитата) <«...Никогда с таким ты совершенством не играла, Как роль свою ты верно поняла!» и т. д.>.

В письме от 2 февраля Пушкин говорит то, что мы читаем в выпущенной строфе Онегина (6-я глава, строфа XVI):

\* Здесь отчего-то Демон с большой буквы, как собственное имя (так же, как в 8-й гл.: «И даже Демоном моим», т. е. Ал. Раевским), а когда Дона Анна говорит Гуану: «Вы сущий демон» — то с маленькой буквы...

...о ты, которой  
Я в бурях жизни молодой  
Обязан опытом ужасным...

(Но здесь Пушкин объясняет, что обращается к мертвой.) «C'est à vous que je dois avoir connu tout ce que l'ivresse de l'amour a de plus convulsif et de plus douloureux comme tout ce qu'elle a de plus stupide» <«Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего»>.

## 6

Не только, как указывает Зенгер, письмо Онегина совпадает с письмом от 2 февраля\*, в самой 8-й главе находятся текстуальные совпадения, которые всего больше напоминают перевод. Ключ — «в тоске безумных сожалений» (le regret). Затем — «а счастье было так возможно» в устах героини, описание Онегина, ставшего вдруг неловким, и т. д. Вообще, надо сказать, что Пушкин осенью 1830 года написал почти одновременно два произведения на тему о влюбившемся по-настоящему Дон-Жуане: 1) «Каменный гость», 2) 8-я глава «Онегина» (в начале романа Онегин, конечно, законченный Дон Жуан).

И в том и в другом случае это ничем хорошим не кончается. Это может означать только одно. Пуш-

\* <Но> именно в письме Онегина — маленькая трещинка — ирония Татьяны. Почти все это письмо (кроме сафической перевернутой<sup>16</sup> <строфы> «Heureux qui près de toi» <«счастлив, кто подле тебя»>.) представляет собою цитаты из «Адольфа» (см. мою статью 1936 г.).

кин считал себя впервые влюбленным по-настоящему. Для осуществления своей задачи Пушкин воспользовался антибайроновским героем Адольфом (три цитаты совпадают). Поэтому Гуан похож на Онегина—вернее, оба они похожи на Адольфа, т. е. на Пушкина. В 8-й главе Пушкин сливается с Онегиным (развить). Он отдает ему свои воспоминания (см. статью И. М. Семенко)<sup>15</sup>.

Гуан говорит: «Я счастлив, как ребенок!», ср. «Евгений... как дитя влюблен...».

«Адольф»

Je n'espère rien, je ne demande rien,  
je ne veux que vous voir; mais je  
doit vous voir s'il faut que je vive\*.

«Онегин»

«Каменный гость»

Я знаю, век уж мой измерен,	Я ничего не требую, но видеть
Но чтоб продлилась жизнь моя,	Вас должен я, когда уже
Я утром должен быть уверен,	на жизнь
Что с вами днем увижусь я...	Я осужден.

Адольф начинается в 8-й главе с «белокурого сумасброда», оставшегося в черновике<sup>16</sup>. Рядом с ним фигурирует Ал. Раевский (Satan son maître) <Его повелитель—сатана><sup>17</sup>—«Демоном моим» и Мельмотом<sup>18</sup>. Все это связано с Собаньской (см. одесское письмо к Ал. Раевскому). В своих письмах этого времени Пушкин почти с отчаяньем долго и подробно говорит о женитьбе и вдруг вспоминает, что существует некто... Онегин... «вновь займусь им» (тут же он словно впервые замечает, что Онегин холост: «...без жены, без дел...»). Но

\* Я ни на что не надеюсь, я ни о чем не прошу, хочу только вас видеть; но мне необходимо вас видеть, если я должен жить.

вместо того дает картину света — петербургские впечатления 27—30 годов, и дальше Пушкин пишет о Татьяне: «В сей величавой, в сей небрежной», и тогда же в стихотворении «Паж»: «Вчера она мне величаво» — с оттенком иронии. Вспоминается, что в 1824 году В. Ф. Вяземская в письмах из Одессы писала мужу, что Пушкин настоящий *Керубино*<sup>19</sup>, что она его так называет (и в то время он был влюблен в Собаньскую). В «покаянную» болдинскую осень, вспоминая все и всех, Пушкин мог и это вспомнить (окруженный собственными стихами, которые просто кричат о его страсти). К тому же в этом стихотворении дама, которая величаво клянется дать ему из ревности яду, названа *Варшавской графиней* (см. черновик)<sup>20</sup>, т. е. попросту полькой\*.

Ничему из сказанного не противоречит, что стихотворение это <«Паж»> близко к стихотворению Мюссе «L'Andalouse»\*\* <«Андалузка»>.

«И цвет ланит ее так темен» — «elle est jaune comme une orange» <она желта, как апельсин> (см. у Вяземского: «Она желта, как померанец»)<sup>22</sup>. Известно, что в это время Пушкин читал Мюссе и писал о нем.

11 февраля 1959  
Красная Конница

## 7

В письме есть еще одно одесское воспоминание. Вот оно: «Он полон сомнения, как его *повелитель* —

\* В дневнике Пушкин пишет (1834 г.) о Шуваловой: «Она кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная». Не Каролину ли вспомнил при этом Пушкин!

\*\* Прославленному тем, что из него светских модных красавиц называли «львица» (а не женский род от льва!)<sup>21</sup>.

*сатана*»<sup>23</sup>. Ср.: «Вы мой неизменный учитель в делах нравственных»<sup>24</sup>. Полагаю, что Пушкин в первом случае имеет в виду не нечистую силу, а просто Александра Раевского. Очевидно (по второй цитате), Собаньская знала о демоническом влиянии Раевского на Пушкина и должна была понять, кого он имеет в виду под «его повелитель — сатана», так же как в «Гавр <иилиаде>»<sup>25</sup>.

## 8

Вяземский (5 апреля 1830 г.) пишет жене: «Собаньска умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, всегда ли она такова или только со мною для первого приема»<sup>26</sup>.

Не отсюда ли стих в 8-й главе:

В сей величавой...

## 9

Пушкин был у Собаньской 5 января. Это — канун Крещенья. Может быть, отсюда —

У! Как теперь окружена  
Крещенским холодом она!

Последний Петербург в «Онегине» может быть февральский (по-нашему мартовский). Пушкин уехал 4 марта старого стиля 1830 года.

В воздухе нагретом  
Уж разрешалась зима...

Так бывает...

## 10

Близость так несомненна, ситуация создана столь сходная, что места для сомнений не остается. Те-



перь понятно, почему никому это не могло прийти в голову. Сравнить по тем временам деклассированную 37-летнюю Собаньскую — бывшую Виттову любовницу, агентку Бенкендорфа<sup>27</sup> (это, впрочем, было тогда неизвестно) — с законодательницей зал юной и прекрасной Татьяной — безупречной женой свитского генерала и героя Отечественной войны, да кому это придет в голову? Я и не предлагаю это делать.

## 11

Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных,  
Клеветников и трусов злых,  
И рой изменниц молодых,  
И круг товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В каком кругу этот нелюдим как будто не вращался. И разве не так, на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вкруг меня жужжанье клеветы,  
Решенья глупости лукавой,  
И шепот зависти, и легкой суеты  
Упрек жестокий и кровавый,—

(1828)<sup>28</sup>

и уже в 1820-м («Погасло дневное светило»):

И вы забыты мной, изменницы младые,—

и в 1821-м — «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко — он даже отдает ему собственных «изменниц молодых».

## 12

Пушкин не только отдает Онегину свои воспоминания (строфа XXXVII), он целую строфу (следующую) тратит на то, чтобы показать, как не могший когда-то

ямба от хорей,

Как мы ни бились, отличить

Онегин под влиянием влюбленности стал похож на поэта, т. е. на него, Пушкина, или, по крайней мере, на автора, и

силой магнетизма

Стихов российских механизма

Едва в то время не постиг

*Мой бестолковый ученик.*

## 13

В черновиках и в отброшенных стихах (8-й главы) преследование, которому подвергалась дама, описано гораздо подробнее. <...> Примеры: «У художниц мод» (это пахнет действительностью, т. е. у портних); «на берегу замерзлых вод» (на набережной).

## 14

Две картины мокрой гнилой осени в 8-й главе «Онегина» было, очевидно, то, на что смотрел поэт из своего окна, когда писал эту главу:

- 1) Истлели быстрой чередой,  
Как листья осенью гнилой.

(строфа XI)

- 2) Так бури осени холодной  
В болото обращают луг  
И обнажают лес вокруг.

(строфа XXIX)

Ср.

Два только деревца, и то из них одно  
Дождливой осенью совсем обнажено,  
И листья на другом, размокнув и желтея...

(«Румяный крестик мой...»)

15

Что Пушкин и в Моцарта вложил много самого себя, в этом, кажется, никто не сомневается. Позволю себе привести еще один очень характерный пример:

«А я и рад: мне было б жаль расстаться С моей работой»,— говорит Моцарт о своем только что законченном Requiem'e (26 октября 1830 г., Болдино). «Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи»,— говорит почти одновременно Пушкин о только что законченном «Онегине» (стих. «Труд», 1830, Болдино).

16

Чем кончился «Онегин»?— Тем, что Пушкин женился. Женатый Пушкин еще мог написать письмо Онегина, но продолжать роман не мог.

17

*Из заключения*

То, что Собаньская, дожив до 80-х годов, так глухо молчала о Пушкине, — mauvais signe! <дурной

знак>. Женщина, которая еще в России собирала самые редкие и труднонаходимые автографы (тюремный автограф Марии Антуанетты, <автограф> Фридриха II...) и, очевидно, знала им цену, не сохранила безумные письма Пушкина. Как стало известно сравнительно недавно, уже в самом начале 30-х годов <нашего века>, она была агенткой Бенкендорфа. Очень вероятно, что и к Пушкину она была подслана и боялась начинать вспоминать, чтобы кто-нибудь еще чего-нибудь не вспомнил. Это, как известно, сделал Вигель для одесского периода ее жизни <...><sup>29</sup>. Трудно предположить, что существо, занимавшееся предательством друзей и доносами в середине 20-х годов и в начале 30-х, именно в зиму 1829/30 года было далеко от этой деятельности. А если она находилась в связи с III Отделением, невероятно, чтобы у нее не было каких-нибудь заданий, касавшихся Пушкина. Из письма Собаньской Бенкендорфу следует, что она писала ему до польского восстания, т. е. до 1831 года («...à qui j'ai parlé si ouvertement *avant* et pendant les horreurs qui agitaient le pays» <«...к которому я обращалась так откровенно *до* ужасов, волновавших страну, и во время них»>)<sup>30</sup>. Значит, означенная Каролина писала Бенкендорфу в то время, когда встречалась с Пушкиным.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, оказывается, что осенью 1830 года Пушкин написал два произведения с донжуанским героем (конечно, Онегин в начале романа закончен-

ный Дон Жуан), который влюбился в самом деле: одно из этих произведений — «Каменный гость», второе — 8-я глава «Онегина». Для обоих он воспользовался антибайроновским героем Адольфом Б. Констана в такой мере, что три цитаты из «Адольфа» в обеих вещах совпадают\*. От этого Гуан несколько (через Адольфа) похож на Онегина. И оба они, конечно, похожи на самого Пушкина, который 2 февраля 1830 года написал Каролине Собаньской нечто столь близкое 8-й главе, что оно могло бы быть одним из писем Евгения, если бы там не было упоминания о Крыме, а было бы упоминание, скажем, о Ленском и еще кой-каких мелочей.

Лейтмотив и письма, и 8-й главы:

*В тоске безумных сожалений...*

Онегин просто по письму Татьяны знает, что некогда он был любим...

*А счастье было так возможно.*

*Так близко!..*

Адресатка Пушкина, м. б. чтобы подразнить его, сказала ему нечто аналогичное, и он теряет голову: «Le bonheur est si peu fait pour moi que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi» <«Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною»>. И дальше об *угрызении* (remords), в котором могло бы быть даже наслаждение, и о *сожалении* (regrets), которое рождает в душе только ярость и богохульство. Так было 2 февраля, а 5 апреля того же года Пушкин уже счастливый

\* 1) «Я знаю: век уж мой измерен», 2) «Печальная тайна» и 3) «Если б я прежде...». Что Онегин похож на Адольфа, написал сам Пушкин в предисловии (1825 г.)<sup>31</sup>. Рукопись разобрана уже после выхода в свет моей статьи в 1-м номере «Пушкинского временника», 1936.

жених Н. Н. Гончаровой. Но в творческом плане, очевидно, не так легко выйти из этого круга: мысли о собственном донжуанстве, суеверное\* ожидание какой-то страшной кары (хотя бы в виде посмертной ревности, о которой столь живописно он пишет своей будущей теще). И опять все то же, то же. Он бросает Онегина к ногам Татьяны, как князя в «Русалке» к ногам, pardon, хвосту, дочери мельника. У Пушкина женщина всегда права—слабый всегда прав. И из того, что Пушкин так brusquement <круто> обрывает роман на этой mise en scène <мизансцене>, видно, как она для него важна. Он покидает Онегина «в минуту злую для него...»\*\*. И в минуту злую для себя он уезжает из Петербурга. Это свидетельствует о том, как живы еще осенью в Болдине были воспоминания прошлой зимы. «Онегин» обрывается, как натянутая струна, когда читатель и не помышляет, что читает последнюю строфу. Мы знаем «Онегина», сколько себя помним, и, естественно, нам трудно себе представить что-нибудь иное, но, если сделать некоторое усилие воли и вообразить, что какая-то книга кончается на том, что героиня «неубрана, бледна» сидит и обливается слезами, герой на коленях—целует ее руку, а в дверях звенит шпорами муж—свитский генерал, все же останется некоторое недоумение...

Итак, это наблюдение дает в какой-то мере ключ к 8-й главе «Онегина», к трагедии «Каменный гость» и вместе с недоумением Вяземского по поводу пушкинского сватовства освещает очень важный момент биографии Пушкина<sup>32</sup>.

\* С. М. Бонди сказал мне, что «На совести усталой много зла» Пушкин приписал потом («Каменный гость», сцена IV).

\*\* 19 октября 1830 г. гибнет 10-я глава.

## ДВЕ НОВЫЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

### 1

*Автобиографический отрывок  
1830 года*

*и 1-я глава «Египетских ночей»<sup>1</sup>*

Работа над ним: тщательно изгнаны *бедность\**, неудача и зависимое положение писателей. Почему Чарский не Пушкин 1835 года? В связи с одной из важнейших проблем «Египетских ночей» взят только поэт (Пушкин 35 года — литератор, историк, изнемогающий от долгов критик).

Если это Пушкин, то до 27—30 годов, холостой, еще не знающий литературных неудач и литературных тягот, «такой превосходный поэт».

Пушкинская проза — отстоявшаяся («Выстрел» и «Кирджали» — Кишинев, «Пиковая дама» — роман с Фикельмон). Чарский — Пушкин конца 20-х годов (ср. халат Чарского). «Х» «Отрывка» слишком фотографичен (как сказали бы теперь), актуален. Чарский удален временем, идеализирован — разбогател, стал независимым, одендился, автор, изображая его, не хочет снизойти до описания собратий (тоже, конечно, портреты)\*\* . Появляется один «собрат», которого стоит изобразить. Да еще как! Так, как Пушкин *никогда* никого не изображал. Начать с внешности. Известно, как эскизы пушкинские портреты (Швабрин, Германн), как невозможно себе представить и офицеров «Повестей Белкина», и светских людей прозаических отрывков (Минский, Волоцкий). О внешности Чарского\*\*\* не сказано ни слова. Исключо-

\* Для этого Чарскому придан богатый дядя.

\*\* «Двойное ремесло» — доносы, конечно, Булгарин.

\*\*\* Но одет Чарский, как Пушкин конца 20-х г. (халат, — см. воспоминания Кс. Полевого).

чение Пугачев, Хлопуша и Кирджали\* — лица действительно существовавшие и о внешности которых Пушкин собирал сведения. С такой же подробностью изображен импровизатор. Это, несомненно, портрет.

Весьма примечательно, что автор «Отрывка» не *писатель*, как Белкин, а «Х» — писатель. Вот трюк: не-писатель описывает писателя. То же в предисловии к Селу Горюхину.

## 2

Что итальянец не только импровизатор, но и поэт, видно из нескольких «описок» Пушкина: 1) Стул в комнате итальянца завален «бумагами» и бельем. Какие же, помилуй бог, «бумаги» у только что приехавшего нищего импровизатора? Это, конечно, рукописи писателя. 2) Чарскому было неприятно видеть *поэта* в одежде заезжего фигляра. 3) «Вы поэт так же, как и я», — говорит иностранец.

Мало того, итальянец — образованный человек, может импровизировать на любую тему, даже такую высокую, как первая импровизация, и такую специальную, как вторая. Говорит языком образованного человека о сущности импровизации. Надо сознаться, что это существо все время как бы двойится перед нашими глазами (то червь, то бог...<sup>2</sup>). <...>

## 3

<Портрет импровизатора у Пушкина> во всех подробностях соответствует описанию внешности

\* Сравнить также Нину в «Онегине» с портретом Закревской («На углу маленькой площади»).



Мицкевича, оставленному нам Полевым<sup>3</sup>, первая импровизация — описанию первого знакомства поэтов в Москве осенью 1826 года, когда Пушкин, услышав Мицкевича, бросился ему на шею (Вяземский)<sup>4</sup>. К тому же импровизатор вообще редкость, и у нас нет сведений, что Пушкин слышал кого-нибудь из них, кроме Мицкевича<sup>5</sup>. НВ. Мицкевич не только импровизировал публично. Он также читал свои стихи по-польски (см. статью Пушкина о Мильтоне)<sup>6</sup>.

Немыслимо себе представить, чтобы Пушкин, беря темой импровизацию, не вспомнил столь поразившую его импровизацию Мицкевича. А то, что импровизатор — портрет Мицкевича, окончательно доказывает, что в повести «Египетские ночи» есть *aggrège-pensée* <здесь: подтекст><sup>7</sup>.

История отношений Пушкина с Мицкевичем еще не написана. Биографы Мицкевича (Погодин, а также Браиловский) склоняются к тому, что отношения их были сложные, и трудно говорить о дружбе двух поэтов. Сравнительно недавно найденное письмо Пушкина к Хитрово скорее подтверждает это мнение. Говоря о мрачности любви поляков к своему <отечеству, Пушкин добавляет: «Вспомните их поэта Мицкевича» (9 декабря 1830 г.)>.

## 4

В 1835 году реальные жалобы Пушкина на свою профессию должны бы были быть совсем иными (цензура, критика, безденежье). Поэтому и выпад против меценатов зачеркнут Пушкиным. У Чарского не должно было быть врагов. Итак, в Чарском Пушкин изображает себя не таким, каким он был

в 1835 году, а таким, каким он был в 1826—1828 годах, и в помощь своей памяти берет «Отрывок» 1830 года, внося в него те изменения, которых требовала фабула «Египетских ночей». В дальнейшем я постараюсь доказать, что события, описанные в «Египетских ночах», тоже относятся к концу 20-х годов. Такое обращение к материалу, уже отстоявшемуся, очень характерно для Пушкина. См. «Выстрел» (30 г.) и «Кирджали» (34 г.)—кишиневские воспоминания Пушкина\*. (Быть может, «Домик в Коломне».)

## 5

То, что Чарский «Египетских ночей» — сам Пушкин, никто в этом не сомневается. Но одна подробность ускользнула от вниманья исследователей. Чарский — Пушкин, но не Пушкин того времени, когда писалась эта повесть,—женатый, отец семейства, муж красавицы, писатель, который долгие годы не прочел о себе ни одного, доброго слова, разорившийся камер-юнкер, неудачливый журналист («Современник»). Нет!—это Пушкин знаменитый, всеми любимый, прославленный, независимый, холостой — одним словом, Пушкин допотопавский. Это — Пушкин примерно 1827—1828 годов.

Это Пушкин, слушавший вдохновенные импровизации Мицкевича, это Пушкин, вновь встретившийся с Собаньской (1828 г.)<sup>8</sup>.

\* Программы романа «Русский Пелам» показывают, что в том же 35-м году Пушкин предполагал изобразить русское общество таким, каким он застал его по выходе из Лицея,—декабристы, Шаховской — театр и т. д., Всеволожский.

...Полагаю, что одна из тем — «*La primavera veduta da una prigione*» <«Весна из окна темницы»> — дана Чарским, который знал обстоятельства импровизатора. Однако это уже другая тема...

Здесь, т. е. в повести «Мы проводили <вечер на даче>», тоже есть ключевая фраза, которую произносит молодой человек по имени Алексей (т. е., вероятно, сам Пушкин): «Есть черта в ее жизни, которая так врезалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтоб тотчас не подумать о Клеопатре».

Пушкин знал *Aurelius Victor*'а очень давно. В первый раз он начал заниматься Клеопатрой еще в 1824 году, затем он вернулся к той же теме в 1828-м (год встреч с Собаньской).

В 1835 году устами Алексея Ивановича он нам объяснил, почему. От этого никуда не уйдешь. Итак, тема Клеопатры по Аврелию Виктору возникла у Пушкина в Одессе. Пушкин знал и первое в мире упоминание о Клеопатре: Оду Горация, кн. I, ода XXXVII «*Ad Sodales*» («Друзьям»). Первое полустигшие этой оды: «*Nunc est bibendum*» <«Теперь время пить»> Пушкин сделал эпитафией лицейской годовщины 1825 года в Михайловском (см. черновик). Но во всей истории Клеопатры его интересовала только запись Аврелия Виктора. Ни любовная связь с Цезарем, ни бурный предсмертный роман с Антонием, ни героическое самоубийство («*I am air and fire*» <«Я воздух и огонь»> у Шекспира\*)<sup>9</sup> — все это не привлекало внимания Пушкина. Он заметил и запомнил «одну черту», как говорили в его время.

\* В 1828-м появляется Плутарх — Шекспир.

И, смотря почти на каждую женщину, 10 лет подряд думал — а может ли она, как Клеопатра... Что же после этого удивительного в том, что про какую-то женщину XIX века он решил — да, она это может...

И даже если, как я почти уверена, тяжелая, почти переводная проза в рассказе Алексея Ивановича окажется почти переводом кого-нибудь из французских романтиков и выплывут какие угодно неожиданности, сказанное мною остается в силе.

19 февраля 1959  
Ленинград

P.S. Итак, новые соображения в моей статье доказывают, что, кроме политической полемики («Медный всадник» и «Он между нами жил») и переводов («Будрыс», «Конрад Валленрод», «Воевода»), Пушкин всякий раз занимался Мицкевичем, когда это было связано с Каролиной.

«Что в имени тебе моем?»<sup>10</sup>. Бахчисарай — Мицкевич<sup>11</sup>. Мицкевич Крымский<sup>12</sup>. Импровизации Мицкевича в «Египетских ночах».

Каролина — Клеопатра — это одна из женщин, которых Пушкин не только не возносит, как Татьяну или дочь мельника, это та, кого он боится и к которой тянется против силы.

Милый Демон!<sup>13</sup>

7

Если вдуматься в отрывок «Мы проводили вечер...», нельзя не поразиться сложностью и даже дерзостью его композиции. Во-первых, кто это «мы», ничем не выдавшие своего присутствия? Да и отрывок ли это? Все, в сущности, сказано. Едва ли читатель вправе ждать описания любовных утех Минского и

Вольской и самоубийства счастливица. Мне кажется, что «Мы проводили...» — нечто вроде маленьких трагедий Пушкина, но только в прозе. Представьте себе все это в стихах и в драматической форме, и вам не придет в голову ждать продолжения. Его просто не может быть. Смелость (дерзость) и необычность поражают и в деталях. Алексей Иванович говорит, что советовал<sup>xx</sup> сделать из этого поэму, затем читает куски этой поэмы — следовательно, стихи<sup>xx</sup>, а стихи-то Пушкина. Кажется, нельзя достоверно определить, что написано раньше — «Мы проводили...» или «Египетские ночи». Возможно, что «Мы проводили...» и есть последнее пушкинское слово о Клеопатре. Там фигурирует гениальный импровизатор, здесь светская злодейка — вдова по разводу с *огненными глазами*, с ледяным самообладанием авантюристки высшего полета.

К этому следует прибавить, что светское общество (салон) дано так же, как в 8-й главе «Онегина», хозяйка что-то вроде Д. Фикельмон («был принят слог простонародный» и ее разрешение рассказать неблагопристойную историю), чей салон он так расхваливает в письме к ней<sup>14</sup>. Польский граф и его дурнушка жена тоже как бы из 8-й главы «Онегина»<sup>15</sup>, затем ученый спор двух латинистов, из которых один — Титов (вполне реальное лицо)<sup>16</sup>. Гости пьют чай, дамы занимаются вышиваньем.

Героиня произносит только три фразы:

1) «Ах, нет, не рассказывайте!»

2) «Что вам сказать? И нынче *иная* женщина дорого себя ценит. Но мужчины 19-го столетия слишком хладнокровны, благоразумны, чтобы заключить такие условия».

3) «Думаю, даже уверена»... и роковое: «Нет».

(Между прочим, разговор после стихов ведется как в драматическом произведении, т. е. не обозначено, кто что именно говорит. Очень существенно, что этот кусок пушкинской прозы ничем не похож на другие два куска светской повести («На углу...» и «Гости съезжались...»), а тем более на «Пелама». Я не согласна с мнением Х<sup>17</sup>, что это просто обрамление «Клеопатры» (стихи и проза), но головокружительный лаконизм здесь доведен до того, что совершенно законченную трагедию более ста лет считали не то рамочкой, не то черновичком, не то обрывком чего-то. Неужели рассуждения Алексея Ивановича о ценности жизни — светская болтовня? Разве мы не узнаем в них самых сокровенных, глубинных и дорогих для Пушкина мыслей?\* (Разве жизнь уж такое сокровище? — *Vivre est-il donc si doux?* А. Chénier <А. Шенье>.) Повторяю, если бы это было сказано в стихах, никто бы не усомнился в законченности этого произведения.

## 8

Надо думать, что Вольская *Zelie* Зинаида из отрывка «Гости съезжались на дачу...» не имеет ничего общего с нашей Вольской\*\* — вдовой по разводу, чопорной ханжой с огненными глазами\*\*\*, которая,

\* В его рассуждении о дуэли есть что-то очень страшное, пророческое. Словно он предсказал то, что так скоро (через 1—2 года) его постигло, словно он видел неизбежность этого, но в творческом плане до конца не отдавал себе отчета<sup>18</sup>.

\*\* Так, никто, я полагаю, не думает, что гусар из «Станционного смотрителя» и светский герой повести «Гости съезжались на дачу...» одно и то же лицо, только потому, что у них одна и та же фамилия — *Минский*.

\*\*\* И, как известно, Закревская ни ханжой, ни чопорной, ни вдовой по разводу не была.

не дрогнув и на глазах у всего общества, предлагает Алексею Ивановичу условия Клеопатры. Такой именно и была по всем признакам Каролина Собаньская\*, которая носила весьма недвусмысленное прозвище — *демон*. Несомненно, Пушкин, воскрешая счастливое, т. е. независимое, время, которое в 1835 году должно было казаться ему просто золотым веком, вспоминал и свою неодолимую влюбленность в эту женщину.

НВ. Эпиграф 8-й главы «Онегина», вероятно, имеет отношение к еще до конца не открытой сфере переживаний Пушкина, связанных с письмом 2 февраля 1830 года:

Fare thee well, and if for ever  
Still for ever fare thee well.

*Byron*

<Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай.  
Байрон.>

9

То, что Вольская, оказывающаяся Клеопатрой XIX века, — Каролина Собаньская, в этом нет ничего удивительного, и внимательный читатель Пушкина должен быть к этому подготовлен, прочитав в любом комментированном издании Пушкина, что Зинаида («Гости съезжались на дачу») — это Закревская, что в княжне Елене в «Романе в письмах» (1829) надо узнавать Оленину, что Лиза Лосина 8-й главы «Онегина» — она же и т. д. и т. д., а Прола-

\* Пушкин дважды говорит, что у В<ольской> были *огненные глаза*, Маркевич, вспоминая Собаньскую, говорит, что у нее были *огненные глаза*.

сов — ее отец, что в «Романе на Кавказских водах» фигурируют современники Пушкина, что в планах «Русского Пелама» мелькают фамилии знакомых автора, что, по указанию самого Пушкина, старая графиня в «Пиковой даме» — кн. Голицына (а по нашему мнению — Загряжская). <...>

## 10

«...Но в ней находится то сказание о Клеопатре, которое так меня поразило», — говорит Алексей Иванович (это явно авторский голос). Это не Алексея Ивановича (который советовал<sup>xx</sup>, т. е. Пушкину, сделать из этого поэму, и якобы тот начал, да бросил) так поразило сказание Аврелия Виктора, а самого Александра Сергеевича, который трижды, если не *четырежды* (1824, 1828 и 1835—1836 годы) подходил к этой теме.

## 11

Тема Клеопатры была для Пушкина так неотвязна, что и в «Повести из римской жизни» (1833—35) он снова (чуть не 5-й раз) предполагал к ней вернуться (см. в наброске плана: «Он перевязывает рану — и начинаются рассказы — 1) О Клеопатре — наши рассуждения о том»)\*.

Эта повесть с стихотворными пушкинскими вставками по жанру очень близка произведению, носящему условное заглавие «Мы проводили ве-

\* Очевидно, Пушкину еще захотелось на тему о Клеопатре заставить высказаться древних римлян (между прочим, кажется, Нерон был правнуком Антония), современников Нерона и Петрония.



чер...»\*; там тоже пушкинская стихотворная вставка и та же тема *смерти* мужественной, добровольной, и та же античность (самоубийство), и она тоже могла бы стать прозаической маленькой трагедией.

Во всяком случае, эти две вещи тесно примыкают друг к другу, высоко трактуют одни и те же предметы, могли бы стать частями какого-то цикла и представляют собою яркое свидетельство того, что в это время глубоко волновало Пушкина\*\*.

## 12

### ПЛАН СТАТЬИ О ПОЗДНЕЙ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЕ

1. Положение вещей до моих наблюдений.
2. «Мы проводили...» и ранние светские повести («Роман на Кавказских водах», «Роман в письмах», 1829, «Гости съезжались на дачу», 1828. Реальные действующие лица: Кубович—Якубович, Вольская—Закревская, то же в «Русском Пеламе»). «Мы проводили...» — проза совершенно другого типа и, во-первых, ни в каком случае не отрывок, не обрамление «Клеопатры». Эту прозу следует сравнить и сблизить с другой пушкинской прозой — «Цезарь путешествовал». И там и тут рассказ ведется от лица каких-то неизвестных «мы», которые ничем не обнаруживают свое присутствие. Пусть нас не обманывает форма. В первом случае это как бы светская повесть (хозяйка салона из 8-й главы «Онегина» Д. Фикельмон?), архивные юноши (один из них Титов) — латинисты, комические персонажи,

\* Рассказ ведется также от лица каких-то непонятных персонажей.

\*\* Сюда, вероятно, принадлежит и странный «Странник» Беньяна (1835)<sup>19</sup>.

уродливая графиня и ошибшийся польский муж\*, где-то за кулисами сам Александр Сергеевич, произведение которого тут же читается\*\*.

Но все это мелочи, которые не должны отвлекать нас от главного. «Мы проводили...» — не отрывок. Там сказано все, что хотел сказать автор. У этой вещи очень крепкий и решительный конец<sup>20</sup>. Этим Пушкин, который так много и долго думал об условиях Клеопатры, хотел сказать: «Вот какой вид это имело бы теперь в XIX веке в Петербурге». (Принцип маленьких трагедий — все происходит, когда занавес уже упал, что замечено рядом пушкинистов.)

Второе мужественное и продуманное самоубийство происходит на фоне древнего Рима. Здесь нас не должны отвлекать почти археологические подробности (вроде описанья статуй и обстановки дачи)\*\*\*<sup>21</sup>. Тема этой вещи — самоубийство писателя Петрония (автора Сатирикона). Не надо забывать, что и сама Клеопатра прославлена как одна из самых знаменитых самоубийц в мировой истории.

*Примечание.* На женщину, которую Пушкин называл Вольской (и которую не надо смешивать с Вольской отрывка «Гости съезжались на дачу» (Закревской) и в которую он был влюблен в 1830 году так, как Онегин в Татьяну), больше всего похожа Каролина Собаньская — вдова по разводу, обладающая *огненными глазами*. Маркевич вспоминает кроме этих огненных глаз еще *пунцовую* току со страусовыми перьями, которая очень шла к Каролине (30-е

\* Ср.: «...женатый На кукле чахлой и горбатой».

\*\* Ср. «Роман в письмах» и «Гости съезжались...».

\*\*\* Объяснить, что это 3-й слой пушкинской античности. Первый в Лицее, второй — Шенье.

годы)<sup>22</sup>. Боюсь, как бы эта пунцовая тока не оказалась малиновым беретом героини 8-й главы «Онегина». Дело в том, что красочные эпитеты так редки у Пушкина, а описаний женских туалетов и совсем нет (а единственное описание в той же 8-й главе (Нина) сделано несомненно с натуры: «...в залу Нина входит. Остановилась у дверей»).

## 13

Эти наблюдения позволяют поставить вопрос о том, что Пушкин, в 30-х годах прибегавший к циклизации своей лирики, так же относился к тому, что в его творчестве только намечалось и в его время могло бы называться «философской прозой».

Таковы два совершенно законченные и глубоко продуманные произведения, внутренне очень близкие друг другу (и по фактуре) и трактующие одну и ту же проблему (самоубийство). Это — «Мы проводили...» и «Цезарь путешествовал». (Дать подробную характеристику обоих произведений.)

*Повторяю:* нас не должно обманывать внешнее несходство: в первом случае обличие «светской повести» (обстановка из 8-й главы «Онегина»), во втором — археология 3-го пушкинского слоя античности и тон Тацита — Плутарха. Проблема остается та же. Добровольный уход из жизни сильного человека, для которого остаться — было бы равносильным потере уважения к самому себе (Ал. Ив.) или подчинению воле тирана. Позволю себе заметить, что Клеопатра столь же знаменитая самоубийца, как и Петроний.

Сближаю с этим в творчестве Пушкина следующие строки:

Бросался ты в огонь, *ища желанной смерти*,—

в том же 1835 году писал Пушкин о Барклае де Толли («Полководец»).

Кажется, все уже давно согласны с тем, что в этом стихотворении Пушкин оплакивает если не самого себя, то какого-то носителя истины в растленном одичалом обществе («О люди! жалкий род, достойный слез и смеха..») и не находит для такого человека никакого исхода, кроме самоубийства.

«Все это мало похоже на Пушкина»,—скажут мне. Да, мало—на того Пушкина, которого мы знаем, на автора «Евгения Онегина», но уже автора «Дневника» мы не особенно хорошо знаем<sup>23</sup>.

9 марта 1959

О XV СТРОФЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ  
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»,  
О МАНИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ХАНДРЕ),  
ПОСВЯЩЕНИИ В ШПИОНЫ  
(О «МНИМОЙ ДРУЖБЕ»)  
И ПЕРВОМ СЛОЕ СТИХОТВОРЕНИЯ  
«ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ»  
(«МИЛЫЕ ЮЖНЫЕ ДАМЫ»)¹

1

«Пушкин любил пользоваться таким приемом письма: характеризуя какого-нибудь человека, он показывал, каких отрицательных свойств у этого человека нет. Он подбирал из них другой образ. Таким путем в тени явного портрета возникал другой портрет — скрытый, но, несомненно, более важный для Пушкина. Он получал возможность, не называя своего врага, обнажить все отталкивающее в нем». Это не я говорю, а Татьяна Григорьевна Цявловская². Но в «Онегине» уже несколько лет тому назад я нашла подтверждение этого наблюдения.

.....  
И управлять кормилом мнений  
Нужды большой не находил,  
*Не посвящал друзей в шпионы...*

.....  
Но уважал в других решимость,  
Гонимой славы красоту,  
Талант и сердца правоту.

*(гл. II, черновая строфа  
перед XV белой)*

Значит, на портрете в тени кто-то хочет управлять. Кто-то посвящал друзей в шпионы. Обратное: кто-то не уважал в других решимость, красоту гонимой славы, талант и правоту сердца. <...>

По сопоставлению с стихотворением «Коварность» и еще...<sup>3</sup> несомненно оказывается, что второй — тайный — портрет написан Александром Сергеевичем с «новоизбранного» одесского друга Ал. Раевского. Это он повторил клевету — а клевета была «жестокая, кровавая» (см. тот же сгусток в стихотворении «Воспоминание» 28 г.), а здесь она раскрывается так:

*Не посвящал друзей в шпионы —*

т. е. не посвящал Евгений Онегин, а кто-то посвящал\*, и даже очень, и этот кто-то — Раевский.

В трех последних строчках Пушкин запрятал самого себя. Итак, Онегин уважал Пушкина, а Раевский нет. Эту совершенно доработанную великолепную строфу Пушкин не включил в окончательный текст. То ли испугался в этом контексте слова *шпион*, то ли не захотел оставить собственный лестный портрет...

2

<...> Сравнить собственную характеристику Пушкина в стихах к Вл. Ф. Раевскому (1822):

Что непреклонным вдохновеньем  
И бурной юностью моей  
И страстью воли и гоненьем  
Я стал известен меж людей...

Так говорил о себе Пушкин уже в 22 году. Про блеск изгнания и т. п. он повторял много раз. Близость этих двух характеристик совершенно очевидна.

\* Слово «посвящал» как — посвящать в рыцари.

В соответствующей этой печатной строфе (XIV) читаем:

*Иных он очень отличал  
И вчуже чувство уважал.*

(См. мои разыскания в связи с словом «иной».) Тут это сам Пушкин. Это — Пушкин, гордящийся гонением, Пушкин из послания к В. Ф. Раевскому, и такого Пушкина не должно было быть в «Онегине», по крайней мере, явно.

## 3

<...> О изменившей дружбе Пушкин писал много и страшно. Первое обвинение относится к послелицейскому периоду и, как известно, имеет в виду выдумку Американца-Толстого (будто Пушкина высекли в тайной канцелярии). Второе обвинение относится к Ал. Раевскому, и, по-видимому, это он

посвящал друзей в шпионы.  
(строфа XV, Одесса, 1824)

В «Путешествии Онегина» Пушкин вспоминает это время:

*...я жил тогда в Одессе  
Средь новоизбранных друзей  
<черн. строфа XXX>.*

Эта так называемая теневая характеристика (он не делал того-то и того-то) намекает, что кто-то и находил нужным управлять кормилом мнений, и посвящал друзей в шпионы, и не уважал в других решимость, красоту гонимой славы, талант и право-

ту сердца, то есть не уважал его—Пушкина и его же, друга, посвящал в шпионы, то есть распускал слухи о том, что Пушкин—шпион. Это и есть

.....суеты  
Укор жестокий и кровавый—

и этого, как мы сейчас увидим, Пушкин до смерти не забыл и не простил. Здесь очень пахнет Собаньской, которая, замечая следы, могла сказать, что в чем-то виноват Пушкин, в то время как это была ее работа. Об этом Пушкин говорит четыре раза. 1) «Коварность» (1824), 2) соответственная строфа «Онегина» (IV гл.), 3) «Воспоминание» (1828) и 4) соответств. строфа в VIII гл. «Онегина» (1830). Все это не может быть случайностью. <...>

## 4

Во всяком случае, в 1830 году тень Ал. Раевского возникает дважды. 1) «Ни даже Демоном моим» («Онегин», гл. VIII, стр. XII), 2) «его повелитель—сатана» (письмо 2 февраля), а в XIX строфе <Пушкин> опять поминает *клеветников* и трусов злых и друзей презренных, а, как мы знаем, таким другом Пушкин считал Ал. Раевского. Итак, мы видим, что общенье с Собаньской ведет за собой тень Раевского, воспоминанье о «клевете, вралем рожденной». Он не Раевского обвиняет в доносе на него (ускорившем его ссылку, как принято думать\*),

\* Существует мнение, что Пушкин считал Раевского виновником своей ссылки в Михайловское. Во всяком случае, в стихах он упрекает его не за то. И разглашение его «романа» с Елиз. Воронцовой Пушкин не назвал бы «презренной клеветой» и «кровавым упреком»—а как-нибудь иначе<sup>4</sup>. Всем этим самый факт сплетен Раевского ничуть не опровергается.



а попрекает его, что он его, Пушкина, посвятил в шпионы или повторил эту клевету, идущую от кого-то другого.

Вот здесь надо вспомнить про какие-то темные слушки вокруг Пушкина в южный период его жизни<sup>5</sup>. Что удивительного в их возникновении, если он был при даме, которая вела слежку за братьями Раевскими, Орловым и т. д. и в конце концов добилась их ареста. Конечно, Пушкин понятия об этом не имел. Но Александра Раевского он поймал на повторении этой клеветы. Вот как он дважды повествует об этом:

Но если сам *презренной клеветы*  
 Ты про него невидимым был эхом...  
 («Коварность», 1824, Михайловское)  
 Что нет презренной клеветы...  
 Которой бы ваш друг с улыбкой...  
 Не повторил стократ ошибкой...  
 («Онегин», гл. IV, строфа XIX)

## 5

Можно, конечно, предположить, что Раевский, чтобы унижить Пушкина, «ошибкой» повторил при Каролине «чердачную», то есть еще петербургскую, сплетню, что Пушкина секли в III Отделении. На это намекают слова:

Что нет презренной клеветы,  
 На чердаке вралем рожденной...

(«чердак» — Шаховского<sup>6</sup>, «враль» — Толстой-Американец, он же Зарецкий), но в конце концов одно не исключает другого. В 1829 году Толстой уже был сватом Пушкина, а Раевскому (своему

Демону, Мельмоту и т. д.) Пушкин всю жизнь чего-то не мог простить. За что-то он сердился и на Орлова (мужа Катерины Раевской).

«Коварность» во всяком случае обращена к Ал. Раевскому: «Ты осужден последним приговором» — это слишком роскошно для картежного вора<sup>7</sup>.

## 6

Эти две беглые зарисовки (себя и Раевского) позволяют предположить, что в «Онегине» еще немало таких совершенно зашифрованных характеристик. Напр., гл. 1, строфа XLII:

Хоть, может быть, *иная дама*  
Толкует Сея и Бенгама,  
Но вообще их разговор  
Несносный, хоть невинный вздор;  
К тому ж они так непорочны,  
Так *величавы*, так *умны*,  
Так *благочестия* полны,  
Так осмотрительны, так точны,  
Так неприступны для мужчин...

Ср. Вяземский жене (апр. 1830): «Собаньска умна, но слишком *величава*». Не знали ли Вяземские, что здесь изображена Собаньская? Уж *благочестием*-то она владела в совершенстве, как мы знаем по ее письмам.

## 7

Почти одновременно с этой строфой (XV, гл. II), то есть в октябре 1823 года, Пушкин написал письмо Раевскому, в котором он обещает как-то ему мстить и унижать его в глазах Каролины Собаньской. По

тону письма видно, что он находится в путях каких-то интриг, как-то связанных с Ал. Раевским и одесской *Клеопатрой*. Напомню, что Витт был предателем братьев Раевских.

## 8

В скобках замечаю: в той же строфе 2-й главы три последних стиха — «Но уважал в других решимость, гонимой славы красоту, талант и сердца правоту» — это, конечно, не что иное, как один из самых лучших автопортретов молодого автора «Онегина».

Кто хоть сколько-нибудь знает пушкинскую «тайнопись», и даже тот, кто ее совсем не знает, не может не догадаться, о ком идет речь. Это просто очередной «арапский профиль» и кудрявая голова на полях рукописи.

## 9

А тайнопись у Пушкина была. Не знаю, довольно ли сказано в науке о величайшем поэте XIX века (во всяком случае) про эту его особенность и так ли легко довести эту мысль до рядового читателя, воспитанного на ходячих фразах о ясности, прозрачности и простоте Пушкина. Зачем она была ему нужна? Во-первых — говорит ли он сам с собой. Беру для примера ту же тему дальше:

А что? Да так. Я усыпляю  
Пустые, черные мечты...<sup>8</sup>

(NB. Ср. отрывок 1830 года — «И злое мрачное мечтанье»).

И дальше излагает то, с чем не мог разделаться всю жизнь, что, как я говорила выше, стало неразстворимым мучительным сгустком, к чему он вернется еще не раз в самом «Онегине» («Вас оскорбивший за бутылкой» <...> и почти вся тридцать седьмая строфа 8-й главы). (Цитаты). Это же возникает с очень важными пояснениями в белую петербургскую ночь 19 мая 1828 года («Воспоминание»), и, наконец, в «Соснах» <«Вновь я посетил...»> поэт квалифицирует это как свою душевную болезнь, и всегда это соединено с образом *пира* (или проще — за бутылкой).

## 10

Вот что я называю пушкинской болезнью (поэт говорит о послеодесском периоде):

Я зрел врага в бесстрастном судии,  
*Изменника — в товарище*, пожавшем  
Мне руку на пиру, — всяк предо мной  
Казался мне изменник или враг\*.

Нам кажется, что такого Пушкина никогда не было — мы такого не знаем, но ведь он же лучше знал самого себя. И как с корнем все это вырвано из олимпийски спокойных и величавых «Сосен».

Это тот *первый слой*, который поэты скрывают почти что от себя самих (об этом больше в другом месте). Но сколько раз в течение своей жизни Пушкин повторяет это, и только здесь он сам согласен, что это болезнь. <...>

\* Прочтите эти строки любому врачу-психиатру, и он скажет: «У меня половина пациентов такая».

<...> К этому надо добавить, что Пушкин увез из Одессы в 1824 году не только жгучую обиду на Раевского («Коварность»: 18 октября), но и на каких-то дам или даму—см. «Разговор книгопродавца с поэтом», который подытоживает южные, в частности одесские, впечатления:

*Я так и вспыхну, сердцу больно:  
Мне стыдно идиолов моих.*

*(1824, 26 сент.)*

Ср.: «А я от милых южных дам...» (черновик «Путешествия Онегина»). А книгопродавец говорит:

*...но исключений  
для милых дам ужели нет?*

Совершенно с таким же содроганием говорит о Собаньской Мицкевич, упрекая ее в том, что она завлекала его, не любя, а желая получить от него посвящения стихов («К Д. Д.», «Прощание»), что не мешало ему в 1828 году бывать у нее в Петербурге, а затем через много лет в Париже.

### *О пушкинской хандре*

1) Французское письмо к брату <№ 37. 1822 г. 4.IX—6.X>.

2) Письмо к Плетневу <№ 354. 1830 г. 31.VIII>.

3) «Евг. Онег.» (гл. 2—1824 и VIII 1830 г.).

4) «Вновь я посетил...» (1835).

*Он застрелиться, слава богу,  
Попробовать не захотел...\**

*(гл. I, строфа <XXXVIII>)*

\* Ср. в 8-й гл.: «Не умер, не сошел с ума», потому что вся глава об этом.

## И

Ему припомнилась пора,  
Когда жестокая хандра  
За ним гналася в шумном свете...

(VIII гл., строфа <XXXIV>)

Вот что вспомнилось Онегину кроме всего описанного в строфе XXXVII. Как совершенно верно наблюдал Семенко, Пушкин в 8-й главе сливается с Онегиным и отдает ему свои воспоминанья, и здесь Пушкин вспоминает и, конечно, свою тогдашнюю влюбленность в Собаньскую, *taedium vitae*\* 1824 года, и ту хандру, которая граничила с манией преследования, как мы узнаем из первого слоя стихотворения «Вновь я посетил...». Вот о чем пишет великой осенью 30-го года счастливый жених Н. Н. Гончаровой. Вот с чем сравнивает свою последнюю петербургскую зиму. В «Путешествии Онегина» мелькает припев: «Тоска, тоска!», в декабрьском письме то же. В другом письме 1830—я хандрлив и подозрителен, как мой отец...

\* Отвращение к жизни (лат.).

<...> В 1828 году в салоне Карамзиных, в присутствии Екатерины Николаевны, в которую был влюблен, Пушкин рассказал демонскую сказку, назвав ее «Уединенный домик на Васильевском»<sup>1</sup>.

Молодой москвич Титов, вернувшись домой, записал рассказ Пушкина, отнес рукопись в трактир Демута, где жил Александр Сергеевич. Пушкин, по словам Титова, одобрил его запись и даже внес какие-то поправки.

«Уединенный домик» был напечатан в «Северных цветах» у Дельвига (1829 г.) за подписью Тит Космократов.

По-видимому, Пушкин не однажды занимал общество этой сказкой. Анна Петровна Керн тоже вспоминает, что Пушкин как-то «собрал нас в кружок» и рассказал приключения влюбленного черта, извозчика № 666 и т. д. на Васильевском острове<sup>2</sup>. Едва ли Анна Петровна бывала в 1828 году в салоне Карамзиных. <...>

Не знаю, заметил ли кто-нибудь, что описание сцены в доме графини И. подозрительно похоже на записку Пушкина к Путяте:

«Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрэнэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на

Лагренэ для соответственных с ним переговоров». Январь — октябрь 1828 г. <перевод с фр.>.

*Домик*: «Он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною... любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным французским выговором, а графиня изволит отвечать на это усмешками. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника...» (далее «бездна разврата»<sup>3</sup>). 1828 — самый разгульный пушкинский год.

## 3

Прочла «Домик»

Сцена в свете напоминает «Renvoyez-le» <прогоните его> Лагренэ и вызов Пушкина.

1828 год в жизни Пушкина.

За яркий глянец черных глаз,  
Облитых влагой сладострастной...

(«Бал» Баратынского, 1828)

Ср.: «черные, большие, влажные очи красавицы» («Домик»).

Нина и графиня И.—вампы, тогда у Пушкина Закревская.

Кто беседовал с Лагренэ?

Я еще боюсь утверждать, но вдруг «Домик» — не петербургская гофманиана, а некое осознание своей жизни, как падение (карты, девки, гульба), которое, если не спасет какая-нибудь Вера, кончится безумием. Титов мог так огрубить ее, что и не доберешься. Во всяком случае Лагренэ остается в силе.



Может быть, Пушкин и рассказывал это все для какой-нибудь Веры, которая должна его спасти и которой было многое понятно.

Так и «Х» пользуется рассказом Титова <Вершнева> о Клеопатре, чтобы спросить мнение дамы<sup>4</sup>.

«ДОМИК» И «БАЛ»:

Его любимые картины  
У ней являлись. Не раз  
Блестали *новые уборы*  
В ее покоях, чтоб на час  
Ему прельстить, потешить взоры.  
Был втайне *убран* кабинет,  
Где сладострастный *полусвет*,  
Богинь роскошных изваянья,  
Курений сладких легкий пар—  
Животворили все желанья,  
Вливая в сердце томный жар.

Ср. с описанием *intérieur'a* гр. И. <„Но не в одной гостиной,—продолжает графиня,—есть новые уборы“, и, вставая с кресел: „Не хотите ли,—говорит она,—заглянуть в диванную; там развешаны привезенные недавно гобелены отличного рисунка“. Павел с поклоном идет за ней. Неизъяснимым чувством забило его сердце, когда он вошел в эту очарованную комнату. Это была вместе зимняя оранжерея и диванная. Миртовые деревья, расставленные вдоль стен, укрощали яркость света канделябров, который, оставляя роскошные диваны в тени за деревьями, тихо разливался на гобеленовые обои, где в лицах являлись, внушая сладострастие, подвиги любви богов баснословных. Против анфилады стояло трюмо, а возле на стене похищение Европы—доказательство власти красоты хоть из кого сделать скотину. У этого трюмо начинается роковое объяснение»>.

Я не думаю, что рассказчик (Пушкин или Титов) восходит к «Балу» Баратынского, здесь мне чудится нечто иное: воспоминание двух любовников вамп-Закревской об ее покоях, где она их принимала. Это объяснение, которое начинается возле *трюмо*, которое замыкало анфиладу (пропущено «комнат»), дьявольски выпадает из топорной прозы Титова. Оно в самом деле существовало.

Если Пушкин—Павел, Оленина—Вера, Закревская—гр. И. (вамп), я пока не вижу Варфоломея. Может быть, Соболевский? Но графиня И. может быть и Собаньская, имевшая кличку—*Демон* («Милый Демон») и своей игрой доводившая Пушкина до отчаянья. Которая-то из них и Клеопатра, которой Пушкин снова занялся (в 8-й главе романа).

Влюбленным мужчинам свойственно считать соперника чем-то вроде дьявола. Мне не раз приходилось сталкиваться с этим явлением («он ее гипнотизирует» — по-нынешнему). Мне приходилось с ним сталкиваться на собственном горьком опыте (и имею даже литературный пример!).

Факт тот, что в 1828 году около Пушкина был *Ангел* (цитата)<sup>5</sup> в виде Олениной и вамп в виде двух дам: Закревской и Собаньской. И там и тут у него соперников было больше, чем нужно. Описание отчаянья Павла напоминает карамзинское описание самого Пушкина, его знаменитую *ревность* («глаза наполнились кровью и слезами»)<sup>6</sup>.

НВ. К теме Пушкин-тигр: «стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке» («Выстрел»).

## 4

У Карамзиных. Насколько изменил Титов, трудно сказать, но, по мнению исследователей, начало более пушкинское<sup>7</sup>. А что мы видим в этом начале?

30 января

## 5

*Уединенный домик*

I. Описание могилы декабристов (место)<sup>8</sup>. Очень легко отделить элементы фантастической повести от чего-то совсем иного.

II. Родители героини — взяточник и ведьма (Оленины).

III. Героиня Вера (стихи к Олениной. Сказка. «Роман» 1829 г. Теневой портрет. 8-я глава Онегина: «Вся... в отца и мать»).

IV. Графиня И. (Закревская). Большой свет — филиал ада, который наносит Пушкину неотразимые обиды. Все, кроме Павла и Веры, — черти. *Лагренэ*. Закревская — сравнить с «Балом» Баратынского. Античная (эротика) обстановка дома. (В какой мере античная обстановка была тогда обычной?)

V. *Друг — Демон* (Раевский).

«Ночная гульба», от дурных последствий которой умеет спасти только друг — демон. Все аналогии.

Письмо Вяземскому, несомненно рассчитанное на перлюстрацию, где Пушкин учит князя, что отвечать где-то, и советует правительству не вмешиваться<sup>9</sup>.

Там *единственные* в своем роде комплименты Бенкендорфу, которые должны смягчить чудовище.

Случай был, по-видимому, серьезный, потому что Пушкин к этому методу больше никогда не прибегал. Дан как французская цитата в русском письме, чтобы Бенкендорф мог насладиться комплиментом во всей красе.

## 6

*Про «Домик»*

В этой незатейливой на первый взгляд вещи при ближайшем рассмотрении оказывается ряд подозрительно связанных с Пушкиным проблем («пушкинских»).

I. Трудность попасть в «высший свет», из среднего (?). То, что этот вожделенный «высший свет» оказывается филиалом ада («И сердцу вновь наносит хладный свет Неотразимые обиды». 19 мая 1828)<sup>10</sup>.

II. Демоническая женщина, к изображению которой подбирался тогда Пушкин (Анти-Татьяна), и такая женщина была тогда в его жизни\* («Дама с черными влажными глазами». См. «Клеопатра» — 1828).

III. Мнимая дружба или дружба с демоном (Раевским). Измена демонического друга. Женщина —

IV. Ангел (Вера), чья любовь должна спасти (см. стихи к Олениной)<sup>11</sup>, чья чистота — последнее прибежище, утешение. Родители Веры и родители А. А. Олениной<sup>12</sup>.

\* См. письмо к Хитрово (август — первая половина октября 1828 г.): «Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем» (пер. с фр.). «Приехал Пушкин... Он влюблен в Закревскую» // <Цявловская Т. Г.> Дневник А. А. Олениной, с. 267 (запись 11 августа 1828 г.). Прямое свидетельство одновременности этих двух таких разных любовей.

V. Софья Астафьевна и барышня в розовом капоте 18 апреля 1828 года, к которой Пушкин попросился в гости<sup>13</sup>,— и «где мы третьего дня были» повести. И «ночная гуляба». Вероятно, были и по этой линии доносы на Пушкина и вся история с поездкой в Коломну не так невинна, как представляет Пушкин в письме к Вяземскому, уверенный, что письмо будет прочитано. Недаром Бенкендорф стращал Вяземского. Можно себе представить, на какие «проделки» намекает Павел, говоря о Варфоломее.

VI. Безумие Павла совпадает с реальным «безумием» М. А. Дмитриева-Мамонова. Политический характер не то гамлетовского, не то чаадаевского помешательства<sup>14</sup>. Белокуроый высокий молодой человек с серыми глазами (?), вероятно, внешность Варфоломея.

*Пушкинская тайнопись*<sup>15</sup>

## 7

В 1828 году Пушкин не только влюблялся и разлюблял и, как никогда, расширил свой донжуанский список, о чем он сам говорит:

Каков я прежде был, таков и ныне я,—

но и в «Полтаве» (т. е. осенью 1828 г., в октябре) хочет быть теоретиком этого образа действий и как бы считает его нормальным и вообще свойственным молодежи:

Мгновенно сердце молодое  
Горит и гаснет. В нем любовь  
Проходит и приходит вновь...—

и далее называет любовь молодого человека «мгновенными страстями», которыми сердце пылает «послушно» и «слегка». Это, очевидно, опыт 1828 года, когда исследователю грозит опасность заблудиться в прелестном цветнике избранниц, когда Оленина и Закревская совпадают по времени, Пушкин хвастает своей победой у Керн, несомненно как-то связан с Хитрово и тогда же соперничал с Мицкевичем у Собаньской. И все это только в Петербурге\*.

Однако все это не так мило, как кажется на первый взгляд. Все эти «мгновенные» страсти не могли у человека с характером Пушкина протекать безболезненно. И, во-первых, большую роль должна была играть *ревность*, без которой, как известно, никакой влюбленности не бывает, тем более у человека с таким бешеным темпераментом, как Пушкин («неисправленный стократною обидой») <sup>16</sup>.

Надеюсь, что все эти соображения приближают нас к пониманию, почему Павел под влиянием ревности бродит по зимнему Петербургу и не топится только потому, что Нева подо льдом, причем Павлу-то и ревновать особенно некого.

## 8

<...> Главная страсть повести — *ревность* <sup>17</sup>. Павел ревнует и Ангела (Веру) и чертовку — к Варфоломею, страсть, столь свойственная Пушкину. Можно с уверенностью сказать, что описание блужданий Павла по зимнему ночному Петербургу — пушкинское.

Что делать с этими тремя странными совпадениями (Дм.-Мамонов, Закревская и Лагрэнэ) плюс

\* Титов в старости вспоминает, что примерно в то же время Пушкин обожал Карамзину-Мещерскую <см. примеч. 1, с. 296>.

описание Голодая, пока непонятно. На всякий случай я решила записать мои находки, потому что они могут пригодиться кому-нибудь в работе. С Пушкиным никогда не знаешь à quoi s'en tenir <чего держаться>.

28 марта 1963

Комафова

9

Вчера, сегодня начинает смутно проступать, что сделал Пушкин в «Домике». В старый план адской повести<sup>18</sup> он вложил многое из своего настоящего и недавнего прошлого.

Впечатление от места погребения пяти декабристов (к которому еще дважды вернется, как мы видели,— «Отрывок» и «Медный всадник»), своего столкновения с Лагренэ, своего романа с дьяволицей с влажными глазами (Закревской, Собаньской), описание ее дома (см. «Бал» Баратынского) и Ангела—Веры Олениной («столько *томных* выражений»)<sup>19</sup>, которая должна была его спасти, стихи к ней—воплъ о спасении, припадок черной ревности, которой Пушкин был подвержен, мать героини—ведьма, это—Елизавета Марковна Оленина, которая искала дочери выгодную партию и была грубой с Пушкиным. Папаша обозван взяточником и отравлен женой-ведьмой совместно с ее любовником. См. Пушкин об Олениной в «Онегине»<sup>20</sup>. Недурные папа и мама у Ангела. В 1830 г. сама Анна Алексеевна— «вся в отца и в мать». Все это *настоящее*, т. е. 1828 г.

К недавнему прошлому восходят отношения с Варфоломеем. В них нетрудно распознать тяжелый

и ни в чем не растворимый сгусток — Демон — Друг — Предатель — Раевский\*, есть даже словесное совпадение с стихотворением «Коварность»: <Павел> «отскочил, как от лютой змеи» <от Варфоломея>.

NB. Не надо ни минуты забывать, что мы имеем топорную копию Титова с зашифрованного подлинника Пушкина, но придумывать за Пушкина Титов, конечно, не может.

Когда свою он от руки твоей,  
Как от змеи, отдернет с содроганьем...  
(«Коварность», 18 октября 1824 г.)

Затем Варфоломей именуется коварным.

Рассказ произнесен для девичьего слуха (или записан). Нетрудно догадаться, куда водит Варфоломей Павла, в каких проделках он его обвиняет (ночная гульба). Не следует обойти молчанием и следующую подробность. (Если это подробность.)

В маленькой трагедии (в прозе), которую придется условно именовать «Мы проводили вечер на даче...», Пушкин рассказывает, как Алексей Иванович занимает общество историей Клеопатры (в прозе и стихах), а Титов (Вершнев), московский архивный юноша (и ученик иезуитов), удивляет всех своей всемирной ученостью. Все это делается только для того, чтобы услышать роковое *да* дамы с огнен-

\* Открытие этого пушкинского приема <«теневого портрета»> принадлежит С. Бонди. Он заметил, что под видом похвал Инзову Пушкин поливает грязью Воронцова («Воображаемый разговор с Александром I»). В нашей строфе дело обстоит примерно так же: Онегин не делал того-то и того-то, что, очевидно, делал кто-то, и, что для нас самое главное, Онегин  
Не посвящал друзей в шпионы...—  
вот все разговоры о «малодушии» Пушкина и его «характере». Вот что повторил Раевский, о чем узнал Пушкин и чего он не мог ему простить. Строфа не вошла в печатный текст<sup>21</sup>.



ными глазами. Не хотел ли Пушкин и в 1828 году в своей петербургской повести сказать что-то какой-то даме, присутствующей на вечере? Может быть, не случайно Титов в глубокой старости вспоминает, что в тот вечер была дома Екатерина Николаевна Карамзина, которую Пушкин обожал?..

Здесь не лишнее напомнить, что написанную в 1824 году в Одессе «Клеопатру»<sup>22</sup> Пушкин снова берется обрабатывать в 1828 году, что Закревскую он просто называет Ниной Воронскою — «Сей Клеопатрою Невы», что у Каролины Собаньской были *огненные глаза* и она была вдова по разводу, как героиня маленькой трагедии «Мы проводили вечер на даче...». Итак, и Клеопатра Невы, и графиня И. — это кто-то из этих дам, а еще вернее, желанье Пушкина изобразить в противовес светлой и чистой Татьяне страшную, темную, грешную женскую душу.

<...> Из всего этого явствует<sup>23</sup>, что было время, когда Пушкин уже разочаровался в родителях, но был еще очарован А. А., а сама она еще казалась ему прелестнейшей из всех женщин, и ей он почти молился. Вот это время и есть время сочинения «Домика» и рассказа его у Карамзиных и еще где-то (воспоминания Керн). Уже примерно через год он узнает все и о самой Олениной (см. «Роман в письмах» 1829 г., работы Зенгер-Цявловской). (Цитата): «Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем, очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая лю-

бовь против него не устоит. Это испытал я с Еленой\*\*\*, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало». В женщине, в которую поэт был влюблен без памяти, которая приняла его нежность за грубость, которую Пушкин назвал было О., а затем Елена, нельзя не узнать Олениной<sup>24</sup>.

Проходит еще год, и на рауте в 8-й главе «Онегина» Пушкин с омерзением говорит обо всей семье («Тут Лиза Лосина была»)<sup>25</sup>.

Все это в конце концов окажется истиной, придут откуда-то еще новые подтверждения.

Но что, милый читатель, вы скажете о развязке петербургской повести Тита Космократова?

Кажется, чего проще, чего банальнее...

После смерти Веры Павел сходит с ума. Но почему, скажите мне, он делает это точь-в-точь как самый знаменитый московский богач Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, основатель и глава тайного додекабрьского общества Русских рыцарей, которого Пушкин считал одной из центральных фигур 1812 года, о чем сказано в «Рославле» (1831 г.). (Цитаты) <«Везде толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем»>, друг и единомышленник <М. Ф.> Орлова. В снаряженном на его деньги полку служил кн. Вяземский и в это время дружил с графом. Н. В. Герцен о Мамонове<sup>26</sup>.

Лотман считает, что сумасшествие Мамонова было вроде гамлетовского (во всяком случае, вначале) или чаадаевского. В 1826 г. Мамонов отказался

присягать Николаю I. С ним обошлись как с душевнобольным, но держали как арестанта, Мамонов уехал в свою подмосковную, отрастил бороду, сделался человеком-невидимкой, подписывал бумаги не своим именем, запрещал упоминать при нем *о государе*, государыне и вел. князьях, избил лакея (все это делал и Павел «Домика»).

Кроме того, Павел приходил в исступление при виде (где он его брал в своей подмосковной?) высокого белокурого молодого человека с серыми глазами.

Весьма таинственный блондин!

Но здесь нельзя не вспомнить, что Пушкину была предсказана гибель от белокурого человека, а что Николай I был совсем белокурый и у него были серые глаза. Когда Пушкин в 26 году впервые увидел государя в Москве в Кремлевском Дворце, он вспомнил об этом предсказании и говорил об этом друзьям.

*Н.В. (И опять, что Мамонов запрещал упоминать при нем о государе.)*

А 1828 год был годом взятия Пушкина под тайный надзор и год, когда «Гавриилиада» дошла до правительства. Поэт ждал новой ссылки «прямо, прямо на Восток».

20 апреля 1963 ·  
Ленинград

PS. Одновременность влюбленности Пушкина в Оленину и Закревскую и то, что он, конечно, бешено ревновал обеих, должна была несколько стеснять рассказчика «Домика», так как такая одновременность несколько противоречит правилам фантастической сказки. Там влюблен — так влюблен.

Не так бывает в жизни и в особенности с лирическими поэтами. Оленина—Вера была надеждой на спасение, очищение, прощение. Та, другая, Закревская—графиня И. повести,—водила его по опустошенным кругам своей обугленной души. Это была дама с огненными или влажными черными глазами (полу-Закревская, полу-Собаньская), та, которая в «Маленькой трагедии» скажет *да*, т. е. потребует, чтобы он убил себя, это, одним словом, современная Клеопатра.

Итак, судя по всему, Пушкин рассказал у Карамзиных «Домик», когда он был еще без памяти влюблен в Оленину, но уже знал все об ее родителях, когда его терзала какая-то Клеопатра Невы, которая тоже появится во всей красе в 8-й главе «Онегина» (1830 г.). (Цитата: «Нина входит»...) Но ей он не мстит ни в стихах, ни в прозе. (См. «Роман в письмах», 1829. Елена—Оленина. См. дневник Олениной: «У Пушкина роман с Закревской»).

## 10

Итак, «Домик», говоря иными словами, это повесть о том, как поэт в 1828 году погибал в чьих-то сетях, ревновал, метался, бился.

Как изменили и дружба и любовь, как он был виноват, как какой-то темный спутник предавал его, как демоница над ним издевалась, как единственная надежда—Вера—была у него отнята, отчасти по его же вине. А высший свет, куда его вводит сатана, оказывается филиалом ада.

Это главная линия повести, которая во всех деталях совпадает с тем, что (судя по стихам) происходило с Пушкиным.

Для кого он ее рассказал?—Конечно, не для Анны Алексеевны Олениной. Для самой демоницы? Сомневаюсь.

22 апреля 1963

Р. С. Самое таинственное для меня—это развязка. Может быть, Титов, когда было нужно изобразить безумие, просто записал все слухи о Дмитриеве-Мамонове. Как недавний москвич, он должен был быть «хорошо» осведомлен. <...>

Думаю, что в описании болезни и смерти старухи и в рассказе пожарного Пушкин неповинен. <...>

Там что-то очень длинно, скучновато и однообразно.

Болезнь Веры тоже описана трафаретно. Лобовая мораль—враждебна Пушкину. Вообще участие Титова было, несомненно, очень значительным. <...>

## 11

*Может быть, примечание*

Мне кажется, мы еще в одном очень виноваты перед Пушкиным. Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. Приведу как пример стихи к Олениной. Что может быть пронзительней и страшней этих воплей воистину как-то гибнущего человека, который взывает о спасении, взывает к чистоте невинности\*. («И твое воспоминанье <Заменил душе моей Силу, гордость, упование И отвагу юных дней».— «Предчувствие»>). Это настоящее SOS.

\* А мы деловито комментируем: «В это время поэту угрожала ссылка за „Гавриилиаду“».

А «Воспоминание», когда в бессонную петербургскую ночь 19 мая поэт клянет что-то, рыдает над чем-то — не видит выхода.

Вообще мой лозунг: «Побольше стихов — поменьше III Отделения». Потому что из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал — во всей многопланности пушкинского слова и с сохранением его человеческой интонации, а из III Отделения, как известно, ничего не может возникнуть.

*21 апреля 1963*

*Ленинград*

## ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ\*

<1> О смелости выражений: «Адское пламя давало разглядеть вечную тьму преисподней». Ср. Voltaire «Sur la liberté des expressions»\*\*.

Истинная смелость самого Пушкина: «Великолепный мрак...» и «сумрак ваш священный».

*«Адское пламя... преисподней...» — цитата из заметки Пушкина «Есть различная смелость...» (в «Материалах к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“ 1827 года): «Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней» (XI, 61). Источник фразы Вольтера установить не удалось.*

*Примеры из поэзии Пушкина взяты из стихотворения «В начале жизни школу помню я...» (III, 254):*

*И часто я украдкой убежал*

*В великолепный мрак чужого сада—*

*и из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (III, 189):*

*Сады прекрасные, под сумрак ваш священный*

*Вхожу с пониженной головой.*

<2> Сон Сарданапала — разъяснить недоразумение.

*См. упоминание сна героя трагедии Байрона «Сарданапал» в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях Пушкина» (1827 г.): «Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время Суворовских войн. В лице Нимферода изобразил он (Байрон.— Э. Г.) Петра Великого (XI, 55). Комментаторы указывают, что Пушкин имел в виду гравюру, изданную не в*

\* Данный раздел книги подготовлен совместно с В. Э. Вацуро.

\*\* Вольтер. О смелости выражений (фр.).

Варшаве, а в Лондоне 7 января 1795 г. На ней изображен Суворов, подносящий Екатерине головы женщин и детей — трофеи после «капитуляции Варшавы» (Пушкин А. С. Соч. Л., 1929. Т. IX (2). С. 94—95). Указывалось также на бесспорное сходство образа Нимврода с памятником Петру Великому работы Б. К. Растрелли (поставлен в Петербурге в 1800 г. перед Инженерным замком). Замечено также, что второй призрак, явившийся во сне царю Сарданпалу, — т. е. образ Семирамиды — может быть сопоставлен с Екатериной II. Но эти наблюдения не доведены до конца и система политических намеков, принятая Пушкиным в его заметке о Байроне, осталась неразъясненной. Доказывая двуплановость «Сказки» Пушкина, то есть видя в образе царя Дадона сатиру и на Александра I и на Николая I, Ахматова попутно раскрывает зашифрованный смысл заметки Пушкина о Байроне. В черновом наброске к статье «Последняя сказка Пушкина» она писала: «Можно предположить, что Пушкин, знавший Ирвинга как мистификатора и сатирика, просто заподозрил в его сказке политические намеки. Нам известен такой случай: в сне Сарданпала Пушкин видит Петра I и Екатерину II».

По всей вероятности, Ахматова намеревалась разъяснить это «недоразумение», допущенное в комментариях к заметке Пушкина.

Если обратиться к трагедии Байрона, можно понять отношение Пушкина к историческим фигурам Петра I и Екатерины II. Хотя «взор недвижный» Нимврода был «страшен», он все же оставил по себе память «героя», в то время как Семирамида — «в пятнах крови... со мстительной усмешкой и похотливым взором» — внушала ужас.



<3> Объяснение к стихотворению «Нет, я не дорожу...» — влияние только что прочитанного Делорма. В этом стихотворении Делорм, описывая свою музу, говорит, что она не пляшущая с открытыми грудями одалиска и не молящаяся на феодальной могиле (*le front sur le marbre\**), как Д<она> Анна, владелица замка, а скромная девушка, которая во всякую погоду стирает белье в ручье и ухаживает за своим безумным отцом. Она умирает от чахотки, как Инеса, а могла (как Лаура) иметь успех и серенады поклонников и слушать *sent braves\*\** своей игре на арфе. Вот что Пушкин пишет об этом стихотворении: «...мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестью описывает он, например, свою музу!» («*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*» — II, 5; VII, 238).

Статья Пушкина «*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*» (XI, 195), где цитируется стихотворение Делорма (Сент-Бева) «*Ma muse*», напечатана 5 июня 1831 г.; познакомился же со сборником Пушкин ранее, возможно, вскоре после его выхода в 1829 г. (см. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 362). Стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» датируется 1831 или 1832 г.

Ахматова устанавливает связь не только между этими двумя стихотворениями, но обнаруживает отклики на Делорма и в «Каменном госте». Таковы обращения Дон Гуана к Доне Анне в сцене III («склонившись тихо, Вы власы на мрамор бледный Рассыплете» и «Сюда, на этот гордый гроб Пойдете

\* Склонившись лицом на мрамор (фр.).

\*\* Сотни bravo (фр.).

кудри наклонять и плакать» — VII, 154, 156). В сцене II Лаура поет, аккомпанируя себе на гитаре, вызывая восклицания гостей: «O brava! brava! чудно! бесподобно!» (VII, с. 145). Ср. у Сент-Бева: «Elle eût pu... de sa harpe d'or éveillant cent rivaux. Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos» («Она могла бы... возбуждая своей золотой арфой сотни соперников, Видеть одну лишь улыбку среди бесчисленных рукоплесканий»).

<4> «О Мильтоне и переводе Шатобриана». Доказываю, что это такой же пастиш, как и «Последний свойственник». (Тема — независимость поэта).

Упомянутая Ахматовой заметка Пушклина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (XII, 153), написанная в последние недели жизни поэта, представляет собой «пастиш», т. е. литературную имитацию. Это было установлено в 1928—1929 гг. (см. Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 190—198 и коммент. Н. К. Козмина в кн.: Пушкин А. С. Соч. Л., 1929. Т. IX (2). С. 981—982). Но Ахматова усмотрела в этом «пастише» подтекст, связанный с отношением Пушкина к Дантесу (см. в настоящем издании с. 247). В тот же предсмертный свой период Пушкин работал над статьей «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (XII, 137). Анна Андреевна находит и здесь автобиографический подтекст. Критикуя образ Мильтона, выведенный в произведениях Виктора Гюго и А. де Виньи, Пушкин рисует свой идеал поведения и положения поэта в обществе: «Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как заезжий фигляр и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением

стихов, писанных на языке, не известном никому из присутствующих... в обществе играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека».

Свои наблюдения Ахматова бегло законспектировала в 1959 г. Мысли эти нашли свое развитие и подтверждение в работах Д. Д. Благого (см. в его книге «*Душа в заветной лире*» главу «*Главою непокорной (Ключ к последнему произведению Пушкина)*». М., 1977. С. 430—450). Подробнее об этой статье Пушкина см.: Гилельсон М. И. *Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»* // Пушкин. Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 231—240).

#### <5> Мадонна и Рыцарь бедный — Ваккенродера.

Это чрезвычайно интересное указание вводит в круг источников стихотворения Пушкина «*Жил на свете рыцарь бедный*» (1829) мотив существенно важный, не отмеченный исследователями (см. подробный анализ истории этого сюжета в статье: Якубович Д. П. *Пушкинская «легенда» о рыцаре бедном* // *Западный сб.* I. М.; Л., 1937. С. 227—256). Речь идет о «*Видении Рафаэля*» в книге В. Ваккенродера и Л. Тика «*Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного*» (1814), переведенной в 1826 г. С. Шевыревым, В. Титовым и Н. Мельгуновым и сыгравшей важную роль в истории русского романтизма: по-видимому, проблематика ее отразилась в «*Моцарте и Сальери*» (см. коммент. М. П. Алексеева к этой трагедии в издании: Пушкин А. С. *Драматические произведения.* М.; Л., 1935, Т. VII. С. 538 и след.). Согласно Ваккенродеру, в душе Рафаэля «от самой нежной юности всегда

пламенело... особенное святое чувство к матери божьей»; «даже иногда громко произнося ее имя, он ощущал грусть душевную»; однажды ночью он был привлечен «светлым видением» богоматери; «видение навеки врезалось в его душу и чувства», и он осуществил свою мечту—перенести этот образ на полотно («Об искусстве и художниках...» (цит. по переизд.: М., 1914. С. 6—8). В тексте Пушкина—прямые реминисценции: «Он имел одно виденье, Непостижное уму, И глубоко впечатленье В сердце врезалось ему» (III, 161). Добавим к этому, что «безумцем, аскетически посвятившим жизнь одной идее (в данном случае—идее служения искусству), является в книге Ваккенродера и Иосиф Берглингер («Музыкальная жизнь художника Иосифа Берглингера»); в этой части книги приведена целиком любимая героем оратория «Stabat mater dolorosa», посвященная деве Марии (в вариантах пушкинской «легенды» девизом «рыцаря бедного» служат слова «mater dolorosa», восходящие к этому гимну).

<6> О природе пушкинских самоповторений.

Формы пушкинских самоповторений: 1) Традиции. 2) Восхождение к одному и тому же образу.

<7> Словарь элегий и од (суженный) и словарь дружеских посланий (обширный).

<8> Остатки французской рифмы. Напр<имер>: «rivage—sauvage. Abeille—vermeille, Poésie—banquet d'ambrosie (fr.)»\*. Отсюда: дикий берег, над розой алой, пир воображения...

\* Берег—дикий, пчела—алый. Поэзия—пир богов (фр.).

См.: «Жужжанью пчел над розой алой» («С Гомером долго ты беседовал один» — III, 286); («И музу призывал На пир воображенья», «К моей чернильнице» — III, 182); также «Разговор книгопродавца с поэтом» (III, 325).

<9> Ainsi — как начальное слово эпилога.

См. эпилоги «Руслана», «Кавказского пленника» и «Цыган».

«Руслан и Людмила» (IV, 86):

*Так, мира житель равнодушный,  
На лоне празднои тишины  
Я славил лирою послушной  
Преданья темной старины...*

«Кавказский пленник» (IV, 113):

*Так Муза, легкий друг мечты,  
К пределам Азии летала.*

«Цыганы» (IV, 203):

*Волшебной силой песнопенья  
В туманной памяти моей  
Так оживляются виденья  
То светлых, то печальных дней.*

<10> Qu'un autre (античная традиция) Гораций I.VII. (Laudabunt alli claram Rhodon)\*. Отсюда: «Пускай их Батюшков поет».

«Пускай их Батюшков поет» — строка Пушкина из черновых вариантов «Разговора книгопродавца с поэтом» (II, 341).

<11> Одические начала

Да. См. Lebun (54, 127) — Да, слава в прихотях вольна.

\* Пусть другие воспевают славный Родос (лат.).

Нет. См. Lebrun (66, 112)—Нет, я не льстец.

Oh, toi qui. См. Lebrun (51, 64)—О ты, который сочетал...

Примеры, приведенные Ахматовой из Пушкина, см.: «Герой» (1831; III, 251); «Друзьям» (1828; III, 89); «Баратынскому» (1827; III, 85).

Ссылки Ахматовой на Лебрена, сделанные по четырехтомному изданию «Oeuvres de Le Brun» (t. I, Paris, 1811), раскрываются так:

*Oui, je les romps, Beauté funeste...*—Да, я разорвал их, губительная красота... (Кн. I. Ода XX); *Oui, chastes Nymphes de Mémoire!*—Да, чистые нимфы воспоминания! (Кн. II. Ода XVI); *Non, ce n'est point des Rois l'orgueilleux apanage.*—Нет, не горделивое наследие королей (Кн. I. Ода XXIV); *Non, le Tokai, la Malvoisie.*—Нет, ни токай, ни мальвазия (Кн. II. Ода XII); *O toi qui viens avec Zephyre.*—О ты, что приходишь вместе с зephyром (Кн. I. Ода XVIII); *O toi que Pathos adore.*—О ты, кого обожествляет Пафос (Кн. I. Ода XXIII).

<12> Tandis que—Одическое начало (См. А. Шенье. Ода. III. Корде «Tandis que partout...»)\*.

См. также Lebrun «Tandis que la Tamise»\*\*.

Отсюда «Меж тем, как удивленный мир...» Вольтер уже пародирует это начало (где), пародически оно и у Пушкина: «Меж тем, как генерал Орлов...»

См. оду Шенье «A Charlotte Corday» и Лебрена «Ode nationale contre l'Angleterre» (Кн. VI. Ода XVIII). Пушкинские цитаты из «Андрея Шенье» (II, 397) и «В. Л. Давыдову» (там же, с. 178).

\* В то время как повсюду (фр.).

\*\* В то время как Темза (фр.).

<13> Les pas odorants—оленя след пахучий (Шенье).

В этой заметке устанавливается фразеологический аналог у Пушкина и в неоконченной философской поэме Шенье «Гермес» («Hermès»), задуманной как история человеческой цивилизации; впрочем, фрагмент, о котором идет речь (см. *Poésies de André Chenier... Paris, 1841. P. 200—201*), был опубликован Сент-Бевом лишь в 1839 г.:

*Ainsi, dans les sentiers forxt naissante,  
A grand eris élancée, une meute pressante,  
Aux vestiges connus dans les zephyrs errants,  
D'un agile chevreuil suit les pas odorants.  
(Так, на тропях подрастающего леса,  
Побуждаемая громкими криками назойливая свора  
По знакомым запахам, блуждающим в воздухе,  
Преследует по пахучему следу проворную косулю).*

Ср. набросок Пушкина 1836 г. (III, 419):

*Напрасно я бегу к сионским высотам,  
Грех алчный гонится за мною по пятам,  
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,  
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

<14> Aurora borealis (северное сиянье) <лат.>. См. «Don Juan» Байрона. У Пушкина дважды: 1) Навстречу северной Авроре; 2) Авророй северной явись.

См. «Дон Жуан» песнь VII строфы 1—2. Описание северного сиянья есть у Байрона также в «Видении суда» (строфы XXVII—XXVIII).

Строки Пушкина взяты из «Зимнего утра» (не совсем точно):

1) ...Открой сомкнуты негой взоры  
Навстречу северной Авроры,  
Звездой севера явись!

2) варианты черновые (III, 767):

*Навстречу северной Авфоры*

*Как ангел севера явись*

\* \* \*

*Авфорой севера явись*

\* \* \*

*Звездой северной явись.*

<15> *Ventus niger* — вихорь черный (Анчар).

*Ventus niger* (лат.) — см. Гораций (Кн. I. Ода V).

<16> Бога полн. См. Гораций I.III.XIX. Дифирамб *Plenoque Vacchi*: — «*Quo me Vacche rapis tui plenum*» (I.III.XXV), а также Ног. I.I.XIX. *In me tota ruens Venus Cyprum deseruit...*\*\* , но и у Горация это уже традиция, идущая из Греции. У Пушкина «Пока не требует...» в черновике «Бога полн».

Цитаты из стихотворения Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...» — III (2), 599). Здесь ошибка памяти: метонимического словоупотребления «Бога полн» в черновиках этого стихотворения нет. Существует еще одна заметка А. А. Ахматовой (на обороте одной из черновых вставок к статье «Каменный гость») — «„Бога полн“ у Шенье» («*plein du Dieu*»). Такая строка встречается в «неизданных стихах» Андрея Шенье, записанных Пушкиным в имевшемся у него издании Шенье 1819 г. (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание // Пушкин и его современники. Спб., 1910. Вып. 9—10. С. 192. № 736). Стихи

\* Вакх, я полон тобой! Куда увлекаешь меня (Кн. III. Ода XXVI; пер. О. Ф. Церетелли).

\*\* И бессилен пред натиском Я Венеры: она с Кипром рассталась (Пер. А. П. Семенова-Тяньшанского).



эти были переведены Пушкиным («Близ мест, где царствует Венеция златая», 1827; 66); указанное выражение передано: «...и тихой музы полн».

<17> Aimables ignorants (Парни) — «милые невежды» («Евг. Он.»), «беспечные невежды» («Была пора», 1836).

Ср. у Парни: «*Avec quels soins au terme du bonheur Je conduisis ton ignorance aimable!*» («*Retour à Eléonore*»). «*Ne perdez point votre aimable ignorance*» (С какими заботами я вел к пределу счастья твое милое неведение! Не теряй своего милого неведения). Ср.: *Oeuvres diverses d'Evariste Parny. Paris, 1812. T. 1. P. 56, 33.*

Цитаты из Пушкина:

«Евгений Онегин» — гл. II, строфа VII:

*Он сердцем милый был невежда...*

«Была пора: наш праздник молодой...»:

*Тогда, душой беспечные невежды,  
Мы жили все и легче и смелей.*

<18> Voltaire: vous allez graver votre nom sur les débris de l'Angleterre... (1756) («Sur la conquête de Mahon»).

И на обломках самовластья  
Напишут наши имена...

+ Вольтер: Вы напишите ваше имя на обломках Англии... (на завоевание Магона) (фр.).

Цитаты из послания Вольтера к Ришелье (À. M. le duc de Richelieu sur la conquête de Mahon. Mai, 1756 // *Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1910. V. IX. P. 283* — и из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (1818; II. С. 72).

<19> Вольтер в «Деревне» Пушкина (*Le fils de mon manoeuvre á ses études élevé... va grossir l'armée des laquais et pages* — идут собою множить...). Дословный перевод.

Ср. в «Деревне» (II, 90):

*Опора милая стареющих отцов,  
Младые сыновья, товарищи трудов,  
Из хижинки родной идут собою умножить  
Дворовые толпы измученных рабов.*

По указанию Ахматовой эти стихи — реминисценция из стихотворения Вольтера «*AM. de Saint-Lambert*» (1769). Вольтера Ахматова цитирует неточно, видимо, по памяти; следует: «*Le fils de mon manoeuvre en ma ferme élevé... Des laquais de Paris s'en va grossir l'armée. Oeuvres complètes de Voltaire, t. IX, Paris, 1910, p. 310, возможно, цитата из Вольтера контаминировалась здесь с формулой Буало из сатиры IX: «...des laquais et des pages».*

<20> Заклинание и конец Гяура.

Ср. строки из стихотворения Пушкина «Заклинанье»:

*...О, если правда, что тогда  
Пустеют тихие могилы...*

со строками из «Гяура» Байрона:

*If true, and from thine ocean-cave  
Thou comest to claim a calmer grave*

(Если правда, что из твоей океанской пещеры Ты приходишь просить более спокойной могилы...) или пушкинские строки:

*Приди, как дальняя звезда,  
Как легкий звук иль дуновенье,  
Иль как ужасное виденье,  
Мне все равно...*

со строками из «Гяура»:

*Ah! were thy beauties e'er so gold  
I care not...*

(Ах, если даже твои красы столь же холодны, Мне все равно...)

<21> But this will be a mournful tale («Гяур»)  
(Печален будет мой рассказ.)

Ср.: «No more her sorrows I bewail, Yet this will be a mournful tale» («Гяур» Байрона; см.: *The Complete works of Lord Byron, in one volume. Paris, 1835. P. 219* и «Медный всадник» — V, 137).

<22> Дон Жуан Байрона в «Нулине» (canto V):  
(And asked now and then for cast off dresses).

Цитата из «Дон Жуана» Байрона (песнь II, а не V), строфа CLXXXII (исправляем неточность в передаче текста, приведенного Ахматовой по памяти). Характеристика Зои (служанки Гайдэ) у Байрона имеет точки соприкосновения с описанием Парашки в «Графе Нулине». Ср.:

*She waited on her lady with the sun,  
Though daily service was her only mission,  
Bringing warm water wreathing her long tresses  
And asking now and then for cast-off dresses*

(Она ждала свою госпожу с рассветом.

Хотя дневная служба была единственной ее обязанностью,

Принося теплую воду, заплетая ее длинные косы,

И прося то и дело изношенного платья).

У Пушкина (V, 8):

*Шьет, моет, вести переносит,  
Изношенных капотов просит.*

<23> Предисловие к Онегину и Буало (Sous un voile...)

Ср. в черновой рукописи Предисловия к гл. I «Онегина»: «Смело предлагаем им произведение, где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные...» (VI, 528). Ср. тот же оборот в послании «К Каверину» («Ум высокий можно скрыть Безумной шалости под легким покрывалом») (II, I, 27 и I, 238). Какая цитата из Буало имеется в виду — неясно.

<24> ...воскресил  
Корнеля гений величавый  
см. Буало <...>

Ср.: «Евгений Онегин», гл. I, строфа XVIII (VI, 12). Источник этих строк у Буало нами не разыскан. Отдаленное сходство встречается в послании Буало к Расину: «*Toi donc qui, t'élevant sur la scene tragique, Suis le pas de Sophocle, et, seul de tant d'esprits, De Corneille vieilli sais consoler Paris*»\*. Но внимание Ахматовой, очевидно, было направлено не на упоминание Корнеля, а на устойчивый фразеологизм, использованный Пушкиным неоднократно. См. в неосуществленном послании к «Зеленой лампе» 1821 г. — «Младой Катенин воскресил Эсхила призрак величавый» — и в послании к Гнедичу 1821 г. — «О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый». (см.: Бонди С. Черновики Пушкина: Ст. 1930—1970 гг. М., 1971. С. 106, 108).

<25> «Когда за городом задумчив я брожу...»

См. Legouvé. Cimetière de village отнюдь не как источник, а как вероятную традицию, которую Пушкин не мог не знать.

\* Ты, кто возвысься на трагической сцене, следуешь по стопам Софокла и, единственный среди стольких умов, умешь утешить Париж в том, что Корнель устарел (фр.).

<26> Элегия Пушкина («Купить хоть слово дeвы милой, хоть легкий звук ее шагов»). Ср. с элeгией Грессе...

Элегия Пушкина—это «К xxx» («Зачем безвременную скуку...» 1820; II, 144). В экземпляре сочинений Пушкина, принадлежавшем Ахматовой, отчеркнуты строки:

Когда изгнаньем и могилой,  
Несчастный, будешь ты готов  
Купить хоть слово дeвы милой,  
Хоть легкий шум ее шагов.

Элегия Грессе—«*La chartreuse*» («Обитель»); в XX послании, представляющем собою фрагмент «Обители», есть строки: «*Je voudrois de toute ma vie Acheter un de vos instants!*» («Я хотел бы всей своей жизнью Купить одно ваше мгновенье!»). Реминисценции из этой элeгии ощущаются и в других строках пушкинского стихотворения. Ср.: «Один в тиши пустых полей Ты будешь звать воспоминанья потерянных тобою дней» со строками Грессе: «*J'allois racheter en silence La perte de mes premiers jours*» («Я хотел бы выкупить в тишине Потерю моих ранних дней») и т. д. (*Oeuvres de Gresset. Paris, 182. I. P. 250 et 50*)

<27> Экушар Лебрeн (эпиграмма: «*Parnasse est vieux*») сравнить с октавой «Домика в Коломне».

Эпиграмма Лебрeна «*Le nouveau Parnasse*» (кн. I, эпигр. LXXXIV):

*Parnasse est vieux; ses neuf, vieilles puceles  
Font radoter la lyre d'Apollon;  
Des lauries seés nourri dans leur vallon,  
Leur vieux Pégase est decrepit comme elles  
Leur vieux Permesse est la source d'ennui:  
Un autre Pinde il nous faut aujourd'hui.*

*Renoulevons le poetique Empire;  
Du vieux Phebus rajeunissons la cour:  
Je ne veux plus d'Apollon que l'Amour;  
Je ne veux plus de Muse que Thémire*

(Парнас стар; девять старых дев заставляют лиру Аполлона брэнчать одно и то же; вскормленный сухими лаврами в их долине, их старый Пегас одряхлел, как и они сами. Их старый Пермес — источник скуки; ныне нам приличествует новый Пинд. Обновим поэтическую империю; омолодим двор старого Феба. Я не хочу иного Аполлона, кроме Амура, и иной музы, кроме Темиры).

Ср. в «Домике в Коломне» (V, 85):

...Пегас

*Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец  
Иссох. Порос крапивою Парнас;  
В отставке Феб живет, а хороводец  
Старушек муз уж не прельщает нас.*

<28> Lebrun à Palissot (Lettres, pages...).

Письма Понса Дени Экушара Лебрена к французскому комедиографу Ш. Палиссо касаются французской литературной жизни XVIII в. — Вольтера, Энциклопедии, читающей публики и т. д. См. *Oeuvres de Ponce Denis (Ecouchard). Le Brun. Paris, 1811. T. 5.*

<29> «Публика смотрит на вас как на свою собственность» («Ег<ипетские> н<очи>»). См. «Пелам»: «You became public property. (Одинаковая ситуация.) Там же. Отвод описания любовных бесед. Ср. «Барышня-крестьянка».

Ср. с началом I главы «Египетских ночей» (VIII (I), 263).

О «притворности» подробностей, рисующих зарождение и развитие любовного чувства, см. в «Барышне-крестьянке» (VIII (I), 117).

См. роман Бульвера-Литтона «Пелам, или Приключения джентльмена» (1828) главы XIV и XVIII— (*Pelham; or the Adventures of a Gentleman. Paris, 1832. P. 68, 197*). Рус. пер. Бульвер-Литтон. Пелам, или Приключения джентльмена. М., 1962. С. 118, 265.

<30> «Недвижный страж внимал на царственном пороге...» и письмо Вяземского к А. Тургеневу (Остафьевский архив).

См. письмо П. А. Вяземского из Варшавы 3 декабря 1820 г., где абсолютная власть Александра I в Европе сравнивается с владычеством Наполеона (Остафьевский архив. Спб., 1899. Т. II. С. 112).

<31> О красочных эпитетах у Пушкина. Отношение к ним в античной поэзии и у французских классиков. Романтики. (У нас — Державин). «Мороз и солнце...» — красочные эпитеты от только что прочитанного Делорма.

«Мороз и солнце...» — первое полустихие из стихотворения Пушкина «Зимнее утро». О влиянии Делорма см. выше.

<32> Петербург I главы «Онегина» и Петербург «Медного всадника». (Первый — милая родина глазами юного изгнанника, второй — свинский Петербург писем, мрачный и беспощадный, как в «Шинели» Гоголя — см. Петербург «Пиковой дамы», — где ветер,

Клубя [подолы] капоты дев ночных  
[Да окликают] И заглушая часовых...)\*

\* Еще один образ, который может занять почетное место в отделе «Sur la liberté des expressions», — Ветер, окликающий часовых... (Примеч. А. А. Ахматовой).

Вступленье (военная столица и т. д.), одическое великолепье и маскировка, оттуда и цветные эпитеты, от которых в тексте поэмы нельзя найти ни следа. И от всей онегинской пестроты и разнообразия — рестораны, балы, театр — остался только непроглядный мрак и шлюхи. Рыданье над человеком. Бездомность автора. Адрес Пушкина: угол Б. Морской д. Жадимировского — 1833 г., октябрь. Живет до половины мая (ст. стиля). Оттуда два шага до Адмиралтейства.

...и светла  
Адмиралтейская игла.

С 7 февраля ходит в архив — значит, мимо Петра. 6 июля родился сын Александр, т. е. наследник имени — новый Пушкин.

Пушкин, верно, не подумал, сколько пришлось бежать бедному Евгению через Васильевский остров. Там на трамвае едешь — так соскучишься (!).

*«Свинский Петербург» — выражение из письма Пушкина жене от 11 июня 1834 г. (XV, 158). Трактовка поэтического образа Петербурга в «Медном всаднике» как «мрачного и беспощадного», а вступления к поэме — как «одического великолепия и маскировки» близка к концепции Андрея Белого (см. его «Ритм как диалектика», Пг., 1929). О связи вступления в поэму с одической традицией см.: Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 4—5-е изд. М.; Л., 1939. С. 91.*

Вся заметка Ахматовой несомненно связана с ее работами, посвященными последним годам жизни Пушкина («Пушкин и Невское взморье», «Гибель Пушкина»). В одном из черновых набросков Ахматова сближает описание «ночного, мрачного пустого Пе-



тербурга» в «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина-Титова и в «Медном всаднике», не присоединяясь, однако, к мистической трактовке петербургской темы у В. Ф. Ходасевича (см. его книгу «Статьи о русской поэзии». Пб., 1922).

Указание на маршрут Пушкина («с 7 февраля ходит в архив») — ошибочно. Пушкин не посещал архив, а получал дела на дом (см.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 51 и след.).

«Клубя капоты дев ночных И заглушая часовых» — контаминация из черновых строк первоначальной редакции «Езерского» («Клубя капоты дев ночных и заглушая часовых» — (V, 390), «Медного всадника» (...ветер выл уныло, И с ним вдали, во тьме ночной Перекликался часовой...) — V, 146). См. также: «Клубя подол сифен ночных» (V, 392), «Клубя одежды...» (V, 390). Может быть, на Ахматову повлияла также строка из «Демона» Лермонтова: «Там метель дозором ходит... То песню долгую заводит, То окликает часовых».

<33> Реалии: общество игроков (Вяземский — жене), Английская набережная, живые картины и Станционный смотритель (у Смирновой), Николай I на набережной (у Цявловского).

По-видимому, имеются в виду бытовые параллели к ряду произведений Пушкина.

См.: «Гости съезжались на дачу»; «Государь, встретив ее на Английской набережной, целый час с нею разговаривал» (VIII, 39). В статье М. А. Цявловского «Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых» приведена мемуарная запись о встрече Николая I в 1828 г. на Английской набережной с кн.

Л. А. Хилковой, впоследствии ставшей его любовницей (см.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 247, 249). В записках А. О. Смирновой есть описание ожидания у станционного смотрителя, который характеризуется формулой «диктатора станции», употребленной Вяземским, а затем Пушкиным (Смирнова А. О. Записки. М., 1929. С. 241—242). Об «обществе игроков» см. следующую заметку и комментарий к ней.

<34> Об обществе игроков в письме Вяземского. Старуха Загряжская. Туалет при Пушкине. Картежница, отсюда старуха в «Игроке» Достоевского.

Ее русский говор. Старуха без внешности. Офицером инженерных войск был брат Дельвига (см. его мемуары).

О симметрии «Арапа Петра Великого» и «Пиковой дамы». Париж—герцог Орлеанский.

17 марта 1832 г. П. А. Вяземский рассказывает жене в письме из Петербурга о новом указе против азартных игр. Он сообщает: «Составились было компании игрецкие со значительным капиталом, которые, конечно, взяли бы все игры, игроков и деньги на откуп... Надо же каким-нибудь страстям волновать людей, а другой страсти в обществе нашем нет, как игра... вся знать, вся блестящая молодежь, весь дипломатический корпус так и стучали себе в крепс на обедах и вечерах» (Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 311—312).

В другом варианте данной заметки Ахматова уточняет свое наблюдение о говоре старой графини: «Русский докарамзинский язык (XVIII в.)—«вчерась...», а в ахматовском экземпляре однотомника Пушкина 1935 г. подчеркнуты примеры говора гра-

фини («Пиковая дама»), а также Н. К. Загряжской («Table-talk» — «Застольные разговоры»), которую А. А. Ахматова считала прототипом героини повести Пушкина. Приводим эти примеры:

Графиня: Был ты вчерась у\*\*\*\*? И, мой милый! Что в ней хорошего?.. Я чай, она уж очень постарела...

...только, пожалуйста, не из нынешних.

Пришли, батюшка, пожалуйста...

...Что ты, мать моя! Глуха, что ли?

— Успеешь, матушка.

...с голосу спала, что ли?

...что за вздор!

Это, матушка, несносно.

...вас не докличешься!..

<35> Пушкин и Достоевский. Речь Д<остоевского> о всемирности Пушкина. Выбрать из моей работы «Игрок» или «Дядюшкин сон». НВ. Две старухи и состарившийся Онегин.

Рукописи статей Ахматовой о Достоевском не разысканы.

<36> Германн у Бальзака и у герц<огини> д'Абрантес.

Речь идет о «Мемуарах» герцогини д'Абрантес (1784—1838), жены наполеоновского генерала Жюно. Она вспоминает об эпохе Империи и Реставрации. Установление связей образа Германна с содержанием указанных «Мемуаров» и произведений Бальзака — задача дальнейших исследований литературоведов.

<37> Пушкин в царскосельском парке: Ветхий пук дерев (ива у озера).

Живые воды (царскосельские водопады) (1836).  
Розовое поле («Гавриилиада»); «Евгений Онегин»,  
VIII гл.

На отдельном листке сохранилась более подробная запись Ахматовой: «Дряхлый пук дерев — только плакучая ива на берегу озера, которую помню еще в 90-х годах. Какие дряхлые пуки деревьев могли быть в Александровское время в Царскосельском парке?!»

У Пушкина «И дряхлый пук дерев, и светлую долину» («Царское Село», 1823; II, 285).

Ср. стихотворение Ахматовой «Ива» (1940) с эпиграфом «И дряхлый пук дерев», «Все души милых на высоких звездах» (1944; строка «У берега серебряная ива Касается сентябрьских ярких вод») и стихотворение из цикла «Городу Пушкина» — «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли».

Слова «живые воды» — из стихотворения Пушкина «Была пора: наш праздник молодой» (1836, III, 432). «Розовое поле» упоминается в автобиографическом отступлении «Гавриилиады» (IV, 368) и черновиках I строфы VIII главы «Евгения Онегина» (VI, 508). Ср. у Ахматовой: «Одичалые розы пурпурным шиповником стали» (в стихотворении «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли»).

<38> О переписке Пушкина как подспорье для исследователей. Показать, как из драгоценного источника южного периода она превращается в свою противоположность\*. Как письмо Катенина 183... (un sonnet, mon cher) кажется неприличным анахронизмом. Письмо Вяземского о «Капитанской дочке»

\* Вероятно, письмо о поездке к Филимонову; такая же мистификация, как письмо к тому же Вяземскому о Гавриилиаде и Горчакове...

(в другую заметку). В этом письме голос зависти, недоброжелательства и полного отчуждения.

«Письмо о поездке к Филимонову» — письмо Пушкина к Вяземскому, датированное около 25 января 1829 г. Речь идет об обвинениях Вяземского «в развратном поведении», связанных с его поездкой вместе с Пушкиным к В. С. Филимонову, редактору журнала «Бабочка» и автору поэмы «Дурацкий колпак».

*Un sonnet, mon cher* (сонет, мой милый) — неточная цитата из письма П. А. Катенина — Пушкину 4 января 1835 г. В подлиннике — «*Sonnet... c'est un sonnet*» (Сонет... это сонет).

Письмо П. А. Вяземского о «Капитанской дочке» — см. его письмо Пушкину от 3 ноября 1836 г.

Советуя Вяземскому обратиться к начальнику III Отделения, Пушкин вставляет в письмо несколько французских фраз, лестно характеризующих Бенкендорфа.

«...Письмо о Гавриилиаде и Горчакове...» — В письме Вяземскому 1 сентября 1828 г. Пушкин отрекался от авторства «Гавриилиады» в рассчитанной на перлюстрацию фразе: «...я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с Того света отстаивать права на свою собственность». Кн. Д. Горчаков — поэт-сатирик (1758—1824).

<39> Слово «иной» в пушкинском языке и в языке его современников (Вяз., Крылов, Грибоедов, Батюшков).

А я бы повару иному (Крылов о Барклае де Толли <в басне «Кот и повар»>).

Иного и разгневать можно

А Боже упаси того (Батюшков; кажется, окончание: «Видения на берегах Леты», по конт<ексту> письма «Остафьевск. Арх.».—Ал. I). <У Батюшкова: «Другого и обидеть можно...»>

Иной по армии, иной плохим поэтом

Иной... боюсь назвать, но признано всем светом (Ал. I). Грибоедов. «Горе от ума», действие III, явл. I.

Иной глубокий журналист («Евг. Он.»—Булгарин).

Сказка—ложь, да в ней намек

И иному и урок (Нат. Ник.).

Но с иным накладно вздорить («Зол<отой> пет<ушок>» — Ник. I).

Иной по липецкому тракту

Заехать к Талии хотел (Вяз<емский> «Ухабы» — Шаховской).

И нынче иная женщина дорого себя ценит (Мы проводили<вечер на даче> Дама говорит о себе).

Иных он очень отличал («Онег.», гл. II, строфа XV. Пушкин о себе см. выше.

Хоть, может быть, иная дама («Он<егин>», I гл., несомненно, чей-то сатирический портрет) см. выше.

Иных уж нет, а те далече («Он<егин>», VIII гл.—Пестель).

Иные берега, иные волны («Вновь я посетил...» — Черное море).

Иные нужны мне картины («Евг. Онег.» — русская деревня).

Ужель иных предметов не нашли («Домик в Коломне»).

<40> Еще один знакомый Пушкина

«...он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам» («Воображаемый разговор с Александром I», Михайловское, 1824)

«...je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient у promener parmi nous sa platitude et son baragouin» (Казначееву, июнь. В Одессе—Пушкин,—X, с. 88)

(«...мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной», с. 770). Слоан (англичанин-католик) (1794—1871) имел большой успех в высшем обществе (см.: Бутурлин. Мемуары. С. 441—442). В 1824—1825 гг. молодой Бутурлин находился в Одессе со своим воспитателем Слоаном (с. 53, гл. 36—39).

См. о Слоане в письмах Вяземской к мужу (из Одессы, 1824).

Итак, первый попавшийся английский шалопай, которого Воронцов предпочитал всем своим известным и неизвестным соотечественникам, был 30-летний красавец Слоан. Обращение с ним Воронцова и было причиной обиды Пушкина.

Выписка о Слоане: «Слоан имел большие успехи в высшем обществе» (с. 441—442. Мемуары Бутурлина).

«Воронцова считали либералом и англоманом» и т. д. «У него было 3 англичанина: 1) врач, 2) чиновник Джаксон, управляющий имением жены, и 3) конюх» (с. 30).

«Гр. Воронцов принял меня очень любезно и

расточался в любезностях перед моим наставником» (г. Слоан).

«Все мы, приближенные к нему, а также г. Слоан, ежедневно у него обедали, даже когда он отлучался из города, а поваром у него был французский кулинарный артист» (с. 16. Записки 1824—1827 года графа М. Д. Бутурлина, с. 30).

*Цитаты из Пушкина см.: XI, 23 и XIII, 95. «Записки» графа М. Д. Бутурлина, дальнего родственника Пушкина, об Одессе 1824 г. о своем гувернере Слоане см.: Рус. архив, 1897. № 3. С. 394—444 и № 5. С. 5—74. Письмо В. Ф. Вяземской мужу от 25 июля 1824 г. с характеристикой Слоана («тридцати лет, малый очень красивый и довольно умный, насколько может казаться умным англичанин, говорящий по-французски) см.: Остафьевский архив. Спб., 1913. Т. V. Вып. 2. С. 134.*



# ПРИМЕЧАНИЯ

В 1958—1959 гг. А. А. Ахматова работала над подготовкой сборника своих статей о Пушкине. Замысел книги отражен в плане, составленном весной 1959 г.:

## О г л а в л е н и е

- i. Две новые повести Пушкина. 1959 г.
- ii. О пушкинской хандре, 1959 г., и «Не посвящал друзей в шпионы...».
- iii. Marginalia и мелкие заметки, 1930—1950-е гг.
- iv. «Каменный гость», дополненный, 1947—58 гг.
- v. Глава из «болдинской осени» — 1958 г. (связь «Каменного гостя» с «Онегиным» через «Адольфа», о «Моцарте и Сальери» и т. д.). Или Пушкин и Достоевский, 1946, 1947... («Дядюшкин сон» и «Игрок». Речь о Пушкине).
- vi. «Адольф», 1936.
- vii. Главы из книги «Гибель Пушкина», 1946—1959 гг.

В таком составе сборник не был подготовлен, работа над статьями до конца не доведена. По мере появления в печати новых материалов менялся и замысел работы Ахматовой «Гибель Пушкина». В итоге она отказалась от намерения печатать цельное исследование о гибели Пушкина, решив выделить из своей работы несколько подтем, на которых покоилась ее художественная концепция дуэльной истории. В последние годы жизни Ахматова занялась также разработкой своих давних наблюдений над стихотворным отрывком Пушкина «Когда порой

воспоминанье...» («Пушкин и Невское взморье», 1963). Это натолкнуло ее на пересмотр повести В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском», написанной по устному рассказу Пушкина, и она начала работу над статьей «Пушкин в 1828 году», так и оставшейся незавершенной.

В плане 1963 г. предполагаемая книга о Пушкине озаглавлена «Заметки о Пушкине», что давало большую свободу в составе и размещении статей. В нее должны были войти:

1. Александрина.
2. Пушкин и молодежь (друзья).
3. Пушкин и Строгановы.
4. Оправдание поэта. Слово предоставляется Александру Сергеевичу Пушкину:
  1. На юге (2-я глава «Онегина») <«Не посвящал друзей в шпионы...»>.
  - II. Письмо Жуковского (донос Геккерна) <см. с. 339>.
5. Пушкин и Невское взморье.
6. Пушкин в 1828 г.

Сохранился план книги для миланского издательства:

«Пушкинский сборник для Милана:

1. Каменный гость.
2. Пушкин и Невское взморье.
3. Пушкин в 1828 г.
4. Александрина.
5. Пушкин и молодежь (*bande joyeuse*).
6. Пушкин и старшие.
7. Чаадаевская находка».

Статьи о Пушкине Ахматова предполагала включить в сборник своих стихов и прозы для Лениздата. Однако, как показывают сохранившиеся планы, намечаемый состав статей менялся.

Работа над книгой о Пушкине продолжалась вплоть до последних месяцев жизни Ахматовой. Материалы к ней содержатся в машинописях, тетрадях и блокнотах, находящихся в настоящее время в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) в Ленинграде и Центральном гос. архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве. Среди них можно выделить две вчерне законченные статьи — «Александрина» и «Пушкин и Невское взморье», несколько самостоятельных набросков статей, над которыми Ахматова работала в последние годы («Болдинская осень», «Две новые повести Пушкина» и др.). Статья «Гибель Пушкина», которую, как явствует из планов, Ахматова предпола-

гала разделить на несколько тематически связанных этюдов, осталась непереработанной; в бумагах Ахматовой сохранились многочисленные записи и черновые наброски, развивающие и уточняющие ряд положений этой статьи и далеко не всегда поддающиеся интерполяции в текст.

В первом разделе книги — «Статьи» — помещены законченные работы — как опубликованные при жизни автора (I), так и оставшиеся в рукописи (II). Во второй раздел — «Заметки» — вошли поздние дополнения к статьям, черновые наброски намечавшихся статей и заметки к ним.

Тексты напечатанных при жизни Ахматовой статей заново сверены с ее рукописями. Цитируемые рукописные тексты Пушкина публикуются в транскрипциях, которыми располагала Ахматова в годы написания работ.

Примечания включают текстологическую справку, в случае необходимости — указания на новейшую литературу по затронутым в тексте статей вопросам и пояснения историко-литературного характера. Особый характер носят примечания к работе «Гибель Пушкина». Эскизность изложения и обилие дополнительных набросков вызвали необходимость в ряде случаев привести последние и раскрыть цитаты из источников, упоминаемых Ахматовой.

В текстах Ахматовой ссылки на примечания составителя в разделе «Примечания» обозначаются цифрами.

Приношу свою живейшую благодарность В. Э. Вацуру, взявшему на себя труд просмотра рукописи книги, а также руководству ЦГАЛИ и Рукописного отдела ГПБ.

## СТАТЬИ

### 1

#### СЛОВО О ПУШКИНЕ

Печатается по журналу «Звезда», 1962. № 2. С. 171—172. С сокращениями напечатано в «Литературной газете» (1962. 10 февраля). Задумано было как заключительная глава статьи «Гибель Пушкина». Сохранился незаконченный черновой текст стихотворения (ЦГАЛИ), к которому восходят темы и образы «Слова о Пушкине»:

И отнять у них невозможно  
 То, что в руки они берут,  
 Хищно, бережно, осторожно  
 Как... . ...меж ладоней трут

.....поэта убили,  
 Николай правей, чем Ликург.  
 Через столетие получили  
 Имя — Пушкинский Петербург

Безымянная здесь могила  
 .....  
 Чтобы область вся получила  
 Имя «мученика сего».

26 декабря 1959

Составляя в августе 1965 г. план сборника своих стихов и прозы для Лениздата, Ахматова предполагала дать «Слово о Пушкине» в дополненном виде.

<sup>1</sup> Имеется в виду книга историка и литературоведа П. Е. Щеголева (1877—1931) «Дуэль и смерть Пушкина» (М.: Книга, 1987). В дальнейшем будет обозначаться — *Щеголев*.

<sup>2</sup> Имеется в виду Идалия Полетика, великосветская интриганка, одна из главных участниц травли Пушкина.

<sup>3</sup> Г. А. Строганов — влиятельный царедворец, был родственником жены Пушкина (двоюродный брат ее матери). Он и члены его семейства покровительствовали Геккерну и Дантесу.

<sup>4</sup> Графиня М. Д. Нессельроде — жена министра иностранных дел в правительстве Николая I, была злейшим врагом Пушкина.

<sup>5</sup> Крепче меди (*лат.*) — второе полустиишие первой строки оды Горация «*Exegi monumentum aere perennius*». («Я воздвиг памятник крепче меди»). Первое полустиишие той же строки Пушкин поставил эпитафией к своему стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

## ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА ПУШКИНА

Печатается по верстке с многослойной авторской правкой разных лет (ГПБ). Впервые опубликована в журнале «Звезда» (1933. № 1. С. 161—176).

В конце 50-х гг. Ахматова вернулась к этой статье: она намеревалась либо отказаться от ее переиздания, либо печатать в переработанном виде. В план книги о Пушкине 1959 г. она ее включила.

Исправления и дополнения, сделанные Ахматовой в верстке, мы включаем в основной текст, кроме тех, которые не поддаются полностью прочтению, и помет, стилистически не согласованных с текстом,—они приводятся в примечаниях. Перед заглавием статьи в верстке надпись: «Это представляет собою основные тезисы моей работы о Золотом петушке. В несколько сокращенном виде она будет напечатана в первом номере журнала „Звезда“». Очевидно, это вступительные слова доклада Ахматовой в Пушкинском доме (ИРЛИ АН СССР) 15 февраля 1933 г. (первый номер «Звезды» вышел в марте 1933 г.).

<sup>1</sup> Этому вопросу посвящено напечатанное посмертно новейшее исследование акад. М. П. Алексеева: «Пушкин и повесть М. Ф. Клингера „История о Золотом Петухе“» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л.: Наука, 1982. С. 59—95.

<sup>2</sup> В последние годы в советской и зарубежной арабистике появился ряд работ, посвященных установлению истоков ирвинговских новелл в фольклоре европейского средневековья и в арабских преданиях. См. указанное исследование М. П. Алексеева, где приведена соответствующая литература, а также заметки К. А. Бойко: «Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина» // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 113—119 и «Древнеегипетские истоки одного из мотивов „Сказки о золотом петушке“» // Временник Пушкинской комиссии, 1979. Л., 1982. С. 131—136.

<sup>3</sup> Вставка: «Хотя Пушкин мог уже в 1832 г. прочесть в *Journal des Débats, Revue de Paris* отзывы об Альгамбре <...>».

<sup>4</sup> Перевод: «Жил однажды мавританский король по имени Абен-Габуз... Это был завоеватель, уже удалившийся на покой,— другими словами, проведя все молодые годы в непрерывных набегах и грабежах, теперь состарившись и одряхлев, он ничего другого не желал, как жить со всеми в мире... безмятежно наслаждаться жизнью во владениях, некогда отнятых им у соседей. Случилось, однако, что этому королю... пришлось вести борьбу с молодыми соперниками... Некоторые отдаленные области его государства, которые в дни былой его мощи и пикнуть не смели под его железной дланью, вздумали бунтовать. И несча-

стный Абен-Габуз, которому, таким образом, грозили одновременно извне и изнутри, жил... в постоянных тревогах, не зная, с какой стороны ожидать ему нападения. Напрасно построил он сторожевые башни и повелел, чтобы особые войска постоянно охраняли все входы и выходы... Бывал ли когда-нибудь столь миролюбивый, живущий на покое завоеватель в более трудном положении, чем бедный Абен-Габуз?»

<sup>5</sup> Перевод: «Появился при его дворе некий престарелый арабский лекарь... и в скором времени стал ближайшим советником короля... Абен-Габуз жаловался... что приходится постоянно быть настороже... Астролог ему на это ответил: „Узнай, о государь, что... видел я великое чудо... На некоей горе стоял баран, а на нем петух — оба медные, и они вращались на стержне. Всякий раз, когда той стране угрожало вражеское нашествие, баран поворачивался в сторону неприятеля, а петух принимался кричать, тем самым предупреждая жителей города об опасности и указывая, откуда та грозит“». «Сколь велик господь! — воскликнул... Абен-Габуз.— Каким сокровищем был бы для меня такой баран... и петух, которые предупреждали бы меня в случае опасности... Насколько спокойнее спал бы я в моем дворце, когда бы такие часовые охраняли мой сон! Добудь мне эту благословенную стражу и владей всеми богатствами моей сокровищницы».

<sup>6</sup> Перевод: «Он оскорблял своих соседей, дабы побудить их к нападению, но неудачные вылазки сделали их осторожными, и в конце концов никто из них не осмеливался больше вторгаться в его владения».

<sup>7</sup> Помета: «Бунт».

<sup>8</sup> Перевод: «Многие месяцы медный всадник оставался неподвижным, как это подобало ему в мирное время. Однажды ранним утром часовой, стоявший на сторожевой башне, явился к королю и сообщил, что лицо медного всадника повернуто в сторону Эльвира... „Пусть по всей Гренаде бьют в барабаны и трубят в трубы, возвещая о тревоге,— сказал король,— и каждый пусть берется за оружие“».

<sup>9</sup> Вставка: «Но известные в <г.?> фольклоре; лег<ендах> и <отчасти?> <нрзб.>».

<sup>10</sup> Перевод: «Итак, красавицу эту привели к старому королю... Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в ее черные косы; бриллианты, сверкавшие на ее челе, блеском своим соперничали с ее очами... Сияние, которое излучали черные ее

очи и бриллианты, воспламенило сердце Абен-Габуза... Абен-Габуз покорно отдался во власть своей страсти».

<sup>11</sup> Перевод: «„Вот,—сказал астролог,—та награда, которую вы мне обещали“. Абен-Габуз улыбнулся, считая это шуткой старца, но, когда он понял, что тот говорит всерьез, его седая борода затряслась от негодования. „Сын Абу Агиба,—сказал он с важным видом,—что это за намек? Ты ведь знаешь, что я имел в виду своим обещанием... Возьми себе самого выносливого мула из моих конюшен; нагрузи на него самые драгоценные вещи из моей сокровищницы, она в твоём распоряжении...“ — „На что мне твое золото и твои сокровища?— презрительно сказал астролог.— Принцесса принадлежит мне по праву: ты связан своим королевским словом, я требую ее, она принадлежит мне...“ Гнев монарха взял тут верх над благоразумием, и он воскликнул: „Презренный сын пустыни, ты, может быть, превзошел многие и многие науки, но согласись, что я твой господин, не будь столь безрассуден и перестань издеваться над своим королем“.— „Это ты мой господин,—повторил астролог,—мой король? Ты, властитель какого-то жалкого клочка земли, хочешь приказывать тому, кто владеет книгой Соломоновой? Прощай же. Управляй своим крошечным королевством и веселись в своем раю для дураков“».

<sup>12</sup> Перевод: «На горе, возвышающейся над большим городом... виднелось изваяние барана, на котором сидел петух...»

«Длинная борода ниспадала до самого пояса и еще более подчеркивала его морщины и седые волосы».

«На верхушке башни находилось медное изваяние, укрепленное на стержне...»

<sup>13</sup> Вставка: «превращения, и <...> ограничивается одним волшебным флюгером».

<sup>14</sup> Помета: «Библия». В другом месте ссылака: «см. кн. „Юдифь“».

<sup>15</sup> В настоящее время все рукописи Пушкина находятся в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР.

<sup>16</sup> Помета: «Почему Ершова».

<sup>17</sup> Сюда предположительно вставка: «Всем этим я меньше всего хочу сказать, что Пушкин предполагал, что сатирическая направленность сказки будет понята, как была понята сатира „На выздоровление Лукулла“». Друзья же Пушкина 30-х гг. (Жуковский, Плетнев и тот же Вяземский), конечно, были не очень склонны расшифровывать темные намеки «Сказки о золотом

петушке» — ни при жизни Пушкина, ни после его смерти, когда они из кожи вон лезли, чтобы доказать лояльность поэта.

Так же как они никогда не заикнулись о «Гавриилиаде».

<sup>18</sup> Вставка: «Если бы „А с царями плохо вздорить“ и „Полно, сводник, что ли, я“, „От моих от царских слов отказаться я готов“ и прежняя концовка <остались>, то, конечно, сказка не увидела бы печати и современные исследователи не приходили бы в ярость от моих предположений». Статья «Последняя сказка Пушкина» подвергалась критике в специальной литературе, однако, как справедливо пишет акад. М. П. Алексеев, «без достаточных оснований», так как «речь шла не о гипотезе, а о бесспорном факте» (Некролог Анны Андреевны Ахматовой // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967).

### «СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ» И «ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЙ...»

*Комментарий*

Печатается по: Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг. Комментарий. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина / Под ред. С. Бонди, М., 1939. С. 23—26.

<sup>1</sup> См.: Азадовский М. Литература и фольклор. Л., 1938. С. 69—75.

### «АДОЛЬФ» БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Печатается по кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 91—114.

В 1958—1959 гг. Ахматова, готовя сборник своих статей о Пушкине, намеревалась перегруппировать материал, в частности перенести 5-ю главку настоящей статьи в переработанную статью о «Каменном госте». Для этой цели последняя глава «Адольфа...» была сокращена и отчасти заново отредактирована. Некоторые стилистические исправления Ахматова внесла и в другие главки. Ввиду того что переработка статьи о «Каменном госте» не доведена до конца, начатая правка «Адольфа...» в основном тексте не учитывается.



В 1959 г. Ахматова так писала о своей статье: «Когда в 1936 году моя статья об „Адольфе“ была написана, а пушкинисты в последний раз сплошь читали черновики поэта для юбилейного издания 1937 года, оказалось, что Пушкин своей рукой написал в предполагаемом предисловии (год?) к „Онегину“: меня многие упрекали за сходство моего Онегина с Адольфом (или что-то в этом роде). Затем зачеркнул Адольф и написал Чайльд Гарольд <черновик предисловия 1825 г.>, хотя, как известно, Гарольд нигде не описан как светский человек, а только как скиталец, довольно быстро надоедает своему автору, который без всяких колебаний занимает его место.

Итак, без ложной скромности скажу, что все мои наблюдения над Онегиным — Адольфом оказались правильными, что подтвердил сам автор „Евгения Онегина“... Конечно, если бы это предисловие к „Онегину“ было разобрано раньше, я едва ли бы занималась этой темой, потому что такая деятельность напоминает выражение — ломиться в открытые двери» (ГПБ).

В архиве Ахматовой (ГПБ) сохранилась также черновая заметка (карандаш, на бумаге 30-х гг.) «Примечание к статье об „Адольфе“». Несмотря на незавершенность, оно представляет интерес, так как вскрывает связь между «Онегиным» и «Езерским»:

«Пушкин еще раз вспомнил об „Адольфе“, чтобы отречься от него, так же как от других героев, пленивших воображение поэта в молодости. Я имею в виду черновики поэмы „Езерский“. В строфе (XV) Пушкин отрекается от романтических героев, говоря о Езерском:

Хоть человек он не военный,  
Не второклассный Дон Жуан,  
Не демон — даже не цыган,  
А человек обыкновенный...

<Последняя строка у Пушкина — „А просто гражданин столичный“, но в черновых вариантах есть строка: „Хоть малой он обыкновенный“.— Э. Г.>.

В рукописи Пушкина перечисление этих романтических героев гораздо обширнее, все они реальные литературные персонажи (не Чайльд Гарольд, не чернокнижник молодой — т. е. Манфред или Мельмот, не убийца — т. е. Ж. Сбогар и т. д.). Очевидно, перед Пушкиным мелькали эти герои, и он тотчас же заносил их

краткие характеристики на бумагу. Среди этих характеристик есть одна, на которой нам следует остановиться:

Езерский: „не белокурый мизантроп“ — ср. в 8-й главе „Онегина“ строфа XII:

Или печальным сумасбродом.

При интересе Пушкина к Констану очень трудно допустить, чтобы внешность автора „Адольфа“ осталась неизвестной Пушкину. Греч, декабрист Волконский и А. И. Тургенев лично знали Б. Констана. В статье „Французские ораторы“, переведенной Гречем из иностранного журнала 1820 года, сказано следующее: „Б. Констан отличается тем, что *светло-русые волосы* его извиваются в длинных локонах; сказывают, что он носит эту прическу для воспоминания о приключениях страстной бурной юности своей, что какая-то Коринна любила разглаживать эти локоны своими нежными пальцами“.

К изданию „Collection des ouvrages“ Констана 1818 года приложен портрет автора именно в такой прическе. Другое определение отвергаемого Пушкиным героя — мизантроп. О мрачности характера Б. Констана — Адольфа свидетельствует роман...»

## «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

Печатается по кн.: Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 171—186, с исправлениями по авторскому оттиску и машинописи, куда Ахматова перенесла и продолжила правку с оттиска. Одно исправление не внесено нами в основной текст из-за его незавершенности: на с. 92 вместо: «...грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно...» — «...грозные вопросы морали не поставлены так резко и не разрешены так таинственно...».

В белой рукописи и машинописи дата: «1947, 20 апреля. Фонтанный Дом». Перед сдачей в печать Ахматова внесла в статью ряд добавлений (первая рабочая запись на обороте с. 15 машинописи — «Что и почему я хочу добавить» — датирована 18 февраля 1957 г.). Почти все намеченные здесь дополнения вошли в печатный текст. В 1958—1959 гг. составлено «Оглавление» для новых дополнений, в соответствии с которым Ахматова заготовила восемь вставок. Они не отделаны до конца и недостаточно четко согласованы с основным текстом. Мы печата-

ем их в разделе «Заметки», как и заметки, сделанные Ахматовой на полях разных экземпляров машинописи.

Один пункт «Оглавления» остался нереализованным:

«IX. Выводы — заключение. Сравнение с „Русалкой“ (см. Берковского), на что посягает Пушкин. Духовная жажда. Собственные решения и приговоры с привлечением фольклора и мировых легенд (о Дон Жуане, об Агасфере и др.). Теперь с уверенностью можно сказать, что проблема „Вечного Жида“ (Агасфера) была бы решена Пушкиным так же неожиданно и круто, как проблема Дон Гуана и Русалки, и если Пушкин брал мировую тему, то, во всяком случае, не для того, чтобы ее просто пересказать».

Проблема Вечного Жида (Агасфера) — отклик Ахматовой на публикацию Т. Цявловской «Пушкин в дневнике Франтишка Малевского» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952).

<sup>1</sup> С. М. Бонди указывал на это в работе «Статьи Пушкина о Баратынском» (см. его книгу: Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 123—124).

<sup>2</sup> Здесь предположительно должна была быть следующая вставка:

«А с другой стороны, какую степень внимания должен поэт подозревать в читателе (такими и были читатели ранних прославленных поэм и первых глав „Онегина“) и каким солнечным доверием к читателю нужно обладать, чтобы применять этот метод. Может быть, это безмерное доверие, которого нельзя не чувствовать, и оказалось одной из причин нашей сто сорок лет длящейся влюбленности в Пушкина. Тем более странно, что, начиная с „Полтавы“ (1829), Пушкин не прочел в печати ни одного похвального слова о себе и стяжал в 1837 году вторичную, уже посмертную, славу».

Эти строки перекликаются со стихотворением Ахматовой «Читатель», написанным в это же время.

<sup>3</sup> Сюда предназначалась вставка 1 (см. с. 165).

<sup>4</sup> В машинописи (первый экз.) вписано продолжение: «Так сам Пушкин как бы комментирует „Каменного гостя“».

<sup>5</sup> Вписано в машинописи (первый экз.): «Такой же „турист“ и Дон Жуан Байрона».

<sup>6</sup> В черновой рукописи далее следовало опущенное в печатном тексте продолжение:

«И после этого неважно, что роща под Мадритом едва ли передает испанский пейзаж, а восклицание:

Всех бы их,  
Развратников, в один мешок да в море—

едва ли характерно для обитателя Мадрита и католика Лепорелло. Полагаю, что эти слова попали в трагедию Пушкина из „Дон Жуана“ Байрона, где эта мусульманская, как называет ее сам автор, казнь грозила герою в Стамбуле».

В черновике этой вставки (на обороте страницы рабоч. экз. машинописи) после этих слов следовало еще продолжение:

«Перечтите „Дон Жуана“, и, если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец...» — восклицает Достоевский в знаменитой речи о Пушкине (1880), утверждая всемирность Пушкина.

Однако мы теперь знаем, что испанцы (напр., Кальдерон) писали совсем иначе. Им был не нужен ни лавр, ни лимон... Они не замечали их. В смысле обрисовки характеров ср., напр., „Врача своей чести“ Кальдерона, тоже гранда и придворного, ревнивца, который заставляет доктора в своем присутствии под угрозой кинжалом выпустить всю кровь из своей якобы неверной жены, а потом убегает и прячется, чтобы не отвечать перед законом. Вот это на Пушкина совсем непохоже. Можно с уверенностью сказать, что такого героя наш автор никогда бы не стал изображать».

<sup>7</sup> Сюда предназначалась вставка 6 (см. с. 169).

<sup>8</sup> Сюда предназначалась вставка 3 (см. с. 166).

<sup>9</sup> Сюда предназначались вставки 7, 8 и 9 (см. с. 172—174).

## II

### ГИБЕЛЬ ПУШКИНА

Печатается по авторизованной машинописи (ГПБ) 1958 г. и заметкам (ЦГАЛИ). Сохранились два идентичных экземпляра, но с разными рукописными дополнениями 1961—1962 гг. Впоследствии Ахматова начала переработку этих обширных вставок в отдельные заметки «Пушкин и *bande joyeuse*», «Пушкин и старшие» и т. д. (см. Послесловие), но работа осталась не доведенной до конца. Мы печатаем первоначальный текст 1958 г. с некоторыми позднейшими стилистическими поправками, дополнения вынесены частью в примечания, частью приводятся в

Послесловии. Впервые опубликовано в журнале «Вопросы литературы» (1973, № 3. С. 207—236).

В публикуемом тексте «Гибели Пушкина» неоднократно встречается обращение к слушателям, а не к читателям. Заготовки для устного сообщения находим также в одном из блокнотов (ЦГАЛИ). Ахматова информирует слушателей: «К 1963 г. у меня оказались почти готовыми три работы по Пушкину». В характеристике этих работ мы узнаем «Гибель Пушкина», «Александрину» и «Пушкин и Невское взморье», но в записи есть указание и на неизвестные нам куски «Гибели»: «Заключение одной из них,—записывает Ахматова,—„Слово о Пушкине“, было напечатано в прошлогодние юбилейные дни. То, что я рассказала вам сейчас, это—вступление. Оно поясняет, какой метод (критического отношения к источникам)... <Фраза не окончена.>». Это методологическое введение до нас не дошло.

Во втором машинописном экземпляре к вводным словам, датированным 26 августа 1958 г., имеется позднейшая приписка чернилами, однако вычеркнутая: «Работа эта сделана уже очень давно, в основном еще до войны. В дальнейшем мне приходилось только вставлять в нее новые сведения (из дневника Фикельмон, о Дантесе в гостях у Александры Николаевны, семейную переписку Карамзиных и т. д.), которые ни разу не противоречили первоначальной концепции. Я часто сначала рассказывала, а потом читала свою работу. Поэтому кое-что в ней может показаться уже слышанным. Истина—едина. Очень трудно, услышав ее, продолжать настаивать на прежнем заблуждении, и совершенно естественно признать ее своим открытием. Это происходит часто подсознательно, и я уверена, что каждый сталкивался с этим явлением».

<sup>1</sup> «Уверю тебя, что с этого дня моя любовь к ней еще возросла, но теперь это не то же самое: я ее уважаю, почитаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязана»—из письма Дантеса Геккерну 14 февраля 1836 г. Подлинник по-французски (Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 176). В рабочих записях Ахматовой читаем: «Объединить миф об уважении Дантеса к Наталье Николаевне из его письма (февр. 36 г.) с теми же его „конфидансами“ Александру Карамзину до самого конца». См. письмо Карамзина брату Андрею 13/25 марта 1837 г.: «Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о

своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал честью, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже Пушкиной, его любви к Екатерине Гончаровой, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности» (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 191. В дальнейшем это издание обозначается — *Карамзины*).

<sup>2</sup> «Я заметил, что Дантес ждет меня, и в самом деле он скоро опять пристал ко мне, и, схватив меня за руку, потащил в пустые аллеи. Не прошло двух минут, что он уже рассказывал мне со всеми подробностями свою несчастную историю и с жаром оправдывался». — Из письма Андрея Карамзина к родным из Бадена 26 июня/8 июля 1837 г. (*Карамзины*, с. 404).

<sup>3</sup> «Его <Пушкина> доверие к ней было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса — большая, ужасная неосторожность». — Дневник Д. Ф. Фикельмон. Подлинник по-французски. Запись 29 января 1837 г. (см.: *Хмелевская Е. М.* Из дневника графини Д. Ф. Фикельмон: Новый документ о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 349. В дальнейшем — *Фикельмон*).

<sup>4</sup> «Граф <Строганов> меня вчера навестил <...> он в отчаянии от всего случившегося с тобой и возмущен до бешенства глупым поведением моей тетушки и не сделал ни шага к сближению с ней; я ему сказала, что думаю даже, что это было бы и бесполезно. Вчера тетка мне написала пару слов, чтобы узнать о моем здоровье и сказать мне, что мысленно она была со мною; она будет теперь в большом затруднении, так как мне запретили подыматься на ее ужасную лестницу, я у нее быть не могу, а она, разумеется, сюда не придет; но раз она знает, что мне нездоровится и что я в горе по случаю твоего отъезда, у нее не хватит духу признаться в обществе, что не видится со мной. Мне чрезвычайно любопытно посмотреть, как она поступит: я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справиться о моем здоровье». — Из письма Е. Н. Геккерн (Гончаровой) к Дантесу-Геккерну, март 1837 г. (*Щеголев*, с. 284).

Одновременно Дантесу писал Геккерн-старший: «M-lle Z., тетка, сварливая и упрямая личность; но я употребил в дело свой авторитет и запретил твоей жене проводить целые дни за

письмами к ней, лишь бы удовлетворить ее любопытство, потому что ее заботы и расположение—только одно притворство» (*Щеголев, с. 290*).

<sup>5</sup> Ссылаясь на иезуита П. О. Пирлинга, С. Панчулидзеv утверждал, что Е. Н. Геккерн умерла (1843), не успев принять католичество (*Сборник биографий кавалергардов. Спб., 1904—1908. С. 190, статья «Дантес»*). Но в 1930 г. в «Последних новостях» (Париж) № 3340 было опубликовано письмо Дантеса к И. С. Гагарину от 17 сентября 1847 г., где он писал: «С первых же лет нашего брака Екатерина была озабочена мыслью, что все, с кем ее связывают наиболее нежные узы, исповедуют не ее религию... Моя жена решила изучить и принять католичество. Она не дала огласки своему отречению от православия из весьма похвального желания избавиться от большого огорчения свою мать—единственное лицо, с кем поддерживала постоянные сношения. Несмотря на это, Екатерина умерла, окруженная всеми утешениями нашей церкви» (см. *Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Минск, 1986. С. 626—627*).

<sup>6</sup> «Во вторник Пушкин отправился на бал к графине Разумовской. Постучавшись напрасно в дверь всего семейства Г<еккернов>, он решил дать пощечину, будь то у них (на дому) или на балу. Они были предупреждены и не поехали туда».—Из письма В. Ф. Вяземской к Е. Н. Орловой (?) (*Бельчиков Н. Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти Пушкина // Новый мир. 1931. № 12. С. 189*).

<sup>7</sup> В дополнение к своим показаниям суду Дантес послал 26 февраля 1837 г. письмо к председателю военно-судной комиссии, в котором передавал сплетни о Пушкиных со слов М. П. Валуевой—дочери П. А. Вяземского. Согласно ее рассказу, между ее мужем и Натальей Николаевной произошел такой разговор 16 января 1837 г.: «Мадам Пушкина на замечание г. Валуева, как она позволяет обращаться с нею таким образом подобному человеку, ответила: «Я знаю, что я виновата, я должна была бы его оттолкнуть, потому что каждый раз, когда он обращается ко мне, меня охватывает дрожь» (Поляков А. С. О смерти Пушкина (по новым данным). Пб.: ГИЗ, 1922. С. 54—55. Пер. с фр.). Без сомнения, слова Н. Н. Пушкиной могли относиться только к Дантесу и были, очевидно, злобно переадресованы к Пушкину Екатериной Николаевной и взявшей сторону Геккернов М. П. Валуевой. Недоразумение это не могло быть распутано в 20-х гг., когда не был еще обнаружен и расшифрован ряд новых

документов. Ахматова следует здесь принятому в пушкинистике толкованию.

<sup>8</sup> Щеголев, с. 248.

<sup>9</sup> См. стихотворение Ф. Тютчева «29-е января 1837»:

Из чьей руки свинец смертельный  
Поэту сердце растерзал?  
Кто сей божественный фиал  
Разрушил, как сосуд скудельный?  
Будь прав или виновен он  
Пред нашей правдою земною,  
Навек он вышею рукою  
В «цареубийцы» заклеимен...

<sup>10</sup> См. Послесловие, с. 339.

<sup>11</sup> Щеголев, с. 238.

<sup>12</sup> Письмо Геккерна к К. В. Нессельроде 1/13 марта 1837 г. (Щеголев, с. 271). Во 2-м издании этой книги (1917) приведен французский подлинник. Перевод: «две высокопоставленные дамы» неточен. «Deux dames de la plus haute distinction» — вернее перевести: «две весьма знатные дамы».

<sup>13</sup> Недатированная французская записка нидерландского посланника своему приемному сыну, написанная, по-видимому, во время суда над Дантесом, опубликована А. Поляковым в выше-названной книге в неверном переводе. П. Щеголев, охарактеризовав ее «воровским документом, написанным с специальными задачами и понятным только адресату», перепечатал ее по-русски (с. 277—278) с теми же искажающими смысл ошибками. Исправлены Б. Казанским в статье «Гибель Пушкина» (Звезда. 1928. № 1. С. 117). В своих рабочих записях Ахматова постоянно подчеркивала ошибки перевода Щеголева. Приводим полный текст записки в новом переводе Н. В. Бонди:

«Если ты хочешь говорить об анонимном письме, я скажу тебе, что оно было запечатано красным сургучом. Сургуча мало, запечатано плохо. Печать довольно своеобразная, насколько я помню; „а“ посреди этой формы „А“ и множество эмблем вокруг „А“. Точно разглядеть эти эмблемы я не смог, так как, повторяю, запечатано было плохо. Помнится, что вокруг были знамена, пушки и т. п., но я не уверен. Помнится также, что они были с разных сторон, но в этом я тоже не уверен.

Ради бога, будь осторожен и за этими подробностями отсылай смело ко мне, потому что <сам> граф Нессельроде показал мне



это письмо, которое написано на бумаге такого же формата, как и эта моя записка.

Мадам де Н. и графиня Софи Б. шлют тебе свои самые лучшие пожелания. Обе они горячо интересуются нами.

Да выяснится истина—это самое пламенное желание моего сердца. Твой душой и сердцем

б<арон> д<е> Г<еккерн>

Почему ты спрашиваешь обо всех этих подробностях? Доброй ночи, спи спокойно».

Полное имя «графини Софи Б.»—гр. Софья Александровна Бобринская (урожд. Самойлова),—предположительно называвшаяся уже Поляковым и Щеголевым, окончательно установлено мною в статье «Вокруг гибели Пушкина» (Новый мир. 1962. № 2), где напечатаны письма императрицы Александры Федоровны к Бобринской с упоминанием о суде над «Жоржем». Этот вывод оспаривается без достаточных оснований в издании: Пушкин. Письма последних лет. Л., 1969. С. 369. В рабочих записях Ахматовой имеется большая заметка по поводу находки писем жены Николая I:

*Новое лицо*—гр. Бобринская-Самойлова. Вставная новела: канун 61 года. Т. Г. Цявловская привозит мне Вяземского (т. VII). На с. 223 <в статье о Бобринских>: „Императрица часто с ней виделась и вела постоянную переписку. Сколько в этих письмах должно таиться драгоценных царских жемчужин и чисто человеческих сокровищ! Как не пожалеть, что подобные драгоценности остаются под спудом!..“ Вечером ко мне пришла Э<мма> Г<ригорьевна> Г<ерштейн> и принесла выписки из писем Александры Федоровны к Бобринской. Эти письма важны тем, что, в свою очередь, приближают дантесовскую историю ко двору и дают объяснение многим до сих пор непонятым фактам (напр., мягкий приговор Дантесу), отношение двора к Пушкину; talent satanique <сатанинский талант>,—пишет царица в часы агонии поэта. Это то, чего мы (в частности, Щеголев) до сих пор не знали,—царская ли это жемчужина или чисто человеческое сокровище?

Эти письма, в свою очередь, доказывают, что Наталья Николаевна не была царской фавориткой. Нельзя себе представить, что в письмах Александры Федоровны это не выяснилось бы. N.B. Примеры, цитаты.

NB. О Бобринской как о comtesse Sophie B. в „воровской записке“ дипломата, она же одна из двух высокопоставленных

дам, которых Геккерн просит вызвать в суд и с которыми он ежедневно делился своими тревогами...»

<sup>14</sup> «Под конец одна графиня Нессельроде осталась при нем <Геккерне>, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста». — Из письма П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову 8 апреля 1837 г. (*Вяземский П. П. Собр. соч.* Спб., 1893. С. 562).

<sup>15</sup> «Lettres et papiers du Chancelier Comte de Nesselrode». Lahure, Paris, 1911. P. 104.

<sup>16</sup> «Пушкин был выведен из себя, потерял голову и заплатил за это дорого. С его стороны было одно бешенство обезумевшей ревности; с другой стороны, напротив, был и ветренный и злонамеренный разврат». — Из письма В. А. Жуковского А. Х. Бенкендорфу (февраль — март 1837 г.) (*Щеголев*, с. 207).

<sup>17</sup> «Если бы с его стороны была страсть или хотя бы честное ухаживанье, то, оплакивая Пушкина, я не обвинял бы его противника. В этом отношении я не ригорист. Всякому греху милосердие, но не всякой низости!» — Из письма П. А. Вяземского к Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. Подлинник по-французски (Рус. архив. 1900. № 3. С. 392).

<sup>18</sup> В письме 26 января 1837 г. Пушкин писал Геккерну-старшему: «Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам... <mettre fin à tout ce manège>».

<sup>19</sup> Видимо, описка Ахматовой: она имеет в виду не второе письмо Дантеса, а второе упоминанье в дневнике Д. Фикельмон: «...она по наивности или, скорее, по своей удивительной простоте...» По толкованию Ахматовой, здесь «simplicité» не «простота», а «глупость» (*Фикельмон*, с. 347, 349).

<sup>20</sup> «Дантес часто посещал Пушкиных. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно „приударял“, как мы тогда выражались, за нею. Пушкин хорошо знал, что Дантес не приударяет за его женою, он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, ему Дантес был *противен* своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержанным, чем следовало с дамами, как полагал Пушкин». — «Рассказ князя А. В. Трубецкого об отношениях Пушкина к Дантесу» (*Щеголев*, с. 353).

<sup>21</sup> «Разговор наш <Соллогуба с Дантесом> продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость — куда угодно.

Я заговорил о жене его <Пушкина>. „Mon cher, c'est une mijaurée“ <„Дорогой мой, это кривляка“>» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 378—379).

<sup>22</sup> «Мне возразят, что я должен бы был повлиять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизведя письмо, которое я потребовал от сына,—письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки».—Из письма Геккерна к Нессельроде 1/13 марта 1837 г. (Щеголев, с. 271).

<sup>23</sup> «Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производят некоторое впечатление на сердце молодой женщины...»—Из письма Пушкина Геккерну 17—21 ноября 1836 г. (Подлинник по-французски.)

<sup>24</sup> «Пушкин тогда совершал большую ошибку, разрешая своей молодой и слишком красивой жене выезжать в свет без него».—Запись 29 января 1837 г. Здесь говорится о ситуации осени и зимы 1836 г. (Фикельмон, с. 349).

<sup>25</sup> Фраза из письма Пушкина к Геккерну 17—21 ноября 1836 г.: «Вы бормотали ей: верните мне моего сына».

<sup>26</sup> «Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам <dans tous les coins>, чтобы говорить ей о вашем сыне».—Фраза из того же письма.

<sup>27</sup> В дневнике современницы от 22 января 1837 г. описана сцена на одном из петербургских балов: «Дантес <...> оживленно беседовал с пожилою дамою, которая, как можно было заключить из долетевших до меня слов, ставила ему в упрек экзальтированность его поведения <...> он отвечал громко, с оттенком уязвленного самолюбия:

— Я понимаю то, что вы хотите дать мне понять, но я совсем не уверен, что сделал глупость!

— Докажите свету, что вы сумеете быть хорошим мужем... и что ходящие слухи неосновательны.

— Спасибо, но пусть меня судит свет» (Щеголев, с. 105).

<sup>28</sup> «Тем, кто обратился к нему <Пушкину> с поздравлениями по поводу этой свадьбы, он отвечал во всеуслышание: „Tu l'as voulu, George Dandin“».—Из письма П. А. Вяземского вел. кн. Михаилу Павловичу (Щеголев, с. 224). «Ты этого хотел, Жорж Дандэн»—фраза из пьесы Мольера «Жорж Дандэн», ставшая поговоркой, в смысле «ты получил, чего хотел». В устах Пушкина

к этому прибавляется еще каламбурное обыгрывание имени его противника: Жорж Дантес — Жорж Дандэн.

<sup>29</sup> «Пушкин не хотел ни присутствовать на свадьбе своей свояченицы, ни видеть их после нее, но общие друзья, весьма неблагоприятные, надеялись привести их к примирению или хотя бы к сближению и почти ежедневно сводили их вместе» (Фикельмон, с. 349).

<sup>30</sup> В феврале 1836 г. Пушкин вызвал на дуэль двадцатидвух-летнего В. А. Соллогуба. «Вы позволили себе обратиться к моей жене с неприличными замечаниями и хвалились, что *наговорили ей дерзостей*», — писал ему Пушкин (черн., подлинник по-французски). Дуэль не состоялась.

<sup>31</sup> «Теперь узнаем, что Пушкин накануне открылся одной даме, дочери той Осиповой, у коей я был в Тригорском, что он будет драться. Она не умела или не могла помешать, и теперь упрек жены, которая узнала об этом, на нее падает». — Из письма А. И. Тургенева к брату Николаю Ивановичу (февраль 1837 г.) (Пушкин и его современники. Спб., 1908. Вып. 4. С. 92).

Приводим вариант из черновой рукописи Ахматовой, развивающий ту же мысль:

«...Итак, эти две версии начали „иметь хождение“ в петербургском свете и прилегающих к нему областях. Сейчас наша задача заключается в том, чтобы формулировать их с наибольшей точностью, какими они были выпущены в свет своими авторами (Пушкиным и Геккерном).

I. Версия Пушкина: Наглый мальчишка Дантес осмелился писать влюбленные записки Наталье Николаевне и симулировать *grande passion* <великую страсть>, а тем временем не то сошелся, не то не сошелся с ее сестрой. Тогда Пушкин, как глава дома, вызвал его на дуэль (ноябрь) и тот, будучи трусом, под дулом пистолета сделал предложение Катерине. Ему, очевидно, не место в первом гвардейском полку. Его карьера кончена.

II. Версия Геккерна: Романтически настроенный и рыцарски возвышенный юноша хранит в душе какое-то не совсем ясное простым смертным чувство — *vénération* <почитание> \* — к дурно себя ведущей и соблазняющей его красавице и, спасая ее честь, женится на ее некрасивой сестре, которая ему все же чем-то нравится. К этому полагалось в виде наглядного пособия —

\* Это *vénération* Дантес придумал еще в феврале 1836 г. (см. 2-е письмо к Геккерну).

поведение Дантеса на балах и, как мы теперь знаем, у Карамзинных. Оно было абсолютно выверено, продумано опытным светским дипломатом. В *vénégation* верил даже Александр Карамзин. Все, что мы знаем противоречащего этому, появилось потом, когда возникла потребность объяснить катастрофу. Но дело в том, что сама версия Геккерна содержала в себе нечто бросающее тень на жену поэта.

Затем (с нашей точки зрения) началось самое ужасное и о чем не имел представления Щеголев. Геккерн для распространения своей версии\* имел весь кавалергардский полк и, по крайней мере, два лучшие салона. Пушкин сам начинает *à qui veut l'entendre* <тем, кто хочет это слушать> рассказывать как законченную новеллу свою версию\*\*. Геккерн в ответ продолжал демонстрировать издали благоговейшего Дантеса и попутно „гнездышко“ молодых, поражавшее всех роскошью и превосходным вкусом. Карамзины как красну девицу замуж выдают Дантеса почти из своего дома (брatья шафера и т. д.), там же осуждают Пушкина за жену (см. дневник Тургенева), Вяземский острит, что Пушкин сердит на Дантеса за прекращение ухаживаний за Натальей Николаевной, и в письме к Мусиной-Пушкиной беспечно описывает молодоженов на балу у французского посла Баранта.

Жуковский вообще умывает руки. Кавалергарды и салоны становятся на сторону Дантеса. Поэт — один, и после разговора с Вревской и реприманда Николая I понимает, что для него все кончено».

<sup>32</sup> В марте (?) 1947 г. М. А. и Т. Г. Цявловские занесли в свою тетрадь «Вокруг Пушкина» (тетр. 2, с. 108) полученные ими сведения об архиве бар. Фризенгоф: «Запись в дневнике Александры Николаевны Фризенгоф (урожд. Гончаровой) в 50-х годах. Она уже замужем, живет в Бродянах (в Австрии). К ней приехала погостить Наталья Николаевна Ланская. Приехал к Нат. Ник.— Дантес. Они (Н. Н. и Дантес) весь день гуляли по парку и совершенно помирились...» Т. Г. Цявловская поделилась этим известием с А. А. Ахматовой. Позднее Т. Г. Цявловская полагала, что оно было ложным, так как по прошествии более чем двадцати лет никаких подтверждений в печати о существовании дневника Александрины не появилось. Между тем в статье

\* См. письмо П. А. Вяземского к Мих<аилу> Павл<овичу>.

\*\* См. Карамзины, с. 148.

Н. А. Раевского «В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой» (Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4) есть критическое упоминание о двух статьях проф. А. В. Исаченко — «Родственники Пушкина в Словакии» в братиславском журнале «Свободное радиовещание». 1946. № 49 и «Пушкиниана в Словакии» в журнале «Словацкое обозрение». 1947. № 1: «Интересно сообщение Исаченко о том, что в Бродянах якобы состоялась встреча Натальи Николаевны с Дантесом: „Наталья Пушкина-Ланская несколько раз гостит у Фризенгофов в Бродянах. При одном из этих посещений она даже встречается с убийцей своего мужа Дантесом ван Геккерном, и кажется, что эта встреча уменьшила напряжение между ними“. К сожалению, автор не указывает, на чем основано его довольно сенсационное сообщение, и не приводит никаких подробностей, в том числе и даты встречи» (с. 390). Далее Н. А. Раевский цитирует строки из второй статьи Исаченко: «„...в Вене голландским посланником состоял барон ван Геккерн, приемный отец убийцы Пушкина, Дантеса. А сам Дантес несколько раз приезжал в Вену. Это было как раз тогда, когда Наталья Николаевна была гостьей Фризенгофов. Встреча в русском венском обществе была неизбежной, мы не знаем, как прошла встреча Жоржа Дантеса с бывшей женой того, кого убила его пуля. Но горечь (в отношениях) между семьями была преодолена, и в бродяньском замке я даже обнаружил портрет Дантеса ван Геккерна“.

О том, что встреча произошла в Бродянах, как было указано в первой статье, автор на этот раз не упоминает. По-прежнему нет указания на источник, из которого А. В. Исаченко почерпнул сведения о встрече жены поэта с убийцей своего мужа» (с. 392).

О портрете Дантеса, висевшем в Бродянах, имени Фризенгофов, Н. Раевский пишет в своих книгах «Если заговорят портреты» (Алма-Ата, 1965) и «Портреты заговорили» (Алма-Ата, 1974). Ср. в его книге «Избранное» (М., 1978. С. 50).

<sup>33</sup> А. П. Арапова (урожд. Ланская), дочь вдовы Пушкина от второго брака, написала весьма недостоверные и враждебные воспоминания о Пушкине якобы со слов матери и тетки Александры. Напечатаны в приложениях к ряду номеров «Нового времени» за 1907—1908 гг.

<sup>34</sup> «Отдал письма Аршияку и завтракал с ним. Он прочел мне письмо А. Пушкина о дуэли от 17 ноября 1836 г.» — Запись в дневнике А. И. Тургенева 21 января 1837 г. (Щеголев, с. 246).

<sup>35</sup> «Молодой Геккерн продолжал, в присутствии своей жены,

подчеркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силою на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах». — Из письма П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу (*Щеголев*, с. 224—225).

<sup>36</sup> Из памятных заметок Н. М. Смирнова // Рус. архив. 1882. № 1. С. 236.

<sup>37</sup> Пушкин в изображении М. А. Корфа // Рус. старина. 1899. Т. 99. С. 311.

<sup>38</sup> См. запись 6 марта 1834 г.: «В городе много говорят о связи молодой княгини Суворовой с графом Витгенштейном... неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще».

<sup>39</sup> С. Панчулидзе в «Сборнике биографий кавалергардов» (Спб., 1904—1908. С. 178—190, статья «Дантес») указывал, что в 1836 г. Дантес часто подвергался взысканиям за нерадивость по службе. М. Яшин заново обследовал книгу приказов и другие материалы кавалергардского полка и, сопоставив их с впервые введенными им в научный обиход записями камер-фурьерского журнала, установил, что Дантес действительно осенью 1836 г. часто был назначаем вне очереди на дежурства и одновременно перестал получать приглашения в Аничков дворец (Звезда. 1963. № 8). Выдвинутое М. Яшиным предположение, что 9 октября на разводе Николай I беседовал с Дантесом о его поведении и личных делах, осталось недоказанным (см.: *Левкович Я.* Две работы о дуэли Пушкина // Рус. лит. 1970. № 2. С. 210—219).

<sup>40</sup> «Вскоре Дантес <...> нарушая все светские приличия, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине,—она бледнела и трепетала под его взглядами, было очевидно, что она совершенно потеряла возможность обуздать этого человека» (*Фикельмон*, с. 349). Неизданные письма П. А. Вяземского к Н. Н. Пушкиной хранятся в Пушкинском доме (см. Послесловие, с. 334).

<sup>41</sup> О позднейшей стилизации портретов участников исторических событий Ахматова писала: «Я заметила, что всякий раз, как современники говорят об „адских махинациях“ старшего Геккерна, Щеголев думает, что под этим скрывается намек на Николая I. Дело в том, что современники неизбежно страдают своего рода близорукостью, которая мешает им охватить события во всей полноте, и, после того как разразилась катастрофа, начина-

ют вручную доделывать детали, переосмыслять то немногое, что видели и слышали, на ходу меняют характеристики, а потом, когда это, естественно, не сходится, находят тайну. Так было и с январской трагедией 1837 г. Так поступали деды, это же они завещали внукам. Невнимание людей друг к другу не имеет предела».

<sup>42</sup> «Многое осталось в этом деле темным и таинственным для нас самих» (из письма П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову 5 февраля 1837 г.). «Эта история, окутанная столькими тайнами, даже для тех, которые наблюдали за ней вблизи...» (из неопубликованного письма П. А. Вяземского к Э. К. Музиной-Пушкиной 26 февраля 1837 г. // ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. I. Ч. 3. № 3319. Л. 82. Пер. с фр.).

<sup>43</sup> Аудиенция Пушкину была дана Николаем I 23 ноября 1836 г. (см. *Щеголев П. Е. Царь, жандарм и поэт: Новое о дуэли А. С. Пушкина // Огонек. 1928. № 24. С. 4—5; ego же: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л.; 1931. С. 140—149*). В свете новых данных, сообщенных Н. Я. Эйдельманом (Лит. газета, 1972. 12 апреля), содержание беседы Пушкина с Николаем I предстает по-иному. Вопрос нуждается в дополнительном изучении.

<sup>44</sup> «По поводу этих анонимных писем существует два мнения. Наиболее пользующиеся доверием публики указывают на О... <т. е. О—Ouvargoff—Уварова>. Другое мнение, мнение власти, основывающееся на тождественности расстановки знаков препинания, на особенностях почерка и на сходстве бумаги, обвиняют Н... <Н—Heeckeren—Геккерн>» (*Щеголев, с. 330—331*).

<sup>45</sup> «Только одно не подлежит сомнению, это то, что Геккерн был их сочинитель. Последствия доказали, что государь в этом не сомневался, и говорят, что полиция имела на то неоспоримые доказательства». — Из памятных заметок Н. М. Смирнова (Рус. архив. 1882. № 1. С. 235).

<sup>46</sup> А. Аммосов записал рассказы секунданта Пушкина К. К. Данзаса о смертельной дуэли поэта и издал их отдельной брошюрой в 1863 г. Данзас сообщал: «Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерна, отца, и даже писал об этом графу Бенкендорфу» (*Аммосов А. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина... Спб., 1863*).

<sup>47</sup> «Сказочка» Жуковского изложена в его пятом ноябрьском



письме (14—15 ноября) к А. С. Пушкину, посвященном посредничеству между Пушкиным и Геккернами (см. XVI, 187).

<sup>48</sup> «Вот что приблизительно ты сказал княгине <Вяземской> третьего дня, уже имея в руках мое письмо: я знаю автора анонимных писем, и в течение недели вы услышите о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского — детская игра по сравнению с тем, что я намерен сделать, и тому подобное». — Из письма В. А. Жуковского к Пушкину 14—15 ноября 1836 г. (XVI, 186, 395). «Подвиги Раевского» были хорошо известны В. Ф. Вяземской, которая была в Одессе, когда наместник Воронцов из ревности выслал оттуда А. Н. Раевского, а тот, встретив на оживленной и многолюдной улице жену наместника, демонстративно кричал ей вслед: «Позаботьтесь о нашей дочери!» (см.: *Цявловский М. А.* Из записей П. И. Бартенева (о Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Изв. АН СССР, 1969. Т. 28. Вып. 3 (Серия литературы и языка)).

<sup>49</sup> Ахматова имеет в виду известный эпизод 21 ноября 1836 г., описанный В. А. Соллогубом: «Он <Пушкин> запер дверь и сказал „Я прочитаю Вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте“». Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день князя Одоевского), то поехал к князю Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось; через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо послано не будет» (*Соллогуб В. А.* Воспоминания. М., 1931. С. 370. В дальнейшем — *Соллогуб*).

<sup>50</sup> В прочитанном Б. В. Казанским черновом письме Пушкина к Бенкендорфу (ноябрьском), составленном исследователем из клочков разорванного экземпляра, читаем: «Я узнал наверное, что письмо анонимное» было от гг. Геккернов» (перевод, в подлиннике «тт. les Н») (*Казанский Б.* Письмо Пушкина к Геккерну // Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 63; XVI, 266, 425).

<sup>51</sup> В черновиках Ахматовой по этому поводу есть дополнительная запись: «Если Пушкин мог убедить Бенкендорфа и

Николая I, что диплом исходил из нидерландского посольства (что он, несомненно, сделал), отчего он в ноябре не доказал того же своей жене? Это самое непонятное и, вероятно, самое страшное, потому что страшное, конечно, было, но мы о нем до самого последнего времени совершенно не догадывались.

<sup>52</sup> «Он <д'Аршиак> рассказал мне, что венское общество целую зиму забавлялось рассылкою подобных мистификаций. Тут находился тоже печатный образец диплома, посланного Пушкину. Таким образом, гнусный шутник, причинивший его смерть, не выдумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал» (*Соллогуб*, с. 371).

Видимо, Соллогуб, а вслед за ним Ахматова не совсем точны. Речь может идти только о типе пасквиля, а не о полном тождестве его с венской редакцией. Дело не в именах, которые легко подставить, а в добавочном мотиве — глумлении над занятиями Пушкина историей: «...единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и *историографом ордена*» (курсив мой.— Э. Г.).

<sup>53</sup> «Некто по имени Тибо, друг Россети, служащий в Главном Штабе, не он ли написал гадости о Пушкине». — Из «Записки для памяти» А. Х. Бенкендорфа (*Поляков А. С. О смерти Пушкина: По новым данным*. Пб., 1922. С. 26). «Вернее всего это был — Тибо, упоминаемый и в записках А. О. Смирновой, и в письмах А. Н. Карамзина, воспитатель или гувернер в семье Карамзинных; конечно, это он был в приятельских отношениях с К. О. Россетом, братом А. О. Смирновой... — замечает Щеголев. — III Отделение в своих поисках шло по ложному следу и, производя розыски, точно отбывало какую-то тяжелую и неприятную повинность» (*Щеголев*, с. 409).

<sup>54</sup> Январское письмо Пушкина к старшему Геккерну, послужившее поводом к вызову Дантеса, являлось переделкой неоправленного ноябрьского.

<sup>55</sup> В одной из рабочих записей Ахматовой значится:

«Почему-то современники Пушкина *знали*, что отправитель пасквиля был не одинок. Даже старик Левенштерн пишет: „Бессердечные люди, лишенные такта, прислали ему анонимные письма, заключающие в себе диплом обманутого мужа“» (Мемуары барона В. И. Левенштерна. ГПБ. Ф. 425. Т. 17. Л. 47—47 об. Пер. с фр.).

<sup>56</sup> *Щеголев*, с. 427.

<sup>57</sup> В черновике письма Пушкина к Бенкендорфу начато

вместо «mon drôle» — «mes...», очевидно: «mes drôles» — «мои молодцы» (см.: Звенья. Т. 6. С. 55).

<sup>58</sup> Из письма П. А. Вяземского к В. Ф. и Н. П. Вяземским 16 ноября 1839 г. (см. в моей книге: Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 267).

<sup>59</sup> Щеголев, с. 401. «Петр Долгоруков, несомненно, был знаком с самим Пушкиным, отчего он об этом умалчивает в своем оправдании?» — замечает Ахматова в рабочей записи.

<sup>60</sup> Вяземские П. А. и В. Ф. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 165.

<sup>61</sup> Воспоминания кн. М. Б. Лобанова-Ростовского. ГИМ. Ф. 174. Ед. хр. 5. Ср. в моей публикации: Воспоминания лермонтовского современника // Огонек. 1951. № 31.

<sup>62</sup> О М. А. Дмитриеве-Мамонове см. с. 225, 229—230 («Пушкин в 1828 году»).

<sup>63</sup> «Всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видаться до сих пор, так как муж возмутительно ревнив» // Из письма Дантеса к Геккерну 20 января 1836 г. (Звенья. Т. 9. С. 173—174). Перевод слова «revoltante» изменен Ахматовой: в «Звеньях» — «бешено ревнив».

<sup>64</sup> См. письмо П. А. Осиповой к Пушкину от 6 января 1837 г. (XVI, 214).

<sup>65</sup> «Есть какая-то тайна в поводах, побудивших его усыновить молодого человека, передать ему свое имя и свое состояние». — Из отчета австрийского посланника в Петербурге графа Фикельмона князю Меттерниху 14/2 февраля 1837 г. (Щеголев, с. 314).

«7 февраля Пушкин написал посланнику барону Геккерну письмо, в котором назвал только что заключенный брак, с одной стороны, делом змеиной, способной на происки, хитрости двух негодяев, связанных пороком, с другой стороны, их трусливой безнравственностью». — Из донесения саксонского посланника при Российском дворе барона Лютцероде 30 января/11 февраля 1837 г. (Щеголев, с. 332). Донесение проникнуто полным пониманием значения Пушкина для России; передавая обстоятельства катастрофы, Лютцероде не скрывает своего отрицательного отношения к Геккернам.

Александр Карамзин, характеризуя (13 марта 1837 г.) Дантеса как «совершенное ничтожество в нравственном и умственном отношении», хотя и «забавного тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом», добавляет: «Если бы он

таким и оставался, он был бы добрым малым, и больше ничего <...> но его усыновил Геккерн по причинам, до сих пор еще совершенно неизвестным обществу (которое мстит за это, строя предположения). Далее он называет Геккерна «умным человеком и утонченнейшим развратником, какие только бывали под солнцем» (*Карамзиньы*, с. 190).

На то, что двор с неудовольствием принял усыновление Дантеса Геккерном, указывают письма императрицы к С. А. Бобринской (см. в моей книге «Судьба Лермонтова», с. 59).

Совершенно определенно пишет о патологическом характере «родства» Геккернов А. И. Тургенев, сообщая 4/16 августа 1837 г. П. А. Вяземскому из Киссингена о своих беседах с вел. кн. Марией Павловной (Веймарской): «Об *отношениях* его <Дантеса> к Геккерну и она слышала; но NB не могла *объяснить* мне их; и я о главном должен умолчать» (Лит. наследство. Т. 58. С. 148). Ср. отзыв принца Вильгельма Оранского о Геккерне (см.: Эйдельман Н. Пушкин. М., 1987. С. 414).

<sup>66</sup> В черновом варианте январского письма Пушкин дважды упомянул Екатерину Николаевну Геккерн-Гончарову как соучастницу интриги: «вы сыграли все трое такую роль» и «наконец, г-жа Геккерн». Комментируя это место чернового варианта январского письма, Б. В. Казанский писал: «Пушкин включал в обвинение (в жалкой или гнусной роли) не только Геккерна и Дантеса, но и Е. Н. Гончарову. Разумеет ли здесь Пушкин более или менее сознательное участие ее в заговоре или только готовность идти навстречу желаниям Геккерна и выйти за Дантеса, несмотря на все, что произошло?» (Звенья. Т. 6. С. 58,71).

<sup>67</sup> Ср. письмо В. А. Жуковского к Пушкину от 11—12 ноября 1836 г. (XVI, 185).

<sup>68</sup> «Слава богу, кажется все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением. К большому счастью, за четверть часа пред ними приехал из Москвы старшой Гончаров, и он объявил им родительское согласие, итак, все концы в воду. Сегодня жених подает просьбу по форме о позволении женитьбы и завтра от невесты поступает к императрице» (*Щеголев*, с. 264).

<sup>69</sup> ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. I. Ч. 3, № 3319. Л. 5 об.—6. Пер. с фр.

<sup>70</sup> *Щеголев*, с. 104.

<sup>71</sup> «Публика удивляется, но, так как история с письмами мало кому известна, объясняет этот брак очень просто. Один только

Пушкин своим взволнованным видом, своими загадочными восклицаниями, обращенными к каждому встречному, и своей манерой обрывать Дантеса и избегать его в обществе добьется того, что возбудит подозрения и догадки. Вяземский говорит, „что он выйдет обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает“.— Из письма С. Н. Карамзиной брату 21 ноября 1836 г. (подлинник по-французски) (*Карамзины*, с. 139). «...Это какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не понятен; вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая кофе в Бадене».— Из ее же письма к брату (*там же*, с. 148).

<sup>72</sup> «Оттуда к к. Мещер<ской> - Кар<амзиной> приехали со свадьбы шаферы».— Дневник А. И. Тургенева, запись 10 января (*Щеголев*, с. 243), «Неделю тому назад сыграли мы свадьбу барона Эккерн с Гончаровой. Я был шафером Гончаровой»,— писал Александр Карамзин брату Андрею (*Карамзины*, с. 154).

<sup>73</sup> А. А. Ахматова имеет в виду письмо Андрея Карамзина от 26 июня (8 июля) 1837 г., в котором он описывает свою встречу с Дантесом в Баден-Бадене: «Со слезами на глазах говорил он о поведении вашем (т. е. семейства, а не маменьки, про которую он мне сказал: «В ее глазах я виновен, она мне все предсказала заранее, если бы я ее увидел, мне бы нечего ей было отвечать») в отношении к нему и несколько раз повторял, что оно глубоко огорчило его... „Ваше семейство, которое я сердечно уважал, ваш брат в особенности, которого я любил, которому доверял, покинул меня, стал моим врагом, не желая меня выслушать и дать мне возможность оправдаться,— это было жестоко, это было дурно с его стороны“—и в этом, Саша, я с ним согласен, ты нехорошо поступил» (*Карамзины*, с. 404).

<sup>74</sup> В. Ф. Вяземская писала в Москву после катастрофы: «В среду 27-го числа, в половине 7-го часа пополудни, мы получили от г-жи Геккерн ответ на записку, написанную моей дочерью. Обе дамы виделись сегодня утром. Ее муж сказал, что он будет арестован. Мари попросила разрешения у его жены навесить ее, если это случится. На вопросы моей дочери в этом отношении г-жа Г<еккерн> ей написала: „Наши предчувствия оправдались. Мой муж только что дрался с Пушкиным; слава Богу, рана совсем неопасна. Но Пушкин ранен в поясницу. Поезжай утешить Натали“». «Что же касается фатального героя этой фатальной истории,— пишет Вяземская в том же письме,— предоставим его также самому себе. Мне было бы тяжело

говорить Вам о нем подробно. Он убил Пушкина, чтобы не быть самому убитым, это правда. Но черепица, падающая на дорогое нам существо, не стоит того, чтобы я тщательно ее сохраняла; я ее удалила бы из поля своего зрения. Мы делаем так же. Для меня было бы невозможно посетить убийцу друга, тем более что ничего не вызывает интереса к нему. Он ранен легко; он женат на женщине, которую никто ему не предлагал (она его выбор); она выбрана им или, по крайней мере, его приемным отцом; они богаты и не подвержены строгости законов, так что они спокойны (за себя)» (Новый мир. 1931. № 12. С. 189 и 193).

<sup>75</sup> Из письма П. А. Вяземского к Э. К. Муслиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. (подлинник по-французски) (Рус. Архив. 1900. № 3. С. 391).

Перевод в «Русском архиве» отличается от ахматовского и представляет собой скорее толкование, чем перевод французской фразы Вяземского. Ср.: «...кто всем своим поведением был уже убийцей Пушкина, а теперь и в действительности застрелил его».

<sup>76</sup> Встретившись за несколько дней с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече, Пушкин был непреклонен. Наконец, она напомнила ему о детях его.

— Ничего,— раздражительно отвечал он,— император, которому известно мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство...» (*Семевский М. И.* К биографии Пушкина // Рус. вестник. 1869. № 11—12. С. 91).

<sup>77</sup> Обмолвка Ахматовой: это письмо Николая I от 3 февраля адресовано брату Михаилу Павловичу, а не сестре: «Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшую частью самых глупых, из коих одно порицание Геккерна справедливо и заслуженно; он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна» (*Щеголев*, с. 395).

<sup>78</sup> «Ровно в час дня <27 января> Пушкин вышел из дома и пошел пешком до извозчика. В условленное время <...> в условленном месте он встретился с К. К. Данзасом, посадил его в свои сани и повез во французское посольство к д'Аршиаку.

Прибыв к д'Аршиаку, Пушкин <...> обращаясь к Данзасу <...> начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккерном. В следственной комиссии Данзас следующим образом изложил содержание разговора у д'Аршиака: «„Александр Сергеевич Пушкин начал объяснение свое у д'Аршиака следующим: Получив письма от неизвестного, в коих он виновником почитал нидерландского посланника...“» (Щеголев, с. 130). (Курсив мой.— Э. Г.)

<sup>79</sup> В письме гр. К. Ф. Толю от 26 января 1837 г. Пушкин, благодаря его за благожелательный отзыв об «Истории Пугачевского бунта», особенно остановился на мнении Толя об оклеветанном современниками генерале Михельсоне: «Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит священное писание».

<sup>80</sup> «Зашел к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении псалтыря: „Правду твою не скрыв в сердце твоём“. Конечно, то, что Пушкин почитал *правдою*, т. е. злобу свою и причины оной к антагонисту, он не скрыв, не уgomонился в сердце своем и погиб». — Из дневника А. И. Тургенева 31 января 1837 г. (Щеголев, с. 249). 1 февраля Тургенев писал А. Нефедьевой: «Вчера, входя в комнату, где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: „Правду твою не скрыв в сердце твоём“. Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал *правдою*, что для него, для сердца его казалось *обидою*, он не скрыв в себе, не укротил в себе,—а высказал в ужасных и грозных выражениях своему противнику—и погиб!» (Пушкин и его современники. Вып. VI. С. 67).

## АЛЕКСАНДРИНА

Печатается по журналу «Звезда» (1973. № 2. С. 208—213).

Сохранилась заметка А. Ахматовой, касающаяся истории работы над «Александринной»: «В марте 1962 г. Ал. Авдеенко по поручению АПН брал у меня интервью (Комарово. Дом творчества). Я сказала: „Я написала работу о гибели Пушкина. Кроме того, у меня есть отдельная глава о сестре жены Пушкина, о ее роли в этой трагедии“\*.

\* Сказала я так темно, чтобы не обнаружить мои находки до напечатания статьи, потому что мои выводы диаметрально противоположны последнему, что было известно (Щеголев, с. 3).

В начале 63 года я более подробно изложила мои пушкинские исследования корреспонденту „Известий“ М. Долгополову, который был у меня. <...> „Александрину“ я читала много раз (В. В. Виноградову, В. М. Жирмунскому, И. М. Семенко, Оксману <...> Карагановой, которая просила ее у меня для „Нового мира“. Басалаев просил ее для „Звезды“.

Поэтому мне показалось особенно странно, что Яшин („Звезда“, 8—9) пишет по этому поводу. (Цитата). „Теперь нам известно“ — ждешь ссылку на мою работу. Однако такой ссылки нет. Поэтому я позволю себе обнародовать залежавшуюся в моем столе „Александрину“, тем более что в ней интересны не факты, а метод, в котором есть кое-что новое.

Что же касается роли *bande joyeuse*, то ее до сих пор никто не касался» (ГПБ).

Имеется в виду цитата из статьи М. Яшина «Хроника преддвальных дней» (Звезда. 1963. № 9. С. 173).

<sup>1</sup> См. письмо А. С. Пушкина нидерландскому посланнику 26 января 1837 г.

<sup>2</sup> *Карамзин*, с. 165.

<sup>3</sup> Из памятных записок Н. М. Смирнова // Рус. архив. 1882. № 1. С. 233.

<sup>4</sup> Пушкин и его современники. Спб., 1914. Вып. 17—18. С. 168. Однако 12 февраля 1836 г. А. Н. Вульф уже писала П. А. Осиповой: «Ольга утверждает, что он очень ухаживает за своей свояченицей» (Пушкин и его современники. Спб., 1915. Вып. 21—22. С. 331).

<sup>5</sup> «Рассказ князя А. В. Трубецкого об отношениях Пушкина к Дантесу». Запись, сделанная с его слов В. А. Бильбасовым в Павловске (1887), была издана отдельной брошюрой в 10 экземплярах. Перепечатана — *Щеголев*, с. 360—364. Трубецкой дважды упомянул, что версия о связи Пушкина с Александриной известна ему от Идалии Полетики. Рассказчик уверял, что Александра, «очень некрасивая, но весьма умная девушка», еще до знакомства с Пушкиным «знала наизусть все стихотворения будущего бо-фрэра и была влюблена в него заочно».

<sup>6</sup> В рассказе Трубецкого приведен эпизод с поцелуем Дантеса и Натальи Николаевны, о котором А. И. Кирпичников писал: «История с обличительным поцелуем есть „бродячая повесть“, очень почтенная по своей древности, встречающаяся в огромном количестве приручений у разных народов, а сюда попавшая из



какого-нибудь французского сборника conte poétique» (Рус. старина. 1901. Т. 106. С. 79). Сходные эпизоды встречаются в «Декамероне» Боккаччо.

<sup>7</sup> См.: Щеголев, с. 284.

<sup>8</sup> *Бартоломей П. И.* Из записной книжки «Русского архива». 12 апреля 1889 года // Рус. архив. 1911. Т. 1. № 1. С. 175—176.

<sup>9</sup> См.: Звенья. Т. 9. С. 180.

<sup>10</sup> Ошибка Ахматовой: об январских анонимных письмах говорится в военно-судном деле. Например: «Напоследок 26 января сего года Пушкин по получении безымянных писем послал к отцу подсудимого...» (Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерном: Подлинное военно-судное дело 1837 г. Спб., 1900. С. 141).

<sup>11</sup> См.: *Яшин М.* Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 9. С. 174.

<sup>12</sup> С. Н. Карамзина писала брату Андрею 2 февраля 1837 г.: «Я рада, что Дантес совсем не пострадал и что, раз уже Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной» (*Карамзины*, с. 171). 10 февраля она возвращается к этому вопросу: «Дантеса будут судить в конной гвардии; мне бы хотелось, чтобы ему не было причинено ничего дурного и чтобы Пушкин остался единственной жертвой» (*Карамзины*, с. 175—176).

<sup>13</sup> См. письмо бар. Е. Вревской мужу 2 сентября 1837 г. // Пушкин и его современники. Спб., 1914. Вып. 19—20. С. 110.

<sup>14</sup> Е. А. Баратынский сообщал в письме П. А. Вяземскому 5 февраля 1837 г., что он «навестил отца <Пушкина> в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец на общие, весьма неубедительные увещания сказал: „Мне остается одно: молить бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл“. Это было произнесено с раздирающею душу ласковостью» (*Карамзины*, с. 402).

<sup>15</sup> А. Н. Гончарова была назначена фрейлиной императрицы указом 1 января 1839 г., то есть вскоре по возвращении ее в Петербург вместе с Натальей Николаевной.

<sup>16</sup> См.: *Бартоломей П. И.* Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземской (записано в разное время с позволения обоих) // Рус. архив. 1888. № 7. С. 305—312. Ср.: Щеголев, с. 60.

<sup>17</sup> См. с. 280, примеч. 32.

<sup>18</sup> П. Е. Щеголев приписал двуличие, отмеченное Жуковским, Пушкину. Правильно истолковала запись Жуковского Е. С. Бул-

гакова, сделавшая об этом доклад на квартире у В. В. Вересаева в 1936 г.: «два лица» после свадьбы было у Дантеса.

<sup>19</sup> В письме к А. С. Пушкину 14—15 октября 1836 г. (XVI, 187).

<sup>20</sup> С. Н. Карамзина писала брату 18/30 октября 1836 г.: «...мы вернулись к нашему городскому образу жизни, возобновились наши вечера, на которых с первого же дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром <Карамзиным>, Александрина — с Аркадием <Россет>» (*Карамзины*, с. 120. См. Послесловие, с. 334).

<sup>21</sup> Письмо от 6 января 1835 г.

<sup>22</sup> *Щеголев*, с. 290.

<sup>23</sup> В записной книжке Ахматовой 1960—1961 гг. (ЦГАЛИ) содержится обрывок фразы, варьирующей этот отзыв о воспоминаниях Араповой и о Александрине: «...злой, глупой женщины, превращающей великого поэта в банально разоряющегося камерюнкера». Публикуя этот черновой набросок, Е. И. Лямкина ошибочно истолковала его как прямой портрет Натали Николаевны. См. сб.: *Встречи с прошлым*. М., 1978 и 1980 (два издания). Вып. 3. С. 405.

<sup>24</sup> Речь идет о бекеше, в которой стрелялся Пушкин.

<sup>25</sup> См.: *Звезда*. 1964. № 8.

<sup>26</sup> См.: *Раевский Н. А.* В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой // *Пушкин. Исслед. и материалы*. М.; Л., 1962. Т. 4. Ср.: *Раевский Н. А.* Когда оживают портреты. Алма-Ата, 1965; *Раевский Н. А.* Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974.

<sup>27</sup> Екатерина Николаевна Геккерн (урожд. Гончарова) умерла от послеродовой горячки в 1843 г.

<sup>28</sup> А. П. Арапова писала: «Александра Николаевна рассказывала мне, что его (Дантеса) осведомленность относительно их прогулок или выездов была прямо баснословна и служила темой постоянных шуток и догадок сестер. Раз даже дошло до пари. Как-то утром пришла внезапно мысль поехать в театр. Достав ложу, Александра Николаевна заметила:— Ну, на этот раз Геккерн (Дантес) не будет! Сам не догадается, и никто подсказать не может.— А тем не менее мы его увидим!— возразила Екатерина Николаевна,— всякий раз так бывает, давай пари держать!— И на самом деле, не успели они занять свои места, как блестящий офицер, звеня шпорами, входил в партер» // *Новое время*. 1907. Приложение к № 11416.

## ПУШКИН И НЕВСКОЕ ВЗМОРЬЕ

Печатается по авторизованной машинописи (ГПБ). Впервые опубликовано в альманахе «Прометей» (М., 1974. № 10. С. 226—234).

В ГПБ хранится несколько авторизованных машинописных экземпляров, датированных 23 января 1963 г., но с разночтениями: поправки и дополнения вносились Ахматовой в разные экземпляры и не были сведены ею в одну редакцию. Рукописный черновик хранится в ЦГАЛИ.

<sup>1</sup> «Уединенный домик на Васильевском» перепечатан в разделе «Приложения» в 9-м томе третьего издания десятитомного Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (М., 1965). Это запись устного рассказа Пушкина, сделанная его знакомым В. П. Титовым. Впервые была напечатана с подписью «Тит Космократов» в альманахе «Северные цветы на 1829 г.». Ахматова дала этой повести новое толкование (см. «Пушкин в 1828 году»<sup>2</sup>).

<sup>2</sup> В статье «Петербург в творчестве Пушкина» (Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 27) Б. В. Томашевский сближает пейзаж из «Уединенного домика на Васильевском» с топографией того домика, в котором жила Параша из «Медного всадника», а не с топографией места, где был похоронен Евгений.

<sup>3</sup> В наброске к этой статье, имея в виду черновую строку «отрывка»: «Приют пустынный птиц морских», Ахматова писала: «Кроме Голодая на взморье много мелких островков. На них действительно сидят морские птицы — чайки, утки; сушатся рыбачьи сети, иногда догнивает дырявая лодка, чернеют следы костров. Так, во всяком случае, было в начале XX в., когда я часто там бывала».

<sup>4</sup> См. примечание 8 первой главы «Евгения Онегина».

<sup>5</sup> Уже после смерти Ахматовой Н. И. Харджиев обратил мое внимание на не учтенный в специальной литературе печатный источник о погребении казненных декабристов на острове Голодай: *Жемчужников Л. Мои воспоминания из прошлого. М., 1926. Вып. 1. С. 133. (Ср.: Прометей. М., 1974. № 10. С. 219).*

<sup>6</sup> Речь идет о двух стихотворениях Пушкина: «Во глубине сибирских руд» и «19 октября 1827», откуда и приведена последняя строка.

<sup>7</sup> Последовательность появления записей и рисунков Пушки-

на приведена Ахматовой не совсем точно: известие о казни декабристов дошло до Пушкина 24 июля 1826 г.; 6-ю главу «Онегина» поэт дописывал еще в августе 1827 г.; первые два рисунка виселицы были сделаны в ноябре 1826 г.; а затем повторены в 1828 г. в черновиках «Полтавы».

<sup>8</sup> См.: *Цяловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // *Временник Пушкинской комиссии.* 1963. М.; Л., 1966. С. 7.

<sup>9</sup> Рус. архив. 1866. Стб. 1464.

<sup>10</sup> *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // *Пушкин. Исслед. и материалы.* М.; Л., 1958. Т. 2. С. 38.

<sup>11</sup> В третьем (неполном) машинописном экземпляре статьи «Пушкин и Невское взморье» после этих слов автором поставлен знак сноски, а на обороте предыдущего листа (6-го) сделана собственноручная запись карандашом, возможно относящаяся к этому месту: «В том же 1828 году написана баллада „Утопленник“. Надо думать, что так страшно наказанный отказ мужика дать могилу и крест погибшему в волнах человеку тоже не случайность в творчестве Пушкина. Пусть подзаголовок „простонародная сказка“ не вводит нас в заблуждение. И из сокровищницы народного творчества поэт берет только то, что ему близко и нужно».

<sup>12</sup> В авторизованных машинописных экземплярах осталась не исправленной опечатка: «великое верование». Исправляем на «высокое верование» по черновому автографу (ЦГАЛИ).

<sup>13</sup> Это указание ошибочно.

<sup>14</sup> В черновых бумагах Ахматовой сохранилось несколько набросков изложения рассказа Н. О. Лернера (Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 179—181) об отношении П. А. Вяземского к памяти казненных декабристов. Приводим важнейшие, предназначенные для дополнения статьи «Пушкин и Невское взморье».

«В подмосковной Вяземского Остафьеве сохранился небольшой черный ящик, который Петр Андреевич Вяземский берег всю свою жизнь. Он был запечатан его печатью и снабжен ярлыком, на котором рукою Вяземского было написано: „Праздник Преполонения за Невою. Прогулка с Пушкиным 1828 года“. В этом ящике оказалось только пять щепочек. 18 апреля, т. е. в тот же день, в письме к жене Вяземский отчасти открывает загадку черного ящика. Он описывает прогулку друзей по Петропавловской крепости: „Много странного

мрачно- и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в казематах". Далее Лернер говорит, что письмо обращает легенду, связывающую щепочки с памятью пяти повешенных декабристов, в правдивую историю. Ясно, что щепочки были вынесены из крепости».

В другой черновой записи (ЦГАЛИ) Ахматова прямо называет целью этой поездки — поиски места казни. «Это место Пушкин в 1836 году показывал Дуровой, когда вез ее к себе на дачу», — напоминает Ахматова известный эпизод, описанный «кавалерист-девицей», и продолжает: «Невероятно, чтобы Пушкин в первый же раз, когда он был в Петербурге после казни <...> не искал место могил на Невском взморье. Тогда он мог застать еще следы наводнения 1824 года (мы, ленинградцы, знаем это по нашему наводнению 1924 года) и даже остатки домика на одном из островков, что пошло в „Медный всадник“».

<sup>15</sup> См.: *Зенгер Т.* Из черновых текстов Пушкина... Новые строфы «Евгения Онегина» // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 36—43.

<sup>16</sup> На обороте 4-го листа первого машинописного экземпляра (ГПБ) имеется собственноручная запись Ахматовой о черновом варианте третьей строфы «Отрывка»: «Стих (в черн.): *И злое мрачное мечтанье*— мог бы служить подписью под рисунком виселиц».

## ЗАМЕТКИ

Заметки размещены и пронумерованы составителем. Квадратные скобки, в которые Ахматова заключала в рукописи отдельные замечания для памяти, заменяются знаком NB.

### «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

*Дополнения 1958—1959 годов  
и заметки для новой редакции*

Печатается по авторизованной машинописи — ГПБ. Вставки носят характер набросков и недостаточно четко согласованы с основным текстом. Вставки 1, 3, 4, 6, 8, 9 впервые опубликованы в журнале «Вопросы литературы». 1970. № 1. С. 160—166.

<sup>1</sup> Приводим черновой вариант вставки 1: «В „Каменном госте“ то же построение, что почти во всех романах Достоевского (кроме „Преступления и наказания“). Все начинается — когда все кончилось, хочется сказать, быть может, несколько косноязычно, но совершенно точно. Вообще и Пушкин и Достоевский были мастерами „предыстории“. Инеза и Командор, любовь Гуана и Лауры, супружеская жизнь Доны Анны, быт Гуана в Мадрите, в ссылке — все это еле тронута, но так тронута, что больше ничего не надо. (Таков же „Моцарт и Сальери“.) Так же построены романы Достоевского. В этом их трагическая насыщенность. И даже не *in medias res* <в разгар событий>, а почти к шапочному разбору попадает читатель, но почему-то совершенно не замечает этого».

<sup>2</sup> «The City of the Plague» («Город Чумы») — трагедия Джона Вильсона, одна из сцен которой послужила основой для пушкинского «Пира во время чумы». Далее Ахматова цитирует издание: *Вильсон Д. Город Чумы* / Пер. Ю. Верховского и П. Сухотина. М., 1938. С. 44—45.

<sup>3</sup> Дэвотка (польск. dewotka) — святоша. О Каролине Собаньской — см. «Болдинская осень (8-я глава „Онегина“).

<sup>4</sup> *Берковский Н.* Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // Рус. литература. 1958. № 1. С. 83—111. То же // *Берковский Н. Я.* Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 357—403.

<sup>5</sup> Очевидно, имеются в виду слова П. А. Вяземского в письме к жене (март 1830 г.): «Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которою волочишься, прикидываясь в любви к другой, и на досаде ее основывать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе» (Звенья. М.; Л., 1934. Т. 3—4. С. 160).

<sup>6</sup> Ахматова настойчиво возвращается к вставке 6 — о «Повестях Белкина»: первый вариант датирован «26 апреля 1957 г. Москва», промежуточный — «29 мая 1957. Будка», т. е. Комарово, и, наконец, публикуемый нами со сноской «1957. Ноябрь. Москва».

<sup>7</sup> Автополемика с первоначальными соображениями, зафиксированными в упомянутом выше первом варианте: «Проза тогда (1830) была новым способом выражения для Пушкина, и ему в

ней было почему-то (говорю так пока, и отчасти по собственному опыту) удобнее произвести свое замечательное, беспрецедентное заклинание судьбы (даже трудно это как-то иначе назвать).

<sup>8</sup> Ольга Михайловна Калашникова (в замужестве Ключарева) — крепостная А. С. Пушкина.

<sup>9</sup> В первоначальном варианте имеются представляющие интерес строки, не вошедшие в окончательный текст:

«Что же касается „Маленьких трагедий“, то в них Пушкин не делает ни малейшей попытки спасти кого-нибудь».

«N В. „Пиковая дама“ совсем не то — там эта проблема не стоит, там — не убий».

«Пушкин как бы прячет их всех от грозной судьбы, он дает ей урок на их примере».

Ср. с „Пиковой Дамой“, где все — ужас, рассказанный необычайно светским тоном.

Вообще „Пиковая Дама“ — чудо. Мы привыкли, что светская повесть неизбежно сатирична. Без этого она за редкими исключениями (Л. Толстой) отчего-то припахивает лакейской. В „Пиковой Даме“ нет и тени сатиры. А более придворно-светской вещи не написал никто и никогда».

На обороте последней страницы окончательного текста запись Ахматовой карандашом:

«О счастья  
 Все счастьем беден я  
 Ужель, ужель его не обрету я  
 В пустыне бытия  
 (Где? Когда?)».

Это — неточная цитата из стихотворения Баратынского 1823 г.:

О счастья с младенчества тоскуя,  
 Все счастьем беден я,  
 Или вовек его не обрету я  
 В пустыне бытия?

<sup>10</sup> «El Burlador de Sevilla y Convidado de piedra» — «Севильский озорник и Каменный гость» (1620) — пьеса испанского драматурга Тирсо де Молина, прототип всех позднейших пьес о Дон Жуане.

## БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

(8-я глава «Онегина»)

Печатается по черновым автографам (ГПБ). Заметки 3, 6, 7—12, 16—18 впервые опубликованы в журнале «Вопросы литературы». 1970. № 1. С. 167—176.

<sup>1</sup> 8-я глава начата в декабре 1829 г., закончена и переписана 25 сентября 1830 г. в Болдино. Но входящее в нее «Письмо Онегина» написано позднее—5 октября 1831 г. в Царском Селе.

<sup>2</sup> «Август смотрит сентябрем...»—намеки на Александра I, заимствованный из стихотворения Н. М. Языкова «Мы любим шумные пиры»:

Наш Август смотрит сентябрем—  
Нам до него какое дело!..

(См. письмо Пушкина к брату, октябрь 1822 г.)

<sup>3</sup> «Стоит олень, склонив рога»—черновая строфа «Путешествия Онегина» (VI, 499).

<sup>4</sup> «Уж Волга, рек, озер краса»—X строфа «Путешествия Онегина», ср. у Дмитриева: «О Волга! рек, озер краса» («К Волге»).

<sup>5</sup> «Законодатель Ярослав С четою грозных Иоаннов»—VI строфа «Путешествия Онегина».

<sup>6</sup> Имеется в виду зачин строф у Байрона.

<sup>7</sup> Упоминание о «белокуром мизантропе» встречается не в 8-й главе «Онегина», а в черновике «Езерского». В примечании к «Адольф» (см. с. 269) Ахматова доказывает, что это портрет самого Бенжамена Константа, так же как и «печальный сумасброд» 8-й главы. Отсюда—невольная подмена одной характеристики другой в ее записях для себя.

<sup>8</sup> В статье «Три письма Пушкина к неизвестной» (Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 200—221) Т. Г. Зенгер (Цявловская) доказала, что эти письма не являлись литературными заготовками, а имели реального адресата. В книге «Рукою Пушкина» (М.; Л., 1935. С. 179—208) ею же установлено, что два письма из трех представляют собою черновики писем Пушкина к Собаньской от 2 февраля 1830 г.

<sup>9</sup> М. П. Алексеев (Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР, 1928. Т. 1. Кн. 1. С. 321—322), рассматривая гипотезу об А. Н. Раевском как адресате письма Пушкина от 15—22 октября



1833 г. из Одессы, раскрыл имя упоминаемой в этом письме «М.» — «мадам Собаньская».

<sup>10</sup> О встрече Пушкина с Мицкевичем у Собаньской в 1828 г. в Петербурге писал в своих воспоминаниях Ю. Пшецлавский (*Ципринус. Калейдоскоп воспоминаний* // Рус. архив. 1872. № 10. Стб. 1907). Однако новейшие исследователи подвергают достоверность этих мемуаров сомнению (см.: *Ландо С. С. А. С. Пушкин в печати Польской Народной Республики в 1949—1954 годах* // Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 429).

<sup>11</sup> Стихотворение «Что в имени тебе моем?», напечатанное в 1830 г., было записано Пушкиным в альбом Собаньской в Петербурге 5 января 1830 г. Сообщение о находке этого автографа в Киеве сделал В. Базилевич (Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 876—879).

<sup>12</sup> Там же (с. 571) впервые напечатана записка «Неизвестной светской дамы» к Пушкину (из собрания П. Е. Щеголева), автором которой, как было установлено, была та же К. Собаньская (с. 616).

<sup>13</sup> Пушкин вписал в альбом пианистки Марии Шимановской (1 марта 1828 г.) строки, совпадающие со стихами из сцены у Лауры в «Каменном госте»:

Из наслаждений жизни  
Одной любви музыка уступает,  
Но и любовь мелодия...

<sup>14</sup> Сафической «перевернутой» строфой в «Письме Онегина» Ахматова называет строфу: «Нет, поминутно видеть вас...» В принадлежащем Ахматовой экземпляре однотомника сочинений Пушкина 1935 г. эта строфа отчеркнута карандашом, а на полях написано ее рукой: «Сафо». «Heureux qui près de toi» («Счастлив, кто подле тебя») — начало французского перевода оды Сафо «Любовь».

<sup>15</sup> *Семенко И. М.* О роли образа «автора» в «Евгении Онегине» // Тр. Лен. библ. ин-та. Л., 1957. Т. 2. С. 127—146.

<sup>16</sup> См. примеч. 7.

<sup>17</sup> Это суждение о самом себе Пушкин приписывает Собаньской в письме к ней 2 февраля 1830 г.

<sup>18</sup> «Демоном моим» — цитата из XII строфы 8-й главы «Евгения Онегина». Мельмот — главный герой одноименного романа Матюрена «Мельмот-скиталец», упоминается Пушкиным в черновике той же XII строфы 8-й главы в ряду демонических образов.

<sup>19</sup> Керубино — имя влюбленного пажа из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро». В. Ф. Вяземская писала мужу из Одессы (4 июля 1824 г.) о Пушкине: «Я хочу его усыновить, но он крайне непослушен; если бы не его безобразие, я нарекла бы его Керубино» (Остафьевский архив... Спб., 1913. Т. V. Вып. 2. С. 115; во французском подлиннике заключен непереводаемый каламбур: «mais il est désobeissant comme un page». Ср. запись П. А. Вяземского 20 июля 1830 г. о знакомой барышне: «В самом деле в ней что-то пажеское, херувимское, но не херувима библейского, а бомаршевского» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 184—185). См. также эпитафия к стихотворению Пушкина «Паж»: «C'est l'âge de Cherubin» («Это возраст Керубино...»).

<sup>20</sup> В своем экземпляре пушкинского однотомника Ахматова подчеркнула слово «варшавскую» (в черновике последней строфы):

Хотите знать мою богиню,  
Мую *варшавскую* графиню?..  
Нет, ни за что не назову! —

а на полях написала: «Ура!» (Литературный музей ИРЛИ АН СССР).

Сохранился набросок плана статьи Ахматовой о связи стихотворения «Паж» с воспоминаниями Пушкина о встрече с Собаньской в начале 20-х гг., с образом Татьяны из 8-й главы и двумя стихотворениями Альфреда де Мюссе:

«Паж, или Пятнадцатый год

„Женитьба Фигаро“ в Елагинском театре (Вяз.) Пушкин — паж. Фигаро (Переписка. Письмо В. Ф. Вяземской из Одессы 1824 г. к мужу).

Аналогии с Онегиным

Chansons Musset <Песни Мюссе>

Параллели

Заключение».

<sup>21</sup> Имеется в виду строка «C'est ma maîtresse, ma lionne» <«Это моя владычица, моя львица»> из стихотворения Альфреда де Мюссе «Андалузка» («Avez-vous vu dans Barcelonne»). Об этой строке пишет Бальзак в «Альбере Саварюс»: «Англия подарила нам два новых словечка. Вместо „щеголь“, „франт“, „модник“, сменивших „птиметр“ <...> стали говорить „денди“, затем —

„лев“. Однако „львица“ произошла не от „льва“. Слово „львица“ обязано своим появлением известной песенке Альфреда де Мюссе: „Вы не видали в Барселоне <...> мою владычицу и львицу?“ Два разных понятия слились или, если хотите, смешались» (*Бальзак О.* Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 4. С. 61).

<sup>22</sup> «И цвет ланит ее так темен» — строка из стихотворения Пушкина «Паж». «*Elle est jaune, comme une orange*» — «она желта, как апельсин» — строка из песенки Альфреда де Мюссе «Мадрид», героиней которой является андалузка.

<sup>23</sup> См. примеч. 17.

<sup>24</sup> См. письмо Пушкина к А. Н. Раевскому 15—22 октября 1823 г.

<sup>25</sup> См. в «Гавриилиаде»:

Досель я был еретиком в любви,  
Младых богинь безумный обожатель,  
Друг демона, повеса и предатель...

<sup>26</sup> Лит наследство. Т. 16—18. С. 804.

<sup>27</sup> Письма Каролины Собаньской А. Х. Бенкендорфу, свидетельствующие о ее секретной работе в III Отделении, напечатаны впервые Т. Г. Цявловской в книге «Рукою Пушкина» (с. 190 и 193).

<sup>28</sup> «Упрек жестокий и кровавый» — вариант строки «Укор веселый и кровавый» из окончания стихотворения «Воспоминание» 1828 г. (В основном тексте это окончание не печатается.)

<sup>29</sup> *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 7. С. 184—186.

<sup>30</sup> См. примеч. 27.

<sup>31</sup> «Я знаю: век уж мой измерен» — из «Письма Онегина к Татьяне». «Печальная тайна» — см. реплику Дон Гуана в III сцене «Каменного гостя»:

Случай, Дона Анна, случай  
Увлек меня — не то б вы никогда  
Моей печальной тайны не узнали.

Ср. с «Письмом Онегина»:

Предвижу все: вас оскорбит  
Печальной тайны объясненье.

«Ср. Адольф, — пишет Ахматова на полях рукописи, — (кажется) „triste mystère“ <печальная тайна>».

«Если б я прежде вас узнал» — реплика Дон Гуана в IV сцене.

<sup>32</sup> На листе с первоначальными набросками Ахматовой к 8-й главе «Онегина» сохранилась ее полустертая запись карандашом: «Кому Пушкин писал — судьба мечет нам чистейший баламут?» Найдя это письмо Пушкина, Ахматова сопоставила его с 8-й главой. В ее экземпляре однотомика против подчеркнутых ею строк:

А перед ним воображенье  
Свой пестрый мечет фараон —

помечено ее рукой: «Ср. „мечут нам чистый баламут“ (письмо к Вяземскому 5 ноября 1830 г.)».

Пушкин писал Вяземскому из Болдина не о судьбе, а о политике Николая I («разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут, а мы еще понтируем! Ни одной карты налево, а мы все-таки лезем»). Первоначальная ошибка памяти Ахматовой откликнулась, однако, в одном из ее стихотворений:

Ты напрасно мне *под ноги мечешь*  
И величье, и славу, и власть.  
Знаешь сам, что не этим излечишь  
Песнопения светлую страсть...

## ДВЕ НОВЫЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

Печатается по черновым автографам (ГПБ). Впервые опубликовано с сокращениями в журнале «Вопросы литературы». 1970. № 1. С. 176—183. Заметки № 1—5 извлечены из остатков черновой рукописи (карандаш) статьи Ахматовой «Пушкин и Мицкевич» (ГПБ), беловая рукопись которой «пропала в блокаду». У Ахматовой сохранилось несколько черновики, которые вновь были ею пересмотрены, по всей вероятности, в 1959 г., когда она начала работать над статьей «Две новые повести Пушкина» (или «О поздней пушкинской прозе», см. заметку 6 и дальше).

<sup>1</sup> «Отрывком» 1830 г. «Несмотря на великие преимущества...» Пушкин воспользовался при описании писателя Чарского в I главе «Египетских ночей» (см.: *Бонди С. Новые страницы Пушкина*. М., 1931. С. 204). «Х» «Отрывка», упоминаемый далее, — безымянный герой этого наброска.

<sup>2</sup> «Я царь, я раб, я червь, я бог» — эпиграф ко II главе «Египетских ночей» (из оды Державина «Бог»).

<sup>3</sup> См.: Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934. С. 206: «Наружность его была истинно прекрасна. Черные, выразительные глаза; роскошные черные волосы; лицо с ярким румянцем; довольно длинный нос, признак остроумия; добрая улыбка, часто являвшаяся на его лице, постоянно выражавшем задумчивость, — таков был Мицкевич в обыкновенном, спокойном расположении духа; но когда он одушевлялся разговором, глаза его воспалялись, физиономия принимала новое выражение, и он бывал в эти минуты увлекателен, очаровывая притом своею речью, умною, отчетливою, блистательною...»

Ср. с «Египетскими ночами»: «Он был высокого росту — худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны: бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая впалые желто-смуглые щеки, обличали в нем иностранца».

<sup>4</sup> Этот эпизод описан в письме А. Э. Одынца к Ю. Корсаку 9/21 мая 1829 г.: «Во время одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого был дан этот вечер, вдруг вскочил с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, восклицал: „*Quel génie! quel feu sacré! que je suis-je auprès de lui!*“ <„Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?“> — и, бросившись Адаму на шею, обнял его и стал целовать как брата» (Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 631). Ср. с описанием Вяземского: «Поэт на несколько минут, так сказать, уединился во внутреннем святилище своем. Вскоре выступил он с лицом, озаренным пламенем вдохновения: было в нем что-то тревожное и прорицательное... Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1882. Т. 7. С. 328—329).

<sup>5</sup> С. Бонди, напротив, указывает, что тема об импровизаторах была в 30-х гг. модной: «В журналах и газетах тогда печатались сообщения о публичных выступлениях приезжих импровизаторов в Петербурге и Москве, статьи об искусстве импровизации; В. Ф. Одоевский в 1835 году напечатал повесть „Импровиза-

тор"...». С. Бонди находит также известное сходство между описанием выступления Паганини Г. Гейне в «Флорентийских ночах» и изображением импровизации в «Египетских ночах» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 6. С. 136—137).

Е. Казанович (Звенья. Т. 3—4. С. 201) приводит дополнительные литературные источники «Египетских ночей» — «Коринна» де Сталь, Ж.-П. Рихтер и др., но приходит к решительному выводу, что Пушкин описал импровизации гастролера Лангешварца на его вечере, данном в Петербурге 24 мая 1832 г. Доказательств присутствия Пушкина на этом вечере Казанович не привела.

Указывалось также на текстуальное заимствование Пушкина из статьи А. Глаголева «Итальянцы» в «Московском вестнике», 1827. № 12, где на с. 327 сказано об итальянском импровизаторе: «Чело старца прояснилось, и казалось, он чувствовал приближение Аполлона». Ср. у Пушкина: «Но уже импровизатор чувствовал приближение бога...» (Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М., 1966. С. 216). Однако все указанные источники рисуют импровизаторов как фокусников, в то время как пушкинское описание дает образ художника и мыслителя, что и подчеркивает Ахматова. Ср. с отзывом Вяземского в письме к жене из Петербурга 2 мая 1828 г.: «Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем... Мицкевич импровизировал на французской прозе и порази нас... силою, богатством и поэзиею своих мыслей... Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами» (Лит. наследство. М., 1958. Т. 58. С. 76—77). Связь повести Пушкина со статьей Глаголева можно усмотреть только в словах автора из «Московского вестника» о распространенности искусства импровизации преимущественно среди итальянцев.

<sup>6</sup> Ср.: «Чарскому... неприятно было видеть поэта в одежде заезжего фигляра» и «Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как заезжий фигляр и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, написанных на языке, не известном никому из присутствующих» (статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»).

<sup>7</sup> Подтекст «Египетских ночей», по мнению Ахматовой, заключался в «ключевой фразе» — третьей теме, заданной импровизатору на вечере: «La primavera veduta da una prigione» («Весна

из окна темницы»). На это Ахматова неоднократно указывала в заметках и устных беседах, причем ранее считала, что эту тему предложил сам импровизатор. По весьма убедительной догадке С. С. Ланды, эта «тема» переключается с темой сонета Мицкевича «Поэзия, скажи, где кисть твоя святая?», где с «решеткой тюрьмы» сравнивается чужой язык (*Мицкевич А. Собр. соч. М., 1948. Т. 1. С. 219*).

Реальным комментарием к этому сонету служат описания импровизации поэта-изгнанника 30 апреля 1828 г. в гостях у Пушкина в Петербурге и в мае 1829 г. в Москве, на вечере, данном в честь Пушкина (см. примеч. 4 и 5). Присутствовавший на петербургском вечере Франтишек Малевский приводит в своем дневнике слова, сказанные Мицкевичем: «Мысль на чужом языке, как младенец, умирающий во чреве матери» (Лит. наследство. Т. 58. С. 267). Ср.: *Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1882. Т. 7. С. 329*.

<sup>8</sup> См. заметки «Болдинская осень (8-я глава „Онегина“»).

<sup>9</sup> Слова из монолога Клеопатры перед ее самоубийством (Шекспир, «Антоний и Клеопатра», акт V, сцена 2).

<sup>10</sup> В черновых записях Ахматовой имеется сопоставление строки «Есть в мире сердце, где живу я», из посвященного Собаньской стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моем?», со строками из посвященного ей же стихотворения Мицкевича «Если бы ты хоть день была в моем сердце»: «Эти строки несомненно переключаются, то есть один (Мицкевич) хочет, чтобы Собаньская хоть день была в его сердце, другой (Пушкин) говорит, что она всегда живет в его сердце».

<sup>11</sup> См.: *Измайлов Н. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Уч. зап. Чкаловского гос. пед. ин-та. 1952. Вып. 6. С. 171—214. (Серия историко-филологических наук)*.

<sup>12</sup> Подразумеваются строки из «Путешествия Онегина» о Тавриде: «Там пел Мицкевич вдохновенный и посреди прибрежных скал свою Литву воспоминал». Пушкин говорит здесь о «Крымских сонетах» Мицкевича, написанных после поездки морем из Одессы в Крым в обществе К. Собаньской и ее близких.

<sup>13</sup> «Милый Демон!» — реплика Дон Карлоса, обращенная к Лауре (II сцена «Каменного гостя»).

<sup>14</sup> См. письмо Пушкина к Д. Ф. Фикельмон от 25 апреля 1830 г.

<sup>15</sup> См. вариант XXVI строфы 8-й главы «Онегина»:

Тут был К. М., француз, женатый  
 На кукле чахлой и горбатой  
 И семи тысячах душах...

<sup>16</sup> Один из персонажей повести—Вершнев—в черновой рукописи Пушкина назван настоящим именем своего прототипа—В. П. Титова, любомудра, «архивного юноши», автора повести «Уединенный домик на Васильевском», написанной по устному рассказу Пушкина.

<sup>17</sup> Х—Б. Томашевский, который писал: «В 1835 г. Пушкин задумал прозаическую повесть, в которую он вводил стихотворный рассказ о Клеопатре. Первоначально такой рамкой для стихов была неоконченная повесть „Мы проводили вечер на даче“. Впоследствии Пушкин хотел внести эти стихи в другую повесть, также оставшуюся неоконченной,—„Египетские ночи“» (Томашевский Б. Пушкин: Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л, 1961. Кн. 2. С. 59).

<sup>18</sup> См. «Мы проводили вечер на даче»: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить? Посудите сами: первый шалун, которого я презираю, скажет обо мне слово, которое не может мне повредить никаким образом, и я подставлю лоб под его пулю. Я не имею права отказать в этом удовольствии первому забияке, которому вздумается испытать мое хладнокровие. И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?»

<sup>19</sup> Имеется в виду стихотворение Пушкина 1835 г. «Странник», написанное по мотивам книги английского писателя XVII в. Джона Беньяна «Путь паломника» (см.: *Благой Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4.

<sup>20</sup> В наброске к статье «Пушкин в 1828 году» (17 апреля 1963 г.) Ахматова возвращается к этой теме: «„Мы проводили вечер...“ нисколько не отрывок повести или романа... Если представить себе „Мы проводили...“ в стихотворной или драматической форме (в которой, кстати сказать, она почти и написана), становится ясно, что последняя фраза—это отличный крепкий пушкинский конец (цитата) <«Алексей Иваныч встал и тотчас исчез»>.

Дальше ничего не могло быть».

<sup>21</sup> Это тоже скрытая полемика с Б. Томашевским, который придавал значение интересу Пушкина к «археологическим дета-



лям», анализируя стихотворение «Клеопатра» и всю окружающую его прозу (Томашевский Б. Пушкин: Материалы к монографии (1824—1837). Кн. 2. С. 59, 63).

<sup>22</sup> «Я помню ее еще в тридцатых годах в Киеве, в доме отца моего,—помню, как теперь, пунцовую бархатную току с страусовыми перьями, необыкновенно красиво шедшую к ее высокому росту, пышным плечам и огненным глазам» (Маркевич Б. М. Полн. собр. соч. М., 1912. Т. 2. С. 425—426).

<sup>23</sup> В ГПБ имеется еще один набросок 1959 г., относящийся к данной теме: «О публикации двух маленьких трагедий в прозе»:

«Помещение же великолепной маленькой трагедии в пропыленный отдел какой-то смеси я считаю длительным недоразумением. *Nabent sua fata libelli* <Книги имеют свою судьбу>. Пушкин не решился или не успел представить их как вещи нового жанра (вторая—„Цезарь путешествовал“). Обе вещи связаны тематикой—самоубийство, причем и то и другое было достаточно остро. Здесь какая-то темная и трудная страсть и роковая женщина, данная весьма тонко, там тема монарха и поэта—нечто всегда для Пушкина животрепещущее. Среди рассказов в „Петронии“ опять та же Клеопатра <...>».

## О XV СТРОФЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ „ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА“...

Впервые опубликовано в «Вопросах литературы», 1970. № 1. С. 187—195.

<sup>1</sup> В соответствии с «Оглавлением» 1959 г. Ахматовой были подобраны материалы для большинства глав и заведены обложки, надписанные ее рукой. Мы воспроизводим полное заглавие обложки 2-й главы. Но рукописи со связным текстом этой главы в бумагах Ахматовой, поступивших в ГПБ и ЦГАЛИ, обнаружить не удалось. Из различных набросков, подчас извлеченных нами из незачеркнутых оборотных страниц другой рукописи, отчетливо вырисовывается замысел и структура этой главы. В 1963 г., приступая к работе над статьей «Пушкин в 1828 году», Ахматова вновь записала основные тезисы главы о «пушкинской хандре».

<sup>2</sup> Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 286.

<sup>3</sup> Здесь в рукописи оставлено место для перечисления стихов, обсуждаемых в данной главе.

<sup>4</sup> По принятому мнению, А. Н. Раевский, находясь в связи с Е. К. Воронцовой, навлекал ревнивые подозрения ее мужа на Пушкина. Поэт был выслан в Михайловское по представлению М. С. Воронцова. Подробнее об отношениях Пушкина с А. Раевским и Е. Воронцовой см. в статье М. А. Цявловского «Из записей П. И. Бартенева (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой)» // Изв. АН СССР. 1969. Т. 28. Вып. 3. (Серия литературы и языка).

<sup>5</sup> Эта мысль развита в наброске, условно названном Ахматовой: «Совсем другое» (ГПБ, ед. хр. 3):

«До наших дней в пушкинизме циркулируют ламентации по поводу разговоров о „малодушии“ Пушкина, „ненадежности его характера“ и т. д. (см.: Исслед. и материалы. Т. 2. <1958, Б. С.> Мейлах, <„Пушкин и декабристы в период после поражения восстания 1825 года“>. С. 211). Причем высказываться, кажется, имеют право все, кроме одного человека, а именно самого Пушкина. Теперь наступило время предоставить слово пострадавшему. Конечно, очень приятно еще раз узнать, что В<ерховная> Дума не могла запретить будущим декабристам общаться с Пушкиным потому и потому. Кроме того, что мы — люди середины XX века — знаем в 100 раз больше о малодушии Пушкина, чем знали его современники, и во всем, что знаем, можем только им гордиться, сейчас настал момент распутать эту тягостную путаницу».

## I

Пушкин об обвинениях его («Не посвящал друзей в шпионы...»).

## II

То же самое происходит с разговорами о том, что Пушкин якобы «худо» умер (разгадка поведения Жук<овского> и письмо к отцу поэта).

## III

Можно утверждать, что в XX веке время работало на Пушкина, а его родной XIX век был к великому поэту очень несправедлив и жесток. Во второй половине века он был полузабыт, дурно издан, почему-то похож на Майкова. Появление семейной переписки Карамзиных властно требует пересмотра отношения к Пушкину так называемых его друзей. Сюда же примыкает тоже новый

вопрос о салоне Бобринской, о значении воспоминаний Трубецкого и о всем, что я коротко назвала «Александриной».

Клеветнические слухи о том, что Пушкин был «шпионом» правительства, преследовали поэта и тогда, когда он вернулся из Одессы. См. черновик его письма к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года: «Алексей Полторацкий сболтнул в Твери, что я шпион, получаю за то 2500 в месяц (которые очень бы мнегодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются троюродные братцы за местами и за милостями царскими». Ср. статью Т. Цявловской в «Временнике Пушкинской комиссии. 1963». М.; Л., 1966. С. 16, где она сопоставляет эту зачеркнутую Пушкиным приписку с черновыми строками «Путешествия Онегина»:

Замечен он. О нем толкует  
Разноречивая молва,  
Им занимается Москва,  
Его шпионом именует,  
Слагает в честь его стихи  
И производит в женихи.

<sup>6</sup> «Чердак» — шуточное наименование литературно-художественного салона драматурга и режиссера кн. А. А. Шаховского, занимавшего квартиру на верхнем этаже старинного петербургского особняка.

<sup>7</sup> Имеется в виду Ф. И. Толстой («Американец»).

<sup>8</sup> «Евгений Онегин», гл. IV, строфа XIX. Ниже черновая строка незаконченного стихотворения Пушкина 1830 г. «Когда порой воспоминашь...».

## ПУШКИН В 1828 ГОДУ

Заметки 1, 7, 8 и 9 печатаются по черновым рукописям (ГПБ), остальные — по записным книжкам (ЦГАЛИ). Все заметки, кроме 8-й, впервые опубликованы в журнале «Вопросы литературы», 1970. № 1. С. 195—206.

<sup>1</sup> См. письмо В. П. Титова к А. В. Головнину от 29 августа 1879 г. (в кн.: *Дельви́г А. И.* Мои воспоминания. М., 1912. С. 158). Заглавие повести, возможно, принадлежит не Пушкину, а Титову или издателю «Северных цветов» А. А. Дельви́гу. См. с. 276, примеч. 1.

<sup>2</sup> Ср.: Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 386.

<sup>3</sup> «Он опять вспомнил о давно покинутой им Вере, как грешник среди бездны разврата вспоминает о пути спасения» («Уединенный домик на Васильевском»).

<sup>4</sup> См. прозу Пушкина «Мы проводили вечер на даче».

<sup>5</sup> См. посвященные А. А. Олениной строки в стихотворении 1828 г. «Ее глаза»:

Потупит их с улыбкой Леля—  
В них скромных граций торжество;  
Поднимет—ангел Рафаэля  
Так созерцает божество—

и в стихотворении «Предчувствие»:

Ангел кроткий, безмятежный,  
Тихо молви мне: *прости*,  
Опечалься: взор свой нежный  
Подыми иль опусти...

<sup>6</sup> «Глаза наполнились кровью и слезами» — фраза из «Уединенного домика на Васильевском». «Карамзинское описание» — см. в письмах С. Н. Карамзиной к брату Андрею: «Пушкин... становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему» (29 декабря 1836 г.) — речь идет о помолвке Дантеса с Катериной Гончаровой; «Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра» (26—27 января 1837 г.) — (Карамзины, с. 148 и 165).

<sup>7</sup> Речь идет о мнении акад. В. В. Виноградова. См. текст его доклада, прочитанного в Музее А. С. Пушкина (Москва) 18 декабря 1962 г., в кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 134 и 138. А. А. Ахматова в 50-х и 60-х гг. часто встречалась с В. В. Виноградовым и беседовала с ним о Пушкине.

<sup>8</sup> См. «Пушкин и Невское взморье».

<sup>9</sup> См. письмо Пушкина к Вяземскому, написанное около 25 января 1829 г.

<sup>10</sup> Строки из окончания «Воспоминания» 1828 г., остававшиеся при жизни Пушкина в рукописи <III, 651>.

<sup>11</sup> Стихотворения 1828 г. «Ее глаза», «Предчувствие», «Город пышный...», «Ты и вы» и др.

<sup>12</sup> Е. М. Оленина грубо отказала Пушкину, когда он сватался

к ее дочери в 1828 г., а А. Н. Оленин (президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, член Государственного совета) резко изменил свое благожелательное отношение к Пушкину после учреждения над поэтом тайного надзора (см.: *Прийма Ф. Я.* Пушкин и кружок Оленина // Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2.; *Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной. Там же). См. примеч. 20.

<sup>13</sup> См. описание Вяземским поездки в Петропавловскую крепость 18 апреля 1828 г.: «Мы садились с Пушкиным в лодочку, две дамы сходят, и одна по-французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним... Мы, разумеется, позволяем. Что же выходит? Это была сводня с девкою. Сводня узнала Пушкина по портрету его, выставленному в Академии... У пристани крепости расстались мы с нашей презренной прозой <эта фраза по-французски>, у которой, однако ж, Пушкин просил позволения быть в гостях, а я, вот те Христос, не просил... Мы с Пушкиным, встреча с девкою в розовом капоте, недавно приехавшей из Франкфурта, и прочее, и прочее, все это послужить может для любопытной главы в записках наших» (Литературно-художественный сборник «Красной Панорамы». 1929. Ноябрь. С. 47—48).

Говоря о «любопытной главе» записок, Вяземский намекает и на недавние исторические события. Ахматова имела в виду содержание всего письма целиком, когда комментировала его в одной из своих черновых заметок: «18 апреля, дождавшись, чтоб прошла Нева, Пушкин повез на лодке коренного москвича кн. Петра Андреевича Вяземского (приехавшего в Петербург 27 февраля), как на богомолье, в страшную Петропавловскую крепость, чтобы тот своими глазами увидел место казни пяти декабристов. Эту поездку необычайно живописно изобразил Вяземский в письме к жене (написанном в тот же день, т. е. 18 апреля). Из крепости, как священные реликвии, Вяземский привез пять щепочек (от самой виселицы или от помоста). Он положил их в черный ящик, запечатал своей печатью и надписал: „С Пушкиным за Невой. 1828 г. Праздник Преполовения. 18 апреля“. На Голодае друзья в этот день не были, а то бы Вяземский непременно написал об этом жене». См. с. 295—296, примеч. 14.

<sup>14</sup> См.: *Лотман Ю.* Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1959. Вып. 78. С. 19—92.

<sup>15</sup> К этой теме относится также заметка в тетради Ахматовой (ЦГАЛИ) о другой прозе Пушкина:

«И все-таки „Дубровский“ — неудача Пушкина. И слава богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать. Это, в противоположность „Пиковой Дамы“, вещь без Тайны. А он не мог без Тайны. Она, одна она влекла его неудержимо. „Дубровский“, оконченный по тому времени, был бы великолепное „что-то“. Там есть все: ...

Я, как видите, оставляю целые три строки для перечисления того, что там есть „соблазнительного для читателя“\*. Да, там есть все — но нет тайнописи „Пиковой Дамы“».

<sup>16</sup> Цитата из стихотворения 1828 г. «Каков я прежде был, таков и ныне я...».

<sup>17</sup> Мысли, близкие к ахматовским, высказывала В. Писная в своей работе «Фабула „Уединенного домика на Васильевском“»: «Здесь, как и в маленьких трагедиях, основная тема — развитие страсти...» (Пушкин и его современники. Спб., 1915. Вып. 21. С. 24).

<sup>18</sup> Имеется в виду план повести Пушкина 1821—1823 гг. «Влюбленный бес», сближаемый рядом исследователей с «Уединенным домиком на Васильевском» Тита Космокротова.

<sup>19</sup> Ср. строку из стихотворения «Ее глаза»: «И сколько томных выражений» — с портретом Веры в «Уединенном домике»: «Небесные глаза, утратив прежнюю живость, еще пленяли томным выражением грусти...»

<sup>20</sup> См. черновые строфы 8-й главы «Онегина»:

Тут Лиза Лосина была  
Уж так жеманна, так мала!..  
Так неопрятна, так писклива,  
Что поневоле каждый гость  
Предполагал в ней ум и злость

или:

тут была,  
Уж так жеманна, так мала!..  
Так бестолкова, так писклива,  
Что вся была в отца и мать...

\* См. Пушкин о своем «Пугачеве»: «Его не читают, а что еще хуже — не покупают» <XII, 337; цитата приведена неточно>.

а также сатирическое обыгрывание монограммы А. Оленина «ОА»:

Тут был отец ее пролаз  
Нулек на ножках

и:

О двух ногах нулек горбатый

(см.: *Томашевский Б.* Из черновигов «Онегина»: Новые материалы // Веч. Москва. 1937. 23 января).

<sup>21</sup> См.: *Бонди С.* Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I» // Лит. наследство. Т. 58.

<sup>22</sup> Описка Ахматовой: «Клеопатра» была написана в 1824 г. не в Одессе, а в Михайловском.

<sup>23</sup> Перед этим в рукописи Ахматовой следовали краткие выписки из вышеупомянутых статей Ф. Приимы и Т. Цявловской об Олениных.

<sup>24</sup> См.: *Цявловская Т.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 2. С. 285.

<sup>25</sup> См. примеч. 20.

<sup>26</sup> «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие юродства.

В петушьем крике Суворова, в диких выходках Измайлова, в полудобровольном безумии Мамонова и буйных преступлениях Толстого-Американца слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием или направлена на что-нибудь другое» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 242—243).

## ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

«Пестрые заметки» — одно из названий, встречающихся в черновых рукописях Ахматовой для ее «Заметок на полях» прочитанных книг (маргиналий). В 1959 году ею были составлены три списка, задуманных как «Оглавление» «маргиналий и мелочей», которые Анна Андреевна намеревалась включить в издание своих статей о Пушкине. Состав этих заметок, действительно, пестрый по тематике и по степени полноты обозначения автором

---

основной мысли каждой отдельной заметки. Эти списки положены в основу публикуемого здесь раздела.

Впервые опубликовано во «Временнике пушкинской комиссии» за 1970 г. Л., 1972. С. 30—44 (Э. Г. Герштейн и В. Э. Вацуро. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине).

В настоящей книге материал списков перегруппирован, комментарий пересмотрен, в некоторых случаях дополнен. Для облегчения понимания лаконичных заметок ахматовских списков комментарий к каждому пункту дается непосредственно за текстом Ахматовой (другим шрифтом).



# АХМАТОВА-ПУШКИНИСТКА

## 1

Пушкин занимает особое место в поэтическом мире Анны Ахматовой. Он — невидимый спутник царскосельских прогулок ее молодости, «тайнопись» великого поэта она разгадывает в конце своей жизни. Сочинения Пушкина, стихотворения Баратынского, Тютчева, Иннокентия Анненского — настольные книги молодой Анны Ахматовой. Через пятьдесят лет она с волнением скажет:

«Онегина» воздушная громада...  
Как облако стояла надо мной.

В раннем стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям...» отразились особенности восприятия Анной Ахматовой Пушкина: сочетание конкретного ощущения его личности — «здесь лежала его треуголка» — и всеобщего поклонения национальному гению — «и столетие мы лелеем еле слышный шелест шагов». С тем же чувством семидесятилетняя Ахматова, в расцвете своей славы, говорит о «нашей сто сорок лет длящейся влюбленности в Пушкина», не выделяя себя из общего ряда читателей.

Поэзия и проза Пушкина стали для Ахматовой предметом историко-литературного осмысления уже в зрелом возрасте. «Примерно с середины двадцатых годов, — пишет она, — я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина»\*.

\* Коротко о себе // Ахматова Анна. Стихотворения. М., 1961. С. 8.

А в черновой конспективной заметке отмечает: «1924 <год> ... Начало пушкинизма в Мраморном дворце (André Chenier). Григорий Александрович Гуковский. Беседы с ним о Пушкине»\*. В более поздней черновой заметке хронологические рамки этого периода передвинуты. Очевидно, Ахматова подразумевала здесь уже профессиональные занятия: «В конце 20-х годов и начале 30-х годов я занималась изучением творчества Пушкина. Три мои статьи („Зол<отой> пет<ушок>“, „Адольф“, „Кам<енный> гость“) увидели свет, две—„Пушкин и Миц<кевич>“, „Пушкин и Дост<оевский>“ — пропали в блокаду» (ЦГАЛИ).

Увлечение архитектурой старого Петербурга сопровождалось прогулками по окраинам города, что отразилось в последних работах Ахматовой о Пушкине. Так, размышляя над загадочным отрывком «Когда порой вспоминаешь...», Ахматова записывает в 1963 году: «Работу „Пушкин и Невское взморье“ помогло мне осуществить мое давнее знание морских окрестностей Ленинграда» (ЦГАЛИ).

20-е годы — критические в литературной биографии Ахматовой. Они разъединили ее с широким читателем, искавшим после Октябрьской революции новой тематики в современной поэзии. «Мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать», — вспоминает она это время\*\*. В этот период Анна Андреевна много читает. Французским языком она владела с детства, немецкий знала в объеме гимназического курса, теперь она изучила английский\*\*\*. С этих пор Ахматова не расстается с томиками Шекспира, о Байроне она говорит с пристрастием и заинтересованностью, как о своем современнике.

С юных лет Ахматову влекло к античности. «В Царском Селе, в Павловске, в парках, в детстве и юности меня окружала античная скульптура и архитектура, — говорила она художнице

\* Мандрыкина Л. А. Ненаписанная книга // Книги. Архивы. Автографы. Л., 1973. С. 67. В начале 20-х гг. Ахматова жила в Мраморном дворце в Ленинграде. Тема «Шенье и Пушкин» отчасти затронута в маргиналиях Ахматовой. Первоначальный период работы Анны Андреевны над темой «Пушкин и А. Шенье» подробно отражен в дневнике П. Н. Лукницкого за 1925—1927 гг. Вопр. лит. 1978. № 6. С. 185—228.

\*\* Коротко о себе // Советские писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. 3. С. 32.

\*\*\* Свободно читала на этом языке, но никогда не говорила, стесняясь своего английского произношения.

А. В. Любимовой в 1964 году.— Это было повседневным, привычным зрелищем... давало знание мифологии просто так из окружающей жизни, а там на юге <т. е. в Херсоне>, в раннем детстве, было воспринято инстинктивно от цвета скал, от синего моря что-то от древней Эллады, еще не осознанное, но угаданное чувством» (ГЛМ). В дальнейшем ее интерес к древним культурам значительно развился. Она много читала также по истории пластических искусств, столь близких ее поэтическому методу.

Все это постоянно расширяло ее кругозор и делало чрезвычайно интересным собеседником. Но для такой творческой и волевой натуры, как Анна Ахматова, бесед и пассивного чтения было мало. Она была одарена точной и цепкой памятью и, великолепно зная творчество Пушкина, находила литературные источники его произведений, до нее остававшиеся незамеченными. Эти находки сочетались с наблюдениями над стилем Пушкина, которые ей подсказывали обостренный слух и зоркий глаз поэта. 24 ноября 1945 года она сообщала в «Литературной газете»: «В настоящее время собираю и привожу в порядок мои заметки о Пушкине (1926—1936), их всего двадцать пять, и они очень пестры по содержанию. Среди них и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения за эпистолярным стилем Пушкина, и о красочном эпитете у Пушкина. В целом эти заметки составят книгу о Пушкине».

Книга эта не увидела света, и даже рукопись ее не найдена, но в 1959 году, когда Анна Андреевна написала новый план сборника своих статей о Пушкине, маргиналии вошли туда как один из отделов. Тогда же Ахматова составила аннотированное «Оглавление» этих заметок. Теперь их было уже не 25, а около 50. К сожалению, мы вынуждены довольствоваться этим конспектом, так как книги с пометами Ахматовой—единственный материал, который мог хотя бы частично восполнить пропажу рукописи,—не собраны в одном месте.

Насколько эти заметки были оригинальны и значительны, можно судить не только по упомянутому «Оглавлению»\*, но и по раннему отзыву такого крупного литературоведа, как Б. М. Эйхенбаум. 17 октября 1930 года он писал из Ленинграда в Москву Н. И. Харджиеву: «Была у меня Анна Андреевна.

\* См.: Герштейн Э. Г. и Вацуфо В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 30—44.

Напряженная, но умная. Очень интересны ее наблюдения над Пушкиным»\*.

К числу подобных «наблюдений» принадлежала и находка литературного источника «Сказки о золотом петушке» — «Легенда об арабском звездочете» В. Ирвинга. С этим связано и переосмысление Ахматовой отрывка Пушкина «Царь увидел пред собою...»: он оказался стихотворным переводом одного из эпизодов той же «Легенды...». Ахматова впервые раскрыла памфлетные злободневные мотивы сказки Пушкина, связанные с политической позицией поэта. Разработка этих тем потребовала дополнительных разысканий, обращения к рукописям Пушкина, к его библиотеке, к переписке современников, запрятанной в старых периодических изданиях. Работа над статьей «Последняя сказка Пушкина» продолжалась почти два года: с 20 марта 1931-го по 20 января 1933-го. Велась она в сотрудничестве с Н. И. Харджиевым. В письмах к нему из Ленинграда встречаются точные сведения об устном сообщении Ахматовой в научном заседании. «14-го днем читаю в бывшем Пушкинском Доме доклад о Золотом Петушке», — писала Анна Андреевна. Литературовед Ц. С. Вольпе извещал Харджиева 27 февраля 1933 года: «Был в Пушкинском Доме, ныне ИРЛИ, доклад Ахматовой». После доклада выступали Д. П. Якубович, Б. В. Томашевский и др. По словам Цезаря Вольпе, Анна Андреевна блестяще ответила на все их вопросы. А литературовед М. М. Никитин, уточнив дату доклада — 15 февраля, привел в своей записи интересное суждение Ю. Н. Тынянова. После доклада он сказал Ахматовой: «Я восхищен двухплановостью вашей работы — сатира на Николая и Александра одновременно».

Первое выступление повлекло за собой участие Анны Андреевны в работах Пушкинской комиссии, занятой в то время подготовкой к столетию со дня гибели поэта. Ахматова получила предложение написать комментарий к рукописям «Сказки о золотом петушке» для фототипического альбома рукописей Пушкина, готовившегося под редакцией С. М. Бонди (вышел в 1939 г.); М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер (Цявловская) приглашают ее выполнить переводы выписок Пушкина из поэм Байрона, Вордсворта и Барри Корнуолла для издания «Рукою Пушкина» (напечатано в 1935 г.). Как установила Анна Андреевна,

\* Выражаю благодарность Н. И. Харджиеву, предоставившему мне материалы для данной работы.

помещенная в том же сборнике французская заметка Пушкина представляет собой выписку из романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза»\*.

В том же 1935 году готовился к печати «Временник Пушкинской комиссии», и в первом же его томе (вышел в 1936 г.) было напечатано новое исследование А. А. Ахматовой «„Адольф“ Бенжамена Констан в творчестве Пушкина». Как отмечала сама Ахматова, «сопоставление „Адольфа“ с произведениями Пушкина вплотную приводит к принципиальным вопросам, связанным с проблемой реализма в творчестве Пушкина». Предварительный доклад был прочитан ею в Пушкинском доме 23 апреля 1936 года\*\*. В специальной литературе эта большая статья получила высокую оценку.

Следует обратить внимание на дату ее окончания — 1936-й — и сопоставить ее с датировкой, которую Анна Андреевна дала в «Литературной газете» своим заметкам о Пушкине: «1926—1936». Этим годом заканчивается первый период ее целенаправленных пушкиноведческих занятий, но замыслы новых работ ее не оставляли (помимо уже упомянутых статей «Пушкин и Мицкевич», «Пушкин и Достоевский» можно указать еще на работу о «Моцарте и Сальери», рукопись которой не найдена).

Наступает десятилетний перерыв. Годы 1936—1946-й, отмеченные большими историческими событиями, для Ахматовой — годы бурной поэтической работы и личных потрясений. Свою третью исследовательскую статью, «Каменный гость» Пушкина, Ахматова закончила в «Фонтанном Доме» 20 апреля 1947 года.

На первом машинописном экземпляре (рабочем) статьи автограф карандашом: «Читала эту статью у Томашевских весной 1947 (были: Эйхенбаум, Бухштаб, Гинзбург, Макогоненко, Орлов и др.). В Москве у Цявловской при Бонди. У Оксмана (его речь). У себя дома — Адмони, Жирмунский, Гозенпуд, Западов. В 1947 г. Гитович отнес ее в ред. журнала «Звезда». — Ахм<атова>. 28 янв. 1958. Ленинград».

Все перечисленные здесь лица, кроме поэта Александра Гитовича, — ученые. С некоторыми из них у Анны Андреевны установились еще в 30-х годах деловые и дружественные связи, с другими они завязались лишь после войны. Тесная дружба

\* О соображениях Ахматовой по этому поводу см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 28—29.

\*\* Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 454.

связывала Ахматову с Б. Томашевским и Б. Энгельгардтом. Б. В. Томашевский высоко ценил ее наблюдения. Об этом свидетельствует его дарственная надпись: «Анне Андреевне Ахматовой — лучшему знатоку Пушкина. 30 ноября 1955 г.» \* Крупный ученый прислушивался к ее мнению и о своих трудах. Это выражено в другой дарственной надписи — на первом томе его итоговой монографии о Пушкине: «Анне Андреевне Ахматовой, первой читательнице этой книги, от автора. 21 октября 1956 г.» В письме ко мне от 26 ноября 1966 года И. Н. Медведева-Томашевская выразительно передает атмосферу взаимопонимания, характерную для творческого общения Ахматовой с Томашевским: «*Беседы* о Пушкине никогда не носили округлого характера. Это были скорее вопросы и ответы, совместное заглядывание в тексты, некие лаконические замечания, скорее междометия...»

Круг пушкинистов, с которыми общалась Ахматова, в последние годы расширился. Сошлюсь на черновой вариант записи, сделанной ею в 1960—1961 годах и предназначенный для ее работы «Гибель Пушкина»: «Приношу глубокую благодарность, во-первых, Б. В. Казанскому, которому я изложила всю мою концепцию трагедии Пушкина еще в 1950 г., В. В. Виноградову, С. М. Бонди, которым я читала ее в рукописи, и в особенности Т. Г. Цявловской, давшей мне ряд ценных указаний» (ЦГАЛИ).

Очень дружившая в 20-х годах с актрисой В. А. Щеголевой, Ахматова часто встречалась с ее мужем, историком и пушкинистом П. Е. Щеголевым. Уже тогда, беседуя с ним о дуэли и смерти Пушкина, Анна Андреевна вырабатывала свою самостоятельную точку зрения на эту трагедию.

Проницательный ум и интуиция *поэта* часто подсказывали Ахматовой свой особенный взгляд на явления литературы. Во многих ее пушкиноведческих заметках сквозит скрытая полемика с друзьями и собеседниками.

## 2

После войны Ахматова вернулась к работе над Пушкиным с новым творческим опытом. Уже были написаны «Подвал памя-

\* На книге: Пушкин А. С. Стихотворения / Под ред. Б. В. Томашевского. М.; Л., 1955. Т. I. Б-ка поэта (Б.с.). (Литературный музей ИРЛИ АН СССР).

ти», «Когда погрёбают эпоху...», «Двадцать четвертую драму Шекспира...», «Путем вся земля», начата «Поэма без героя»: «Почерк у меня изменился... голос звучит уже по-другому»\* — характеризуя так этот новый период, Анна Андреевна точно указывает его границы: 1936—1940-й. А к середине 40-х годов относятся несколько ее опытов в прозе. В Ташкенте (где она была в эвакуации) написана пьеса, в которой проза чередовалась со стихами; «Поэму без героя» предваряло «Вместо вступления» в прозе (1943). Впечатления от встречи с послеблокадным Ленинградом (1944) передавались Ахматовой в очерках. В 1955 году была сделана вставка в прозе в «Поэму без героя» («Письмо к NN»), а впоследствии число вставок увеличилось. В 50—60-х годах Ахматова выступила с серией мемуарных очерков, с газетными и журнальными статьями о Пушкине и Лермонтове. В архиве ее сохраняются, частично опубликованные посмертно, фрагменты автобиографии\*\*.

Новый опыт сказался уже на статье о «Каменном госте», написанной в более свободной манере, чем предыдущие статьи, и особенно на последующих фрагментах и заметках о Пушкине, которые могут быть рассмотрены также в ряду ахматовской прозы\*\*\*.

Изменилась и проблематика ее статей. «Меня давно привлекала мысль поглубже заглянуть в творческую лабораторию Пушкина,— сообщала она в 1957 году.— Мною уже закончена одна из работ такого рода— о „Каменном госте...“»\*\*\*\* Последние незавершенные статьи и заметки также посвящены «творческой лаборатории поэта», иными словами— проблемам психологии его творчества. Ахматова выявляет неожиданные внутренние личные темы даже в остросюжетных вещах Пушкина. В «Повестях Белкина» такой сквозной темой оказывается заклинание судьбы. Два прозаических отрывка и «Полководец», т. е. произведения совершенно различных жанров, объединены, по ее мнению, единой темой: проблемой самоубийства. В «демонской» сказке, переданной Титовым, это— ревность. Намеки на такой метод чтения можно найти уже в первых работах Ахматовой. Тема

\* Ахматова А. Соч. М., 1986. Т. 2. С. 251.

\*\* Ахматова А. Соч. С. 236—256.

\*\*\* Интересно при этом вспомнить о раннем опыте А. А. Ахматовой в прозе— рецензии на сборник стихотворений Н. Львовой «Старая сказка» (Рус. мысль. 1914. № 1).

\*\*\*\* Культура и жизнь. 1957. № 1.

«Сказки о золотом петушке», утверждает она, неисполнение царского слова, но, ничем не подкрепляя этот тезис, только намечает в этой лаконичной фразе вопрос о внутреннем психологическом импульсе поэта к созданию сказки. В статье об «Адольфе» она находит общий источник для творений Пушкина различных жанров. «Решая совершенно разные литературные задачи („Евгений Онегин“, „Каменный гость“, „На углу маленькой площади“),— пишет она,— Пушкин несколько раз обращался к „Адольфу“, но всякий раз для того, чтобы психологизировать свои произведения». И, наконец, о «Каменном госте»: «Перед нами драматическое воплощение внутренней личности поэта», хотя, как всем известно, действие романтической трагедии Пушкина протекает в Испании, а фантастический сюжет ничего общего не имеет с фактами биографии Пушкина. Таким образом, устанавливается двуступенчатость (или многоступенчатость) творческого процесса. Вначале внутренний импульс эмоционального происхождения, а затем организация этого психологического материала, подчиненная чисто литературным задачам. Сходную дифференциацию мы встречаем в известном высказывании Ф. М. Достоевского о природе своей литературной работы: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. В этом дело поэта. Из этого впечатления развивается тема, план, стройное целое. Тут дело уже художника. Хотя художник и поэт помогают друг другу и в том и в другом—в обоих случаях»\*. Как видим, Достоевский провозглашает первенство лирического начала даже в таком объективном, казалось бы, жанре, как роман.

Так же как и Достоевский, Ахматова далека от теоретического обоснования своих мнений. Вот почему она с такой экспрессией откликнулась на родственную мысль, встреченную ею в статье Л. Я. Гинзбург «Пушкин и реалистический метод в лирике»: «Жизнь в Москве и Петербурге, женитьба, семья, литературные отношения, по большей части тягостные, еще более тягостные и гибельные отношения с двором и светом—все это многими гранями отразилось в лирике Пушкина, но при этом ушло в подтекст, предстало в опосредствованной форме, не в той откровенно биографической, прямо лирической, в которой даны Михайловское и лицей»\*\*. «Завидую»,— пишет Ахматова на

\* Лит. наследство. М., 1965. Т. 77. С. 64. Курсив мой.— Э. Г.

\*\* Рус. лит. 1962. № 1. С. 35.



полях против этого абзаца\*, выражая свое согласие с точкой зрения Л. Гинзбург на последний период творчества Пушкина и восхищаясь ясной формулировкой такой важной для нее мысли: С этих позиций надо оценивать постижения Ахматовой «тайнописи» Пушкина.

В анализе «подтекста» Анна Ахматова идет не от слова, рифмы или ритма, а от образной системы. Отсюда сопоставления «малинового берета» Татьяны с «пунцовой токой» Собаньской или «крещенского холода», окружающего замужнюю Татьяну, с датой встречи Пушкина с Собаньской — канун Крещения. Речь здесь идет не о прототипах, а именно о психологии творчества. К этой же категории наблюдений может быть отнесено сближение некоторых строк 8-й главы «Евгения Онегина» со стихотворением «Румяный критик мой...», написанных в Болдине осенью 1830 года. Ахматова пишет: «Две картины мокрой гнилой осени в 8-й главе „Онегина“ было, очевидно, то, на что смотрел поэт из своего окна, когда писал эту главу...» 19 января 1959 года Ахматова записывает: «Большой свет за болдинским дождем» (ГПБ).

Ахматову волнуют и притягивают к себе реалии. Она нащупывает их там, где иной исследователь прошел бы равнодушно. Вчитываясь в записанный Титовым устный рассказ Пушкина («Уединенный домик на Васильевском»), она восклицает: «Это объяснение, которое начинается *возле трюмо...* дьявольски выпадает из топорной прозы Титова. Оно в самом деле существовало». И далее отмечает совпадения между отдельными сюжетными ситуациями повести и реальными фактами биографии Пушкина: покои графини И. описаны так же, как гостиная Нины в «Бале» Баратынского (прототип Нины — Закревская). Обидный разговор графини о Павле, подслушанный им на бале, воспроизводит подлинный эпизод, бывший в 1828 году: Пушкин намеревался вызвать на дуэль француза Лагрэнэ за случайно услышанный его разговор с дамой. Эпилог повести — безумие Павла описано реальными чертами сумасшествия Дмитриева-Мамонова: «Что делать с этими странными совпадениями (Дм.-Мамонов, Закревская и Лагрэнэ) плюс описание Голодая, пока непонятно, — записывает Ахматова 28 марта 1963 года. — На всякий случай я решила записать мои находки, потому что они могут пригодиться

\* Оттиск статьи Л. Гинзбург с ее дарственной надписью и пометами Ахматовой (Литературный музей ИРЛИ АН СССР).

кому-нибудь в работе» (ГПБ). Дискуссия о «пушкинском» и «титовском» в «Уединенном домике...» еще не закончена. Новые наблюдения Ахматовой, вероятно, сыграют свою роль в решении этого спорного вопроса.

В статье «Пушкин и Невское взморье» Ахматова дает новый поворот для толкования отрывка Пушкина «Когда порой воспоминанье...» (1830). В начале 20-х годов Б. В. Томашевский, впервые давший связный текст этого недоработанного отрывка, предположил, что в стихотворении описаны Соловецкие острова («Стремлюсь привычною мечтою к студеным северным волнам»). Он указывал на сходство пейзажа отрывка с природой этого северного края, на обострившееся политическое положение Пушкина в 1830 году и на давнишние угрозы Александра I (в 1820 г.) заточить поэта в Соловецкий монастырь. С тех пор догадка Томашевского не подвергалась сомнению в печати и принята во всех комментариях к стихотворению «Когда порой воспоминанье...». Ахматова впервые рассмотрела его в другой психологической связи. Ее гипотеза о Невском взморье заставляет нас еще раз проверить общепринятое толкование.

Архимандрит Досифей в книге, вышедшей в 1836 году, писал, что «первый соградитель» Соловецкого монастыря «воспользовался... всеми выгодами местоположения, сколько красивого, столько же и удобного к продовольствию». Составитель книги говорит также о «занимательном возвышении и понижении монастырских зданий, воздвигнутых на неровной зеленеющей поверхности». Благодаря монастырскому зданию Соловецкий остров с моря кажется *городом*, а «от моря до самых стен обители почти на две версты во внутренность материка простирается морская гавань или залив, огражденный с моря *лудами*, или маленькими островками»\*.

Все это нисколько не похоже на абсолютно пустынный, лишенный строений пейзаж «Отрывка» Пушкина.

Такое же несоответствие наблюдается в описании Соловецкого монастыря, сделанном другим современником Пушкина — Бестужевым-Марлинским. Оно содержится в повести «Мореход Никитин», вышедшей в 1814 году:

«Ахнешь, брат, как повидишь, из каких громад сложены стены

\* Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... составленное трудами Соловецкого монастыря Архимандрита Досифея. М., 1836. Ч. 1. С. 6, 8.

монастырские! Вышины—взглянь, так шапка долой; толщины—десять колесниц рядом проскачут; и каждый камень больше, избы...»

Приверженность к гипотезе о Соловецком монастыре заставила Б. Томашевского обратиться к историческим ассоциациям: «На островах Белого моря древние поморы занимались рыбным ловом»\*. Но можно вспомнить и «финского рыболова», который до основания Петербурга «один у низких берегов бросал в неведомые воды свой ветхий невод». И тут мы не сможем пройти мимо дворца, казавшегося «островом печальным», или мимо «острова малого», чтобы в памяти не всплыли черновые строки «Отрывка»: «печальный остров», «пустынный остров», «открытый остров». Или описание тоже «пустынного» острова, где нашли Евгения:

*Иногда*

Причалит с *неводом* туда  
Рыбак на ловле запоздалый  
И бедный *ужин* свой варит.

Сопоставим эти строки со строками «Отрывка»:

*Сюда порою* приплывает  
Отважный северный рыбак,  
Здесь *невод* мокрый расстилает  
И *свой* разводит он *очаг*.

Оба эти куска кажутся двумя разными вариантами одного и того же образа\*\*. Напомним, что «Отрывок» отнесен к 1830 году по связи с набросанными на том же листе строками «Моей родословной», написанной, как достоверно известно, в этом году. А кто будет отрицать, что от «Моей родословной» ведет прямой путь к «Родословной моего героя» (к «Езерскому»), а отсюда к «Медному всаднику»?

В одном из черновых набросков Ахматова, сближая описание «ночного пустого, мрачного Петербурга» «Уединенного домика на Васильевском» с Петербургом «Медного всадника», добавляла: «который» Пушкин, «по-видимому, отлично знал», а в списке заметок под названием «Мелочи» она пишет об этом подробнее:

\* Примеч. в кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. М.; Л., 1955. Т. 3. С. 853 (Б-ка поэта (Б.с.)).

\*\* Эти мои соображения повторены без указания на мое авторство в книге Г. А. Невелева «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 140.

«Петербург 1-й главы „Онегина“ и Петербург „Медного всадника“. (Первый — милая родина глазами юного изгнанника, второй — свинский Петербург писем, мрачный и беспощадный, как в „Шинели“ Гоголя, — см. Петербург „Пиковой дамы“ — где ветер,

...Клубя капоты дев ночных  
И заглушая часовых...)

Вступленье (военная столица и т. д.), одическое великолепье и маскировка (оттуда и цветковые эпитеты), от которых в тексте поэмы нельзя найти ни следа... Рыданье над человеком. Бездомность автора»\*.

Впервые сблизил титовский «Уединенный домик...» с «Домиком в Коломне» и «Медным всадником» Вл. Ходасевич, объединяя все три произведения жанровым названием «петербургские повести». Но, нащупывая точки соприкосновения, он шел по линии сюжета (всюду фигурируют «вдова и дочь», в двух повестях они и живут на одном и том же месте, в третьей — в «Домике в Коломне» — героиню зовут так же, как невесту Евгения в «Медном всаднике»). Ахматова не могла согласиться с мистической идеей, которую приписывал Пушкину Ходасевич. Во всех трех произведениях поэт XX века находил олицетворение потусторонних стихийных сил. Безнадежность борьбы человека с ними объясняет трагический конец героев «петербургских повестей» (в том числе и «Пиковой дамы»). «Ходасевич совершенно не прав, — читаем у Ахматовой, — когда он усматривает демоническое начало в „Домике в Коломне“, Мавруша не Сатана, а какой-нибудь лихой черноусый гвардеец (офицер, конечно, один из многих, ездивших под окнами коломенской красавицы)» (ЦГАЛИ).

Вернемся к «Отрывку». Установив для себя, что в нем речь идет о могиле декабристов, Ахматова перекидывает мост к десятой главе «Онегина». Она усматривала элементы онегинской строфы в этом отрывке и предполагала, что это необработанные куски для десятой главы, посвященной, как известно, описанию декабристского движения. Правда, эта гипотеза опровергается структурой стихотворения «Когда порой воспоминанье...», которую, по отзывам специалистов, нельзя признать «онегинской». Но Ахматова не продолжила своей аналогии с «Медным всадни-

\* Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 39—40.

ком». Между тем исторические проблемы, поставленные в этой «петербургской повести», связаны с движением, оборванным неудачным восстанием на Сенатской площади. Если в отрывке «Когда порой вспоминаешь...» действительно описана могила декабристов на острове Голодае, быть может, между ним и «Медным всадником» существует некая, пока что не подтвержденная и не вполне для нас ясная, внутренняя связь.

## 3

Изучением истории гибели Пушкина А. А. Ахматова занималась с давних пор. Строго продуманная концепция была выработана ею уже перед войной. Появившиеся после этого новые материалы только укрепляли ее позицию, например так называемая «Тагильская находка» (заглавие первой публикации переписки Карамзиных, подготовленной Ираклием Андрониковым в 1956 г.).

В мае 1957 года в план книги о гибели Пушкина был включен пункт о «Моей родословной», с пояснением: «отношение общества к Пушкину». Мысль эта раскрывается в заметке, написанной 17 апреля 1949 года: «Я всегда была твердо убеждена, что стихотворение „Моя родословная“ (1830) сыграло роковую роль в отношении к Пушкину тех людей, с которыми он собирался жить. Как известно, не напечатанная при жизни (запрещенная Николаем I), она имела широкое хождение, и сохранилось несколько копий, сделанных самим Пушкиным. По мысли Пушкина, она должна была нанести обиду „новой знати“, потомкам фаворитов 18-го века, но Пушкин не рассчитал, что к его времени вся русская аристократия так или иначе уже была в родстве с этой новой знатью, охотно заключая браки с детьми и внуками фаворитов,— так что он обидел ее всю. Я не надеялась найти где-нибудь документы, подтверждающие эту мысль. Чванлые аристократы, думалось мне, ни за что не выскажут свою обиду. Так, вероятно, и было, но человек, связанный с этой аристократией, так формулирует отношение петербургского света к Пушкину:

„Ответ Булгарину“\*, в котором, отражая упреки аристократии, Пушкин с правом или без права нападал на самые

\* Имеется в виду стихотворение «Моя родословная».

высокопоставленные фамилии в России,— вот истинные преступления Пушкина, преступления тем более тяжкие, чем выше и богаче были его враги, чем теснее они были связаны с влиятельнейшими домами и окружены многочисленными приверженцами... Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в государстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью» («Заметка о Пушкине» вюртембергского посланника кн. Гогенлоэ-Кирхберга. *Щеголев*, с. 327—331).

«Слова эти,— продолжает Ахматова,— были написаны через несколько дней после смерти Пушкина. Можно себе представить, с каким злорадством это общество следило за развитием романа жены Пушкина, как охотно делалось оно эхом вымысла Геккерна о героизме Дантеса и пр. Лермонтов в своем показании сообщает: „Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называя его благороднейшим человеком“. Итак, геккерновская версия брака Дантеса с Катериной осталась в силе и после гибели Пушкина».

Здесь уже отчетливо выражена мысль о социальном круге, в котором Геккерн находил поддержку, когда сводил свои личные счета с Пушкиным. Главным виновником гибели поэта Ахматова считала великосветское общество. Для советского литературоведа это не ново. Но вот впервые выходит в свет переписка Карамзиных, и Ахматова решительно адресует свои упреки уже другой прослойке высшего света — писателям и ученым, конкретнее — не литературным врагам, а друзьям Пушкина:

«Наше отношение (т. е. отношение русского общества) к окружению Пушкина очень прочно и как бы не подлежит какому бы то ни было пересмотру. (В этом косность литературоведения.) Появление семейной переписки Карамзиных (1836—1837) должно было бы в корне изменить наше представление об отношении этого семейства к Пушкину. Однако этого не случилось, и пушкинисты продолжают писать о Карамзиных как о близких друзьях поэта (Измайлов Н. В. Лирические циклы Пушкина // Пушкин. Исслед. и материалы. 1958. Т. 2). Даже оглушительное открытие Софьи Николаевны о том, что Пушкин исписался и Булгарин прав (?!)\*, не заставило исследователей пересмотреть

\* С. Н. Карамзина писала брату Андрею 24 июля 1836 г.: «Вышел второй номер Современника. Говорят, что он бледен и в нем нет

свои старые воззрения. Меня же не трогает даже письмо Ек. Карамзиной о том, как она благословила умирающего Пушкина, потому что оно написано с целью показать сыну Андрею, насколько лучше Николай I относился к ним, к Карамзиным, чем к только что погибшему поэту. В этом я вижу только безмерный эгоизм и душевную черствость, да еще, пожалуй, отражение того, как дурно относился к Пушкину сам Карамзин\*. Не надо забывать холодное и даже раздраженное отношение Карамзина к Пушкину в связи с „Вольностью“ в 1820 году и „Старым мужем“. А lamentации по поводу того, что умер лучший друг их семьи, скорее свидетельствуют о высоком отношении его к ним, а не их — к нему. Он о них таких писем не оставил!».

Отличительной чертой наблюдений Ахматовой над давно прошедшей жизнью являлось конкретное воображение, воображение художника. Даже в уже известных материалах она всегда находила какой-нибудь штрих, приближающий факт к читателю, заставляя заново пережить все детали событий. Так, ее интересует: «Отчего Аврора не отдала письма (100-й юбилей)?» Вдова Андрея Карамзина умерла в начале нашего века. Почему, действительно, в 1899 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Пушкина, она не опубликовала письма Карамзиных к ее мужу о гибели Пушкина? Видимо, она опасалась дурного впечатления о Карамзиных. Анна Андреевна пишет об этом резко: «Появление семейной переписки Карамзиных, которую в свое время утаила от мира Аврора Шернваль-Демидова-Карамзина, заставляет нас пересмотреть вопрос о так называемых друзьях поэта. Появились новые и очень неожиданные враги Пушкина и участники подготовки (во всяком случае, косвенные) гибели поэта. Редактор <Н. В. Измайлов>, увлеченный новизной и интересностью материала, не замечает, что попал в самую гущу врагов Пушкина, которые, кстати сказать, были гораздо опаснее, чем Уваров или Булгарин. Опаснее, потому что Пушкин их любил\*\*, был с ними или с их родителями

ни одной строчки Пушкина (которого разобрал ужасно и справедливо Булгарин, как светило, в полдень угасшее. Тяжко сознавать, что какой-то Булгарин, стремясь излить свой яд на Пушкина, не может ничем более уязвить его, как говоря правду!)» (*Карамзины*, с. 81).

\* Е. А. Карамзина писала об этом в двух разных письмах: 30 января и 2 февраля 1836 г.

\*\* В апреле 1834 г. Пушкин писал жене: «...множество милостей: шесть фрейлин, между прочими твоя приятельница Натали Обо-

откровенен, и, применяя военный термин, можно сказать, что Пушкин попал в окружение. Мы слишком хорошо знаем, чем это кончается».

«Окружением» Ахматова считала проникновение Геккернов в дом Карамзиных. «С какой готовностью,— пишет она,— молодежь этого кружка (Карамзины—Вяземские) сообщала Дантесу все, что могло его интересовать, видно из письма Дантеса к Бреверну\* из-под ареста.

Мы с ужасом узнаем, что через 18 дней после смерти Пушкина Машенька Валуева (дочь Вяземского) пересказала открытому врагу Пушкина Екатерине Николаевне Дантес слова, сказанные Пушкиным в салоне ее матери—В. Ф. Вяземской, якобы друга Пушкина: „Берегитесь, вы знаете, что я зол и что я кончаю всегда тем, что приношу несчастье, когда хочу“ и т. д. Не верить этому сообщению Дантеса мы, к сожалению, не можем, потому что он просит вызвать Валуевых как свидетелей защиты.

Если тяжелая трагедия, которую русское общество чувствовало и чувствует <сейчас> (1962 г.) как незаживающую рану, не подсказала большей сдержанности этой молодой особе (вероятно, видевшей Пушкина в гробу), можно себе представить, как хорошо была поставлена осведомительная служба Геккернов до 27 янв<аря>, и то, что пишет Пушкин посланнику в ноябрьском письме <„Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам“>, с большим правом мог написать ему сам Геккерн. Пушкин же (так же как его друзья) совершенно не знал, что происходит в голландском посольстве. Информация Натальи Николаевны (тоже направленная Геккерном) была типичной дезинформацией...»

Большинство биографов поэта не согласится с подобной трактовкой отношений круга Карамзиных—Вяземских и Пушкина. Ахматова пишет остро и резко, может быть, слишком пристрастно. Это особенно проявляется в обрисовке ею Натальи Николаевны. Ее отношение чувствовалось и в устных беседах. Недаром А. В. Любимова отметила в своем дневнике 29 июля 1964 года: «Говорила азартно о жене Пушкина». В нескольких

ленская, а наша Машенька Вяземская все нет. Жаль и досадно».

Примеч. А. А. Ахматовой.

\* Полковник Бреверн—презус суда, где слушалось дело Дантеса.



планах своей работы Ахматова намечала остановиться на портрете Пушкиной подробнее, чем это найдет читатель в публикуемом нами варианте 1958—1966 годов. В майском плане 1957 года первым пунктом намечалось дать «новую характеристику Н. Н. (письма к Ланскому)», и сбоку пояснено: «истерики и обмороки». В «Содержании», составленном в 1961 году, отведено место главе, посвященной жене Пушкина: «Наталья Николаевна. Ее характер, ее влюбленность. Ее новый портрет».

Резко отрицательное отношение Ахматовой к Наталье Николаевне мотивировано ею в специальном примечании: «Пушкин спас репутацию жены. Его завещание хранить ее честь было свято выполнено. Но мы, отдаленные потомки, живущие во время, когда от пушкинского общества не осталось камня на камне, должны быть объективны. Мы имеем право смотреть на Наталью Николаевну как на сообщницу Геккернов в преддуэльной истории. Без ее активной помощи Геккерны были бы бессильны. Это, в сущности, говорит и Вяземский в письме к в. к. Михаилу Павловичу». Конечно, речь идет о бессознательном пособничестве, но в соответствии с этой декларацией Ахматова рисует портрет Н. Н. Пушкиной беспощадным пером:

«Из всего явствует, что Пушкин не имел ни малейшего влияния на жену, что она делала все, что хотела, никак с ним не считалась: разоряла, лишала душевного спокойствия, не пустила к себе его умирающую мать и привела в дом своих сестер, нанимала дорогие дачи и квартиры, забывала его адрес, когда он уезжал, и без устали повествовала о своих победах, жаловалась Дантесу на его ревность, сделала его (мужа) своим конфидентом, что, по мнению Доли Фикельмон, и вызвало катастрофу, и, наконец, *не вышла на вынос, чтобы, как говорит Тургенев, не показываться жандармам*. Как будто для нее жандармы были опасны».

Если выстроить в ряд свидетельства современников, эта характеристика Натальи Николаевны покажется несколько субъективной. Анна Андреевна пыталась угадать характер жены Пушкина по его письмам. В том же письме, где Пушкин обижается за Машеньку Вяземскую (впоследствии Валуеву), он пишет жене строки, обратившие на себя внимание Анны Андреевны (22 апреля 1834 г.): «Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь прстоишь у всеночной, и теперь лежишь *враспяжку* в

*истерике и лихорадке*. «Видимо,— комментировала Ахматова,— Пушкин часто видел подобную картину у себя дома». Эти строки служили для нее ключом к пониманию поведения Натальи Николаевны в последние недели жизни Пушкина.

Ахматова производит отбор материалов, останавливая внимание на деталях, пропущенных многими исследователями. Так, она привлекает документ, напечатанный уже в 1936 году, но не нашедший себе места в литературе о Пушкине. Это письмо «неизвестного к неизвестному Николаю», посланное из Москвы 6 мая 1837 года и напечатанное Л. Б. Модзалевским в «Звеньях» (Т. 6. С. 161): «Третьего дня я был у Баратынского. Он мне показывал маску Пушкина, снятую с него в день его смерти, она страшно похожа... Баратынский говорил целый час о смерти Пушкина и о нем самом. Его стоило записывать. Он рассказывал все подробности этой истории, которая была ему сообщена Жуковским, Вяземским и, наконец, доктором Далем, людьми достоверными. Баратынский говорит, что он умер как христианин, и во всем оправдывает Пушкина, а обвиняет его жену. Я верю всему, потому что было заметно, что он и жены его не хотел обвинять из уважения к нему»\*.

На «некоторую необдуманность» («quelques inconséquences») поведения «мадам Пушкиной» указывает как на одну из причин катастрофы и барон В. И. Левенштерн в своих мемуарах, к которым обращается Ахматова (ГПБ). В оценке «поведения Натальи Николаевны» Ахматова опирается на письмо Вяземского, где находит доказательства того же неумения вести себя, которое отмечали у Натальи Николаевны свидетели драмы в 1837 году. («Она бледнела и трепетала под его взглядами» — Д. Фикельмон, «Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя» — С. Карамзина и пр.). 6 апреля 1842 года Вяземский в шутливой форме наставляет Наталью Николаевну, как вести себя в присутствии заинтересовавшего ее человека (Вяземский иносказательно называет его «пирожник»): «Войдя в комнату, не краснеть и не бледнеть, присесть хозяйке и гостям учтиво и выбрать себе местечко общее, а не отдельное...»; «20 минут, полчаса *особенного* разговора довольно. Потом встать с места и подойти к другим... завести *общий* разговор»; «С

\* Эта цитата из письма «неизвестного» ошибочно причислена в обзоре Е. И. Лямкиной к «записям Ахматовой своих мыслей» по поводу сделанных ею выписок из писем П. А. Вяземского к жене. См.: Встречи с прошлым. Вып. 3. С. 405.

пирожником сидеть, но не засиживаться... за пирог не садиться, если будут усаживать и сводить», и, наконец, Вяземский взывает по-французски: «Поменьше тщеславия и побольше самолюбия... одним словом: достоинство! достоинство! и еще раз достоинство!» По-видимому, в письме заключен также намек на недавние трагические события. Вяземский пишет: «От этих *особенных* разговоров проку мало, а толков много. Из пустого в порожнее довольно уже было перелито...» (ИРЛИ, в черновом конспекте портрета Натальи Николаевны Ахматовой отмечает: «Письмо Вяземского, где он учит ее хорошим манерам»).

В этой связи вспоминается штрих, отмеченный в известных конспективных записях Жуковского о преддвуальных событиях: «Записка Н. Н. ко мне и мой совет. Это было на рауте Фикельмона». Или — упоминание в дневнике А. И. Тургенева 18 января 1837 года: «...к Люцероде, где долго говорил с Нат. Пушкиной, и она от всего сердца». Между тем, как выясняется из неопубликованного письма Вяземского к Э. К. Мусиной-Пушкиной, 18 января у Люцероде «были танцы в честь новобрачных Геккернов». И опять, на «немноголюдном» вечере, под гул поздравлений, Наталья Николаевна ведет «особенный» и задушевный разговор, ничуть не заботясь о том, какое впечатление это может произвести на любопытных гостей. О том же писала Е. Н. Мещерская-Карамзина в письме, переписанном Ахматовой для своей работы: «В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых, однако же, из-за этого принимают не хуже прежнего; но она *не так искусно умела скрыть кокетство*».

Ахматова задается вопросом: «Почему Пушкин просто не запретил жене говорить с Дантесом, как он запретил просватанной Катерине?» И заключает: «Он, как confident, слишком знал, что с ней происходит, и просто боялся *чего угодно*». Как полагала Ахматова, если в феврале (во время объяснения с Дантесом) Наталья Николаевна «ответила как пушкинская Татьяна», то в дальнейшем она вела себя скорее как его же Зинаида (из отрывка «Гости съезжались на дачу»); что презрительный смех жены в ответ на известие о сватовстве Дантеса, о котором пишет Пушкин в ноябрьском письме к Геккерну, в действительности был «истерическим хохотом взбешенной женщины», узнавшей, что человек, которого она «любила так, как никогда никого не любила и любить не будет», изменил ей. Несомненно, Наталья Николаевна не умела «властвовать собою».

Такой образ Натальи Николаевны вырисовывается довольно неожиданно. Хотелось бы больше снисходительности к простодушию и непосредственности еще такой молодой женщины, меньше запальчивости в отношении к ней. Но Ахматова не прощает ей ничего: ведь Наталья Николаевна ставила под удар жизнь Пушкина!

Между тем из недавно опубликованной семейной переписки Гончаровых вырисовываются тоже неожиданные, но иные черты характера Натальи Николаевны. Особенно выделяется письмо, содержащее важные, бесконечно печальные сведения о Пушкине. Оно написано в июле 1836 года на даче, на Каменном острове, т. е. в преддверии трагических событий, обрушившихся на семью Пушкиных.

«Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами,— пишет Наталья Николаевна старшему брату,— и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна...» «Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение...»\*

Это письмо может служить некоторым коррективом к портрету, нарисованному А. А. Ахматовой.

Менее неожидан портрет Дантеса, в который, однако, Ахматова вносит ряд новых черт. Собственно говоря, Ахматова не удостаивает Дантеса отдельным портретом. Она только обрисовывает его роль в романе с Натальей Николаевной.

С присущей ей чуткостью к деталям Анна Андреевна толкует известные два письма Дантеса к Геккерну.

Напомню, что они были извлечены из семейного архива Геккернов французским писателем Анри Труайя и напечатаны им в его книге о Пушкине, вышедшей в Париже в 1946 году. Через пять лет они были напечатаны в «Звеньях» (№ 9) с комментарием и русским переводом М. А. Цявловского\*\*. Оба письма посланы в начале 1836 года из Петербурга за границу,

\* Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 168.

\*\* Книга А. Труайя неоднократно переиздавалась во Франции.

куда нидерландский посланник незадолго до того уехал в полугодовой отпуск. 20 января Дантес признается, что без памяти влюбился в некую красавицу, и, не называя Наталью Николаевну, дает понять, кто она. 14 февраля он рассказывает, что объяснение с любимой женщиной уже произошло. Она его любит, но не изменит своему долгу. «В искренности и глубине чувства Дантеса к Наталье Николаевне на основании приведенных писем, конечно, нельзя сомневаться. Больше того, ответное чувство Натальи Николаевны к Дантесу теперь тоже не может подвергаться никакому сомнению»,— писал М. А. Цявловский. Справедливо. Ахматова придает не меньшее значение найденным письмам. Но извлекает из них ряд конкретных штрихов, которые помогают ей проследить эволюцию чувства Дантеса к Наталье Николаевне.

Прежде всего отпадает легенда о «двухлетнем постоянстве», о котором пишет Пушкин в своем ноябрьском (неотправленном) письме к Геккерну: «Жорж» пишет посланнику, что влюбился *только сейчас*. Но почему же Наталья Николаевна так уверенно ответила Вере Федоровне Вяземской, обеспокоенной ухаживанием Дантеса за женой Пушкина: «Будет то же, что было два года»? «Дантес уверял Натали, что полюбил ее с первого взгляда,— замечает Ахматова.— А что другое он мог ей говорить? И, конечно, влюбленная женщина верила».

Не был отмечен странный тон обращения молодого человека к Геккерну. «Как выясняется из писем Дантеса,— пишет Анна Андреевна,— он говорил своему приемному отцу— ты. Это звучит по крайней мере *неожиданно*. В то время родителям (в особенности по-французски) говорили— вы. См., например, письмо Пушкина к Сергею Львовичу (дек. 1836). Это так недавно вынырнувшее *ты* (toi) окончательно решает вопрос о характере отношений между Геккерном и Дантесом». «До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца»,— пишет Дантес Геккерну, который в это время хлопочет об официальном усыновлении своего любимца.

Замечает Ахматова разительный контраст между поведением Дантеса в начале и в конце 1836 года. Будучи еще свободным, Дантес тщательно скрывает имя Пушкиной («я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться», «ради бога, ни слова никому, никаких попыток разузнавать, за кем я ухаживаю», «я был осторожен до такой степени, что до сих пор тайна

принадлежит только ей и мне,» — читаем в этих его письмах), а женившись на Катерине Гончаровой, назойливо афиширует свою страсть к Наталье Николаевне. Поведение его в последние недели пребывания в Петербурге общеизвестно. «Эти два человека (Дантес и Геккерн.— Э. Г.),— писал Александр Карамзин через месяц после гибели поэта,— не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекостью ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении». Отправная точка наблюдений Ахматовой совпадает с поздним утверждением молодого Карамзина. Весь роман длился один год. События росли как снежный ком. Ахматова рассматривает их в движении, а не статично.

Солидарна Анна Андреевна и с другим утверждением Карамзина о Дантесе: «Он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига». Ахматова могла бы опереться на статьи Б. В. Казанского, писавшего еще в 1937 году о притворстве Дантеса. Исследователь считал, что Дантес умышленно компрометировал Наталью Николаевну, чтобы создать себе репутацию в великосветском кругу. Но Казанский впадал в другую крайность. Сосредоточив все свое внимание на уходе Николая I за женой Пушкина, он вовсе исключил Дантеса из игры. «Случайностью в конце концов была и женитьба Дантеса, и роман его с женой поэта, и самое его существование,— писал Казанский.— Все это не имеет исторического значения. Действительно сознательным актом, направленным против Пушкина и в конце концов обусловившим его гибель, был пасквиль»\*. А был ли, действительно, в «дипломе роконосцев» заключен намек на царя?— сомневается Ахматова. «Николай I, во всяком случае, себя там не узнал,— пишет она.— Вяземский тоже: он не посмел бы послать такое письмо Михаилу Павловичу».

Как видим, концепция Ахматовой занимает среднее место между эмоциональным восприятием М. А. Цявловского и слишком абстрактным построением Б. В. Казанского. В ее первоначальный замысел входило еще остановиться на последующей длинной жизни Дантеса: «...», Котильонный король», — читаем в майском плане 1957 года.— Ничто в дальнейшей биографии

\* Лит. современник. 1937. № 3. С. 236.

Дантеса не подтверждает этой характеристики. Он и не „Дон Жуан“ и не душа общества». Из публикуемой здесь редакции статьи Ахматовой этот тезис выпал.

Самая пренебрежительная характеристика нравственных качеств Дантеса принадлежала В. А. Жуковскому. В статье А. А. Ахматовой приведены его слова из письма к Бенкендорфу. Жуковский противопоставлял «бешенству обезумевшей ревности» Пушкина «и ветренный и злонамеренный разврат» Дантеса. Это звучит веско, но написано уже после гибели поэта. Учитывая тенденциозность в действиях Жуковского в эти дни, Ахматова намеревалась подкрепить его слова предшествующими высказываниями. С этой целью ею была привлечена «сказочка» Жуковского, входящая в состав одного из его ноябрьских писем к Пушкину (XVI, 187).

Центральное место в работе Ахматовой занимает Геккерн-старший. Его портретом открывается публикуемый нами основной текст статьи.

Прежде всего Ахматова предлагает ответ на вопрос, который никогда не находил удовлетворительного разрешения. Известно, что Пушкин считал автором пасквиля посланника и, по словам Вяземского, «умер в этой уверенности». Осталось невыясненным, на чем была основана эта уверенность.

Ахматова выдвигает по этому немаловажному вопросу убедительную гипотезу.

В ноябрьском письме к Бенкендорфу Пушкин писал, что узнал автора пасквиля по печати, бумаге и почерку. Но в одновременно написанном черновике письма к Геккерну Пушкин уверенно описывает ход событий в голландском посольстве, обстановку, при которой пакостниками было принято решение о подметных письмах. Такое конкретное описание могло быть сделано только на основании достоверных сведений. Ахматова предположила, что информация была получена Пушкиным от П. В. Долгорукова, очевидно присутствовавшего на «совещании» 2 ноября у Геккерна. Все известные раньше и приведенные Ахматовой новые материалы о кн. П. В. Долгорукове-банкале поддерживают такую версию. Подобную роль он сыграл три года спустя в истории дуэли кн. Лобанова-Ростовского с одним из великосветских лоботрясов. В 1836 году он был близок с братьями Россет, Валуевыми, знаком с Вяземским, А. Тургеневым, с Карамзиными, впоследствии с Лермонтовым. По мнению Ахматовой, Долгоруков виделся с Пушкиным и накануне у Вяземских, где собрались

гости, чтобы присутствовать на авторском чтении «Капитанской дочки». (Вяземский в письме Пушкину 3 ноября глухо говорит о замечании какого-то кн. Долгорукова, но самый характер этого замечания заставляет думать, что это был тот же Долгоруков-банкаль.) «Долгоруков, несомненно, был знаком с Пушкиным. Почему он умалчивает об этом в своем оправдании?» — отмечает Ахматова в своих записях.

Среди новых материалов о Долгорукове, введенных Ахматовой в свою работу, обращает на себя внимание заметка М. Жихарева. В ней рассказывается об эпизоде 1848 года: о выходке против П. Я. Чаадаева некоего мистификатора, назвавшего себя психиатром Колардо. «Про это грязное дельце я и помнить бы не стал,— заключает М. Жихарев,— если бы скрывающийся под именем Колардо впоследствии не стяжал очень большой и очень плачевной известности постыдным процессом, про который в свое время все говорили\*, и особенно если бы не подметные безыменные письма, отчасти бывшие причиной или поводом к предсмертной дуэли Пушкина». Эта впервые привлеченная Ахматовой заметка, напечатанная в 1871 году, но не замеченная пушкинистами, несомненно должна быть включена в свод материалов, освещающих вопрос об анонимном «дипломе рогоносцев», poslanном Пушкину.

Новое толкование получает в работе А. А. Ахматовой и посмертное обвинение Пушкина в организации «революционной партии» в Петербурге. Автором этой клеветы, подвергающей опасности друзей Пушкина, считается Бенкендорф. Анна Андреевна уверена, что эту версию сочинил Геккерн. Он не повторил обвинения III Отделения в письме к голландскому министру иностранных дел, как считает большинство исследователей, а сам подсказал ее шефу жандармов. «Письмо Жуковского (донос Геккерна)», — читаем в плане книги Ахматовой 1965 года. Если мы обратимся к оправдательному письму Жуковского к Бенкендорфу, то найдем во второй черновой редакции следующие строки: «...полагаю, что блюстительная полиция подслушала там и здесь на улицах, в Гостинном дворе и пр., что Геккерну угрожают... вероятно, что и до самого министра Геккерна доходили подобные толки, и что его испуганное воображение их преувеличивало,

\* Речь идет о скандальном судебном процессе между кн. С. М. Воронцовым и кн. П. В. Долгоруковым в 1861 г.



и что он сообщил свои опасения и требовал защиты»\*. Таким образом, Жуковский полагал, что все обвинение исходит от Геккерна. Эта уверенность проскользнула и в обмолвке несколькими строками ниже: «Вдруг полиция <узнает что> догадывается, что должен существовать (т. е. существовал) заговор, что министр Геккерн, что жена Пушкина в опасности...»\*\*. И прямо и косвенно Жуковский указывает на Геккерна, испуг которого породил эту версию. Развернутую мотивировку политических обвинений, адресованных покойному Пушкину и его друзьям, мы находим не в резолюции Бенкендорфа, а в письме Геккерна своему министру иностранных дел Верстолку. 2 февраля Бенкендорф надписал на анонимном письме, полученном Орловым: «Это письмо очень важно, оно доказывает существование и работу Общества»\*\*\*. В тот же день Геккерн пишет в Голландию: «Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мере, власти существование целой партии, главой которой он был, может быть, исключительно благодаря своему таланту, в высшей степени народному. Эту партию можно назвать реформаторской: этим названием пользуются сами ее члены. Если вспомнить, что Пушкин был замешан в событиях, предшествовавших 1825 году, то можно заключить, что такое предположение не лишено оснований»\*\*\*\*. Контакт между начальником III Отделения и нидерландским посланником во всяком случае несомненен, и, очевидно, Жуковский знал, что писал, когда обвинял Геккерна в политическом доносе.

Таким же клеветническим доносом Геккерна Анна Андреевна считала версию о романе Пушкина с Александрой Гончаровой.

В 1961 году Ахматова выделила эту тему из статьи «Гибель Пушкина» и обрабатывала ее как самостоятельную статью «Александрина». Но она шире своего названия. Имя сестры Н. Н. Пушкиной — на французский лад «Александрина» (Alexandrine) — служит для А. А. Ахматовой знаком некоего общего явления. Намечая в 60-х годах план добавлений к своему исследованию о гибели Пушкина, Анна Андреевна записала: «...о значении воспоминаний Трубецкого и о всем, что я коротко назвала „Александриной“». Опровергая ходячую версию о взаимоотношениях Пушкина и его свояченицы, Ахматова вскрывает

\* Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 219.

\*\* Там же. С. 220—221.

\*\*\* Щеголев. С. 195.

\*\*\*\* Там же. С. 275.

самый механизм рождения клеветы и лжи. Их живучесть она объясняет законами обывательской психологии. В черновых рукописях Ахматовой есть набросок эпитафии для «Александрины»: «Из подслушанных разговоров: Первый—Как клевета похожа на правду. Второй—Да, на правду не похожа только сама правда.—Подслушала Ахматова». Сюда же примыкает заметка: «Нет дыма без огня—я не знаю лучшей формулировки человеческой подлости и низости. Этой фразой можно покрыть какое угодно вранье, какую угодно клевету, и все сразу становится на свое место». В другой заметке Ахматова пишет по поводу недостоверного рассказа о свидании Натальи Николаевны с Дантесом на квартире у Идалии Полетики: «Все это так легко придумать—все это так близко лежит, во всем этом нет и следа страшной неожиданности—верной спутницы истины». Ахматова здесь переключается с Достоевским, писавшим в «Дневнике писателя»: «Кажущаяся исключительность факта тем самым, однако, и свидетельствует о его достоверности: когда лгут, то изобретают что-нибудь гораздо более обыкновенное и к обыденному подходящее, чтобы все поверили» («Влас», 1873).

Таким образом, опровергая версию о близких отношениях Пушкина со свояченицей, Ахматова стремилась осветить не только биографическую тему, но и общественно-психологическую проблему клеветы.

Анна Андреевна считала, что версия о романе Пушкина с Александриней Гончаровой распространялась нидерландским посланником для компрометации поэта. Эту точку зрения подтверждает обращение к военно-судному делу. В материалах суда отчетливо видна разница в квалификации «выражений» Дантеса, которые «могли возбудить щекотливость Пушкина как мужа», и действий Геккерна, задевавших честь «как Пушкина, так и жены его». В «Записке о мере прикосновенности к дуэли... иностранцев» говорится об участии в преддуэльной истории нидерландского посланника: «Сверх сего из показания подсудимого <...> Данзаса, основанного на словах Пушкина, видно, что барон Геккерн поселял в публике дурное о Пушкине и жене его мнение насчет их поведения»\*.

В показаниях Данзаса «слышен голос самого Пушкина», справедливо отмечает Ахматова. Тем печальнее, что они «затеря-

\* Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерном: Подлинное военно-судное дело 1837 г. Спб., 1900. С. 146 (курсив мой.—Э. Г.).

лись» (а возможно, были кем-то изъяты из дела), о чем с эпическим спокойствием повествует издатель военно-судного дела П. фон Кауфман: «Эти листы утрачены».

Документальных доказательств воздействия Дантеса на С. Н. Карамзину и А. В. Трубецкого мы не найдем нигде. Эту взаимосвязь Ахматова устанавливает при помощи стилистических наблюдений. Создавая концепцию о гипнотическом влиянии Дантеса на карамзинскую молодежь, она опирается на свое чутье к интонационному строю фразы и к оттенкам слов. Поэтому ей нетрудно было услышать внушенные версии в письмах и мемуарах современников Пушкина: инсинуации Дантеса в воспоминаниях Трубецкого, отражение коварных сентенций Геккернадипломата в письме С. Н. Карамзиной, благородный голос Пушкина в сообщениях его секунданта.

Мастер художественной детали в своей поэтической работе, Анна Ахматова и в исследованиях по биографии Пушкина проявляет особую чуткость к подробностям жизненных ситуаций. Так, нарисованный чьей-то фантазией образ Александры Гончаровой совершенно не соответствует деталям, зафиксированным в подлинных материалах. Нам говорят, что Александрина не выезжала в свет, занимаясь хозяйством и воспитанием племянников,— Ахматова указывает на письмо Пушкина к графу Бобринскому. Поэт вынужден просить о приглашении на бал обеих его своячениц, так как упоминание в полученном приглашении только одной сестры Натальи Николаевны вызвало целую бурю в доме Пушкиных. Теперь, когда опубликовано свыше двадцати писем Александры Николаевны Гончаровой, это наблюдение подкрепляется их содержанием. Младшая из сестер так же часто выезжала, как старшая. Утверждают, что Александра была почитательницей творчества Пушкина, но в ее новонайденных письмах к родным, замечает Ахматова, говорится только о деньгах и видах на замужество. Тут, правда, можно внести коррективы на основании последней публикации. Александрина, действительно, когда жила еще в Полотняном заводе, писала Наталье Николаевне в 1832 году, чтобы та попросила мужа, «не будет ли он так добр прислать <...> третий том его собрания стихотворений». «Я буду ему за это чрезвычайно признательна»,— добавляет она. Из тех же писем мы узнаем, что Александрина любила чтение, понимала музыку: покупала брату Ивану ноты Шопена, Беллини и сама училась играть на фортепианах, находя в этом большую отраду. Но вот душевной близости с Пушкиным в ее письмах

никак нельзя обнаружить. После свадьбы Екатерины Александра ходит в гости в голландское посольство, несмотря на то что Пушкин ненавидел баронов до судорог и, нарушая все приличия, запретил Наталье Николаевне бывать у Геккернов. Мы знаем, каким глубоким горем была для Пушкина смерть матери, а вот как пишут об этом событии сестры Гончаровы: «Свекровь Таши в агонии, вчера у нее были предсмертные хрипы, врачи говорят, что она не доживет до воскресенья», — пишет Екатерина 27 марта 1836 года в конце веселого письма, наполненного шутками и сплетнями. Александра тоже сообщает о смерти Н. О. Пушкиной после перечисления множества светских новостей о свадьбах и помолвках: «Раз уж я сообщаю тебе новости, вот еще одна, но в другом роде. Свекровь Таши умерла на Пасхе; давно уже она хворала, эта болезнь началась у нее много лет назад. — И вот сестра в трауре; но нас это не коснется, мы выезжаем с княгиней Вяземской и завтра едем на большой бал к Воронцовым»\*.

Приведенных выдержек из писем достаточно, чтобы почувствовать, как далеко было от Пушкина многочисленное семейство Гончаровых с их насущными житейскими интересами.

И наконец, когда 15 лет спустя Александрина вышла замуж за барона Фризенгофа, она украсила столовую своего замка портретом своего зятя... но не Пушкина, а его убийцы. Кто же, кроме предубежденных людей, поверит после этого в любовь Александры Гончаровой к Пушкину?

Недаром Ахматова обратила внимание на замечание С. Н. Карамзиной о том, что обычным местом Александрины на ужинах у Карамзиной было место рядом с Аркадием Осиповичем Россетом. В новой публикации приведено письмо Натальи Николаевны 1849 года к П. П. Ланскому, где она рассказывает мужу: «...Россет пришел вчера пить чай с нами. Это давнишняя и взаимная любовь Сашиньки. Ах, если бы это могло кончиться счастливо... Прежде отсутствие состояния было препятствием. Эта причина существует и теперь, но он имеет надежду вскоре получить чин генерала, а с ним и улучшение денежных дел»\*\*. Вот, оказывается, с кем был роман у Александрины в ту пору, когда она жила в доме Пушкина.

Все эти материалы поддерживают версию Ахматовой о

\* Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. С. 246, 302, 305.

\*\* Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 198.

клеветническом замысле Геккерна пустить в свет сплетню по поводу неродственной близости Пушкина с Александринной.

Но главным ударом в непрерывной агрессии Геккерна была версия о женитьбе Дантеса для спасения чести Натальи Николаевны. «Я обращаю внимание моих слушателей на то,— записывает Ахматова, готовясь к докладу,— что Геккерны с самого начала (письмо голландского дипломата Загряжской) до самого конца или, вернее, после конца (письмо Андрея Карамзина) упрямо твердили одно и то же: „Помните, что вы делаете это, чтобы спасти своих“ (Геккерн), „Я сделал все, чтобы их спасти“ (Дантес Карамзину), когда для всех было ясно, что спасение заключалось в могиле великого поэта и весьма двусмысленной высылке только что овдовевшей женщины с четырьмя маленькими детьми».

Ахматова показывает, что частью этой игры в «спасение чести» жены Пушкина было ужасное письмо Дантеса, в котором он заявлял Наталье Николаевне, что «отказывается от каких бы то ни было видов на нее». Письмо было сочинено Дантесом по требованию Геккерна после совещания с «двумя высокопоставленными дамами» (*deux dames de la plus haute distinction*) (см. письмо Геккерна к Нессельроде 1/13 марта 1837 г. выше, с. 113). Это письмо посланник, по его словам, сам передал в руки Пушкиной.

В черновых заготовках Ахматовой, не вошедших в публикуемый нами текст, убедительно проанализированы последствия этой коварной игры «баронов». Сравнивая ноябрьское и январское письма Пушкина к Геккерну, Ахматова нащупывает «истинную причину» посылки картеля, т. е. гибели Пушкина, опираясь на вычеркнутые, прочитанные специалистами слова.

«Истинную причину своего бешенства,— замечает Ахматова,— Пушкин исключил из окончательного текста письма <XVI, 268, 426>, потому что она серьезно компрометировала Наталью Николаевну (представить ей гнусное поведение... как жертву <ее чести?>».) Слова эти целиком совпадают с письмом Вяземского к вел. кн. Мих. Павл.: «Но часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. Ничто ни в прошлом молодого человека, ни в его поведении относительно нее не допускает мысли ни о чем-либо подобном. Последствия это хорошо доказали, как ваше высочество ниже увидите. Во всяком случае, *это оскорбительное и неосновательное предположение дошло до сведения Пушкина и внесло*

новую тревогу в его душу». «Как крепко держался Геккери за эту версию,— продолжает Ахматова,— доказывается тем, что в письме к Нессельроде, когда уже все было кончено, т. е. после смерти Пушкина, посланник пишет: „...с тем высоконравственным чувством, которое заставило моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацию любимой женщины“».

Ахматова уточняет и данные о поведении Пушкина в последний трагический год. Уже говоря о неотразимом влиянии Дантеса на карамзинский салон, Анна Андреевна делает из этого интересный вывод: «Это мое наблюдение подает нам надежду, что Пушкин не так уж был „смешон“ и не бросался на каждого встречного и поперечного (о чем пишет Софи 29 декабря 1836 г.), чтобы рассказать ему о Дантесе\*. Сестра ее, Мещерская, с которой говорил Пушкин, не была ему первой встречной. Все это внушил Софи тот же Дантес, которого, естественно, рассказ Пушкина мало устраивал. Тем более что и само описание поведения Пушкина очень механично, в нем совершенно отсутствует элемент живого наблюдения и какой-то раз навсегда принятый пошловатый и небрежный тон—*chat tigre* грызет ногти и т. д.

Думаю так, потому что иначе неизбежно мы знали бы о неуместных с светской точки зрения „конфидансах“ Пушкина уже давно из других источников. Александру Ивановичу Тургеневу, с которым часто и подолгу беседовал в ту пору Пушкин, он ничего не рассказал, это видно из дневника Тургенева. Кроме того, образ поэта, который создает карамзинская переписка, слишком уж разнится от того, который восстает из донесений послов, находившихся тогда в России и большая часть которых были знакомыми Пушкина... Тургенев называет Пушкина одним из корифеев салонов Петербурга...»

Размышления Ахматовой наводят на дальнейшие сопоставления. Может быть, разговоры о неистовой ревности Пушкина тоже носили механический характер и не соответствуют облику поэта? Такие замечания, как «он ревнует свою жену из принципа», «он кажется обиженным за жену, что Дантес за ней больше

\* В рассказе А. В. Трубецкого, бывшего эхом Дантеса, слышны те же ноты: «...Пушкин действительно невыносим. Как теперь помню: на святках был бал у португальского, если память не изменяет, посланника. <...> Во время танцев я зашел в кабинет. <...> Вошел Пушкин. <...> „Полноте, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь; вот уж здесь ей не место“» и т. д. (*Щеголев*. С. 425).

не ухаживает», или откровения того же Трубецкого: «Пушкин вовсе не ревновал Дантеса к Наталье Николаевне»,— говорят о чем-то более сложном, хотя и искаженном в представлении враждебно настроенных людей. А разговор Пушкина с Е. Н. Мещерской, слышанный Софьей Николаевной? Он рассказывал Екатерине Николаевне «все настоящие и воображаемые подробности этой необыкновенной истории так, как будто это какая-то драма или новелла, не имеющая к нему никакого отношения». Разве это свидетельствует о «бешенстве обезумевшей ревности»? Скорее это говорит о пронизательности и самообладании Пушкина.

Среди черновиков исследования «Гибель Пушкина» находится список «добавлений № 1». В нем устанавливается «связь всех этих событий (семейной трагедии) с творчеством Пушкина». Ахматова находит ее даже в «Капитанской дочке». В неоднократно комментированной заключительной сцене повести Ахматова подмечает новые черты. Она прочла здесь отвращение Пушкина к Петербургу и его мечту о «заветном месте» в Царском Селе, т. е. о ландшафте его юности. Она замечает, что в последней художественной прозе Пушкина и стихотворении 1819 года «Царское Село» описано одно и то же место. И это дает Ахматовой ключ к истолкованию автобиографических мотивов в историческом повествовании.

«Желтый роброн повивальной бабки (отвращенье к нарядам)»,— пишет далее Ахматова. Мы идем вслед за ней и находим в последней главе повести ироническую характеристику «племянницы придворного истопника».

В том же 1836 году у Пушкина возникают с новой силой скептические мысли о супружеской верности: «По старом рогаче вдовицы плач амурный»—желчная строка из стихотворения «Когда за городом задумчив я брожу...» носит, по ее мнению, автобиографический характер.

Еще одна запись: «„Последний родственник“ о французах—жалкий народ». Ахматова имеет в виду «пастиш» (подделку) Пушкина «Последний из свойственников Иоанны Д'Арк», в которой потомок национальной героини вызывает на дуэль Вольтера за его сатирическую поэму «Орлеанская девственница». «Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма,—пишет Пушкин в этой литературной мистификации.—Никто не вздумал заступиться за честь

своего отечества... Жалкий век! жалкий народ!» Ненависть к Дантесу, возможно, навела Пушкина на размышления о связанных с творчеством Вольтера скептицизме и цинизме современных французов\*.

«Последнего из свойственников...» Ахматова связывает также со статьей Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», написанной почти одновременно: «Доказываю, что это такой же пастиш, как „Последний свойственник“». (Тема — *независимость поэта*). Как мы видим, это не случайные наблюдения Ахматовой, а органическая черта ее метода чтения. Сюда же относится толкование Ахматовой письма к К. Ф. Толю, написанного Пушкиным накануне дуэли. Темой переписки была «История Пугачева», но в свое письмо Пушкин вставил афоризм, вырванный из другого ряда его мыслей: «Истина сильнее царя»\*\*. Ахматова связывает это восклицание с последним «проступком» оскорбленного поэта: решающее письмо к Геккерну было уже послано, вопреки воле императора.

Таким образом, метод чтения Ахматовой дает ключ ко многим еще нерасшифрованным высказываниям Пушкина. Исследования в области биографии поэта тесно переплетаются у Ахматовой с анализом его произведений.

## 4

В своих статьях и заметках о творчестве Пушкина Анна Андреевна в значительной степени реализовала требования, предъявляемые ею к литературной критике — к той «прозе, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в

\* Ср. «Последнее новоселье» Лермонтова:

Мне хочется сказать великому народу:

Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок потому, что вера, слава, гений,  
Все, все великое, священное земли,  
С насмешкой глупою ребяческих сомнений

Тобой растоптано в пыли.

\*\* Пушкин указал, что процитировал это изречение из «Священного писания». Сходный текст содержится во второй книге Ездры, гл. 4, с. 35—41. См. интересные соображения Г. М. Воронцова-Вельяминова о поэме В. К. Кюхельбекера «Зоровавель», возбудившей интерес Пушкина к книге Ездры // *Вопр. лит.* 1983. № 4. С. 210—216.



ряде волшебных зеркал». Ее конкретные наблюдения пропитаны ее собственными взглядами на сущность поэтического труда, опираются на опыт своей работы, ее трактовка отдельных произведений Пушкина приближает к нашему современному сознанию творчество и жизненную трагедию гения уже далекой от нас эпохи. Так, в заметке, посвященной тем своим стихам, которые «как бы самозародились», она пишет: «В одних автор обречен слышать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочинить, в других — стук вагона, мешавшего ему их написать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цветов. Шиповник в цикле „Шиповник цветет“ действительно одуряюще благоухал в какой-то момент, связанный с этим циклом. Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады („сии живые воды“), конец которых еще застала я» (ГПБ)\*. Заметим: «слышу», а не «вижу», т. е. Ахматова улавливает в строфе Пушкина звук падающей воды.

В заметке, посвященной черновому варианту стихотворения Пушкина «Воспоминанье», она замечает: «Это тот *первый* слой, который поэты скрывают почти что от самих себя (об этом больше в другом месте)».

Утверждая, что Чарский из «Египетских ночей» похож на Пушкина 20-х годов, т. е. «холостого, неслужащего, сравнительно независимого поэта в зените славы», Ахматова добавляет: «Ведь мальчишки, альбомы, вопросы о новых произведениях — это и есть слава» — и тут же делает сноску: «Это и больше ничего. *Примечание для себя*» (ГПБ).

Приведенные примеры свидетельствуют об органической связи поздних пушкинских заметок Ахматовой с ее «Автобиографией» и другой прозой, над которой она работала в те же годы. В частности, можно указать на аналогию между заметкой о первом художественном импульсе к «Поэме без героя» со словами о царскосельских водопадах и благоухающем шиповнике. В марте

\* Речь здесь идет о строках седьмого стихотворения цикла Анны Ахматовой «Шиповник цветет»: «Шиповник так благоухал, Что даже превратился в слово» и о строках из седьмой строфы стихотворения Пушкина «Была пора: наш праздник молодой»:

Вы помните — как оживились вдруг  
Сии сады, сии живые воды,  
Где проводил он славный свой досуг.

1959 года Ахматова записала: «Эта поэма — своеобразный бунт вещей. <Ольгины> вещи, среди которых я долго жила, вдруг потребовали своего места под поэтическим солнцем. Они ожили как бы на мгновенье, но оставшийся от этого звук продолжал вибрировать долгие годы, ритм, рожденный этим шоком, то затихая, то снова возникая, сопровождал меня в столь не похожие друг на друга периоды моей жизни. Поэма оказалась вместительнее, чем я думала вначале. Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев...»\*

Итак, от произвольного воспоминания об Ольге Афанасьевне Судейкиной и осмыслений судьбы этой спутницы молодости пролегал путь к большому произведению, центральному в творчестве Анны Ахматовой 40—50-х годов. Художественный результат этого процесса был охарактеризован Анной Андреевной устно одной шуточной, но емкой по содержанию фразой: «Скажу по секрету: героиня поэмы — Эпоха, а не Судейкина»\*\*.

Во всех заметках Ахматовой четко прочерчивается граница между зарождением замысла и его завершением в искусстве. Зная «тайны ремесла», Ахматова сопоставляет «первый слой» стихотворения «Вновь я посетил...» с его окончательной редакцией и восхищенно восклицает: «И как с корнем все это вырвано из олимпийски спокойных и величавых „Сосен“!» Между тем первоначальные строки «Воспоминания» и так называемых «Сосен», т. е. стихотворения «Вновь я посетил...», в сочетании с ранним вариантом XV строфы 2-й главы «Евгения Онегина», со стихотворением «Коварность» и несколькими другими отрывками из «Онегина», позволяют Ахматовой уловить один и тот же протекающий мотив об изменившейся дружбе, клевете и каком-то кровавом оскорблении, нанесенном автору. Так устанавливается «тяжелый, ни в чем не растворимый сгусток», оставшийся у Пушкина от времен южной ссылки. Конфликт поэта с А. Н. Раевским, известный биографам Пушкина по линии Раевский — Воронцовы — Пушкин, осложняется, по выводам Ахматовой, еще одной линией: Раевский — Собаньская — Пушкин. Ахматова пишет: «Очевидно, эта волна мнительности и тяжелой депрессии, которую Пушкин пережил в Одессе, и которую воронцовско-

\* Цитирую по машинописной копии, подаренной мне Анной Андреевной. Имя Ольги зашифровано здесь тремя звездочками.

\*\* Записано А. В. Любимовой (ГЛМ).

раевская история (и еще какие-то неизвестные нам обстоятельства) обострила, если не вызвала, и которую он привез с собой в Михайловское (и там якобы от нее освободился — „Я помню чудное мгновенье“), снова, под влиянием черной мутной страсти, описанной в письме от 2 февраля <1830>\*, начала овладевать им. Но к его, а тем более к нашему счастью, эти страшные периоды не были отмечены молчанием его Музы. Наоборот! То, что он своими золотыми стихами описывал эти состояния, и было своеобразным лечением. Пушкин сам говорил об этом:

Поэзия, как ангел-утешитель,  
Спасла меня, и я воскрес душой.  
(«Вновь я посетил...», черн.)»

В устах Анны Ахматовой слова об очищающей и возвышающей силе искусства обладают особой убедительной силой.

В работах об истории гибели Пушкина Ахматова выступает как автор художественной концепции жизни поэта, находит сюжетный стержень для реконструкции этой части биографии поэта, что, конечно, не имеет ничего общего с беллетризацией литературоведения или с пресловутым жанром романа-биографии.

Ахматова-исследовательница ничего не привносит извне, а идет от анализа самого текста. Интуиция большого мастера помогает ей нащупывать ключевые фразы там, где их не слышат другие, находить их отзвуки там, куда не обратится строго логическая мысль исследователя другого типа. Все это дает неожиданный поворот для толкования всего произведения в целом, и даже отрывочные заметки Ахматовой часто оказываются плодотворными для развития дальнейшей исследовательской мысли специалистов. Таковы заметки о Мицкевиче и Пушкине в «Египетских ночах» в незавершенной работе «Две новые повести Пушкина».

Как подтверждается и наблюдением современного исследователя С. Ланды, в «Египетских ночах» действительно выведен Мицкевич. А в таком случае одна из главных коллизий «Египетских ночей» — свобода вдохновения поэта или «связь между собственным вдохновением и чуждой внешней волею» — имеет конкретные истоки в биографии Мицкевича. Становится понятным заключительный набросок в остатках рукописи Ахма-

\* Письмо к Каролине Собаньской.

товой: «Но у Пушкина свое решение проблемы импровизации. Или, вернее, „импр<овизатор>“ для него не решающий момент. „Ему неприятно было видеть поэта“ и т. д. Итальянец не только импровизатор. Тут дело в двух типах творчества» (ГПБ. Курсив мой.— Э. Г.).

Заметки А. А. Ахматовой о прототипе импровизатора в «Египетских ночах» дополняют историю сложных взаимоотношений двух великих поэтов.

В работе «Болдинская осень (8-я глава „Онегина“», останавливаясь на теме Пушкин—Собаньская—Закревская, ничего не прибавляя к уже известным фактам, Ахматова дает им новую острую трактовку. Сюда привлечены варианты стихов и прозаические отрывки Пушкина, и вот под пером Ахматовой проступают очертания одного из невоплощенных замыслов автора «Онегина» — образа «анти-Татьяны», «страшной, темной женской души».

Придирчивый читатель сочтет, пожалуй, что Ахматова делает слишком много уступок биографическому методу, и потребует дополнительной аргументации. Аргументы пришли уже после смерти Анны Андреевны.

В 1967 году появилась статья П. Казанцева о начале Пушкиным романа «Русский Пелам»\*. Исследователь приводит обширный документальный материал, рисующий подлинную жизнь «демоницы», почти преступной женщины, выведенной в «Русском Пеламе» под именем Анны Петровны Вирлацкой. Это может служить доказательством, что в своих догадках Ахматова шла по верному пути.

Обращаясь к книге Ахматовой о Пушкине, в которой собраны вместе завершенные и незавершенные статьи, заметки и наброски к новым работам, мы должны помнить, что это не обычная исследовательская работа, а книга *поэта* о поэте. Историко-литературный анализ сочетается здесь с интуитивным постижением творческого процесса Пушкина. Субъективное отношение к материалу, присущее большому художнику, во многих случаях дает возможность уловить в личности и творчестве Пушкина нечто не раскрытое ранее.

\* См. Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967.

Несмотря на спорность отдельных утверждений и концепций, статьи Ахматовой вносят свой особый вклад в изучение и восприятие Пушкина, его жизни и произведений. Вместе с тем они проливают свет на процесс ее собственной поэтической работы, приближают к пониманию ее творческой личности.

Исследовательские работы Анны Ахматовой предстают в этой книге как органическая часть ее литературного наследия.

*Э. Герштейн*

# ПРИЛОЖЕНИЯ



# I

## СНОВИДЕНИЕ

(Из воспоминаний Э. Г. Герштейн)

В самых последних числах мая 1951 года машина «неотложной помощи» доставила Анну Андреевну Ахматову в 5-ю Советскую больницу с диагнозом «предынфарктное состояние». В приемном покое она была еще на ногах — я с ней разговаривала. На следующий день, в воскресенье, я застала ее в изоляторе, Анна Андреевна лежала на спине, вытянувшись, молчаливая, с ужасной болью в груди. Меня она почти не узнавала.

Взволнованная медсестра что-то принесла и быстро побежала за дежурным врачом... Потом мы узнали, что именно в тот час произошел инфаркт миокарда — тяжелый, двусторонний.

Через несколько дней ее перевели в общую шестиместную палату. Анна Андреевна лежала у левой стены, на средней кровати и, по ее настоянию, лицом к окну, выходящему в сад.

Я все еще входила к ней с опаской. Но 5 июня (дата у меня записана) она обрадовала меня своим спокойным и веселым видом.

— А мне здесь представление показывали, — произнесла она беззаботно. Я недоумевала. — «Каменного гостя». — Где?! — Там, — она указала рукой на окно, за которым ветви деревьев почти касались стекла.

— Я теперь поняла, как надо играть и как надо говорить. Здесь все дело в Командоре. Монумент стоит на пьедестале, по бокам черного цвета, как бы два блестящих черных щита (она обрисовала руками), а посередине — серый, переходящий в алебастровый.

Статуя может быть в двух вариантах. Один такой: очень грузный, большой человек. Знаете, бывают такие большие мужчины с длинными усами, грубыми чертами лица, толстыми руками...

А другой вариант такой: тонкая длинная фигура уходит вверх так, что не видно головы. Голова упирается в небо и где-то там теряется.

— Этот вариант лучше, — говорю я.

— Как хотите.

И это вовсе не кладбище, а огромный купленный участок, никаких могил и гробниц здесь нет. А все актеры обычно тычут рукой и показывают, что здесь где-то похоронена «бедная Инеза». Это большой сад.



А Дона Анна должна быть вся в белом. Хотя у Пушкина и сказано: «под этим вдовьим черным покрывалом», но нам до этого дела нет. Здесь траур был белым.

— Ну а Дон Гуан какой?—спрашиваю я.

— Дон Гуана мне не показывали.

Она помолчала.

— Но когда он говорит с Лепорелло, он гуляет по этому роскошному зловещему саду и нарочно говорит так, как будто здесь очень уютно и ничего особенного.

Придя домой, я сразу записала поразивший меня рассказ Ахматовой. Единственная запись, которую я себе позволила за все время нашего знакомства с 1933 по 1966 год. Когда, выздоровев, Анна Андреевна пришла ко мне, я показала ей этот листок.

— Это не все. Там еще много было,—задумчиво сказала она.

## ПРОСМАТРИВАЯ «СЛОВО О ПУШКИНЕ»

(из дневника старшего редактора «Звезды»  
И. М. Басалаева.—ГПБ)

5 декабря 1961 года.

... Я сейчас подумала—может быть, вставить вот это. Мне Николай Николаевич (Пунин) еще рассказывал. В тридцать седьмом году—в годовщину гибели Пушкина—хотели снести памятник, тот, который назывался «банным»—на Пушкинской, там рядом бани... И вот, когда подъехал грузовик увезти памятник,—маленькие дети, играющие в садике, зашумели, не позволили, закричали: не дадим, не дадим, это наш Пушкин, мы тут играем... Те послушали, послушали и махнули рукой—не стали обижать ребят, уехали. Это же прелестно! Только надо еще проверить, действительно ли было это.

— Думаю, что, даже если и не было, великолепный сюжет.

— Хотелось бы знать все-таки...

Тут мне вспоминается и анекдот. Его кто-то рассказывал давно еще. Вот какой. Ехал некто из Михайловского. Тогда, конечно, не было еще ни автобусов, ни прочего. Ехал с ямщиком. Разговорились. «Значит, барин, от Пушкина едешь?»—«Да, ездил поклониться могиле его».—«Вот вишь ты, бывать, его весь уезд знает».—«Какое уезд! Его всюду знают».—«И в губернии знают?»—«Что в губернии! Его все знают!»—«Неужто и в столице?»—«Да его вся Россия знает, весь мир знает!»—«Скажи ты! А был наш скобарь!..\*»—Ведь поразительно! Такого о Пушкине я больше никогда не слыжала!

*Проверить достоверность эпизода с памятником Пушкину оказалось невозможным. Но творческое воображение Ахматовой, затронутое всплывшим в памяти давнишним рассказом Н. Н. Пунина, не успокаивалось. В 1963 году Ахматова написала маленький рассказ «Пушкин и дети». Как видно, он был ей дорог, потому что фигурирует во многих ее планах для разных изданий, иногда в составе «Пестрых заметок». 9 февраля 1965 года рассказ передавался по Ленинградскому телевидению в исполнении В. Э. Рецептера (по поручению автора). В тексте записи имеются разночтения с автографом, опубликованным в «Литературной газете» в 1974 году 1 мая.*

\* Скобарь—обидное прозвище псковичей.

Анна Ахматова

## ПУШКИН И ДЕТИ

Хотя Пушкин сам меньше всего представлял себя «детским писателем»\*, как теперь принято выражаться, хотя его сказки вовсе не созданы для детей и знаменитое «Вступление» к «Руслану» тоже не обращено к детскому воображению, этим произведениям волею судеб было суждено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми.

Все мы бесчисленное количество раз слышали от трехлетних исполнителей «кота ученого» и «ткачиху с поварихой» и видели, как палец ребенка тянулся к портрету в детской книге: и это называлось «дядя Пушкин»\*\*.

Нет и не было ни одной говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет. Стихи Пушкина дарили детям русский язык в самом совершенном его великолепии, язык, который они, может быть, никогда больше не услышат и на котором никогда не будут говорить, но который все равно будет при них, как вечная драгоценность.

В 1937 году, в юбилейные дни, соответственная комиссия постановила снять памятник Пушкину в темноватом сквере, поставленный в той части города, которая еще не существовала в пушкинское время, на Пушкинской улице в Ленинграде. Послали грузовик-кран — вообще все, что полагается в таких случаях. Но произошло нечто беспрецедентное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой рев, что пришлось позвонить куда следует и спросить, как быть. Ответили: «Оставьте им памятник» — грузовик уехал пустой.

Можно с полной уверенностью сказать, что у доброй половины этих малышей уже не было в то тяжелое время пап (а у многих и мам) — но охранять Пушкина они считали своей священной обязанностью.

\* Когда Пушкина попросили написать что-нибудь для детей, он пришел в столь свойственную ему ярость (цитата): <«Бабушка, Ваше сиятельство! побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне *sot*-действовать „Детскому журналу“? уж и так говорят, что я в детство впадаю». — Из письма Пушкина к В. Ф. Одоевскому. Декабрь, 1836 г. «*Sot*-действовать» — каламбурное обыгрывание французского слова *sot* — глупый».

\*\* «Конька-Горбунка» Ершова тоже все знают и любят. Однако я никогда не слышала «дядя Ершов». А вы?

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдесенко Ал. 290  
 Аврелий Виктор 198  
 Аддисон Д. 17, 42  
 Азадовский М. К. 267  
 Азин-Палацис 17  
 Аксаков И. С. 55  
 Александр I 38, 39, 40, 235, 250, 299, 313  
 Александра Федоровна, имп. 276  
 Аммосов А. 121, 283  
 Андроников И. Л. 328  
 Арапова А. П. 142, 145, 147, 148, 149, 152, 281, 293  
 Базилевич В. 300  
 Байрон Д. Н. Г. 38, 52, 57, 58, 77, 86, 109, 167, 174, 202, 234, 235, 242, 245, 246, 317, 319  
 Бальзак О. де 52, 88, 89, 254, 301, 302  
 Барант А. П. Б. 131, 280  
 Баратынский Е. А. 54, 58, 59—62, 66, 90, 91, 221, 222, 226, 292, 298, 324, 333  
 Барклай де Толли М. Б. 207, 256  
 Бартенев П. И. 75, 133, 142, 284, 286, 292, 309  
 Басалаев И. М. 291  
 Батюшков К. Н. 256, 257  
 Белинский В. Г. 92  
 Белый А. 251  
 Бельчиков Н. Ф. 274  
 Бенкендорф А. Х. 31—33, 113, 114, 121, 122, 124—126, 133, 188, 191, 222—224, 256, 277, 283, 285, 302, 337, 339, 340  
 Бенъян Д. 307  
 Берковский Н. Я. 270, 297  
 Бестужев А. А. (Марлинский) 325  
 Бильбасов В. А. 291  
 Бируков А. С. 36  
 Благой Д. Д. 238, 307  
 Бобринская (урожд. Самойлова) С. А., гр. 114, 143, 276, 286, 340  
 Бобринский 147  
 Бойко К. А. 264  
 Бомарше П. 301  
 Бонди Н. В. 275  
 Бонди С. М. 27, 193, 227, 247, 267, 270, 303—305, 313, 320, 321  
 Боткин В. П. 14  
 Браиловский С. Н. 196  
 Бреверн А. И. 331  
 Буало Н. 245—247  
 Булгаков А. Я. 75, 121, 277, 283  
 Булгакова Е. С. 292  
 Бульвер-Литтон Э. Д. 75, 250  
 Бутурлин М. Д. 258, 259  
 Бухштаб Б. Я. 320  
 Бюллер Ф. А., бар. 125  
 Ваккендорф В. 238, 239  
 Валуев П. А. 117, 127  
 Валуева (урожд. Вяземская) М. П. 112, 117, 274, 331, 332  
 Вандаля Б. Ж. де, гр. 150  
 Васильчикова А. И. 129  
 Вацуро В. Э. 234, 315, 317  
 Вергилий 178  
 Вересаев В. В. 274, 293  
 Верстолк ван Сулен Ж. Ж., бар. 136, 340  
 Верховский Ю. 297  
 Вигель Ф. Ф. 74, 302  
 Виельгорский М. Ю., гр. 125, 126  
 Вильгельм, принц Оранский 287  
 Вильсон Д. 297  
 Виноградов В. В. 291, 311, 321  
 Виноградов Н. 51  
 Винокур Г. О. 67  
 Виньи А. де 237  
 Витгенштейн П. Х., кн. 282  
 Витт И. О. 188  
 Вольпе Ц. С. 319  
 Вольтер 31, 234, 244, 245  
 Волконский С. Г. 269  
 Вордсворт В. 319  
 Воронцов М. С. 227, 309, 339  
 Воронцов-Вельяминов Г. М. 347  
 Воронцова Е. К., гр. 211, 309  
 Вревская Е. Н., бар. 119, 133, 134, 280, 289, 292

- Всеволожский Н. В. 197  
 Вульф А. Н. 34, 291  
 Вяземская В. Ф., кн. 59, 102, 132, 145, 186, 259, 274, 284, 286, 288, 292, 301, 331, 336, 343  
 Вяземская М. П., см. Валуева М. П.  
 Вяземская Н. П. 286  
 Вяземский П. А., кн. 53—66, 75, 80, 82, 87, 88, 92, 94, 114, 119, 121, 127, 130—133, 135, 138—140, 142, 169, 176, 186, 187, 196, 213, 222, 223, 229, 250, 253, 255—257, 266, 274, 276—278, 280, 282, 283, 286, 287, 289, 292, 295, 297, 301, 302, 304—306, 310, 311, 332, 333, 334, 337, 338, 339, 344  
 Гагарин И. С., кн. 274  
 Гагарин Л. П., кн. 127  
 Гейне Г. 305  
 Геккерн Л., бар. 110—117, 119, 121, 123—126, 130, 132—134, 136, 139, 140, 142, 148, 150, 272, 273, 276, 278, 280, 283, 285—287, 290, 329, 331, 334—341, 344, 345  
 Герцен А. И. 229, 314  
 Гете И. В. 174  
 Гиллельсон М. И. 80, 238  
 Гинзбург Л. Я. 320, 323, 324  
 Гитович А. 320  
 Глаголев А. 305  
 Глазунов А. 13  
 Гнедич Н. И. 156  
 Гогенлоэ-Кирхберг Х.Л.Ф.Г., кн. 121, 329  
 Гоголь Н. В. 250  
 Гозенпуд А. А. 320  
 Голицын В. С., кн. 89  
 Голицина, кн. 203  
 Головин А. В. 310  
 Гончарова А. Н. 116, 119, 136—140, 142—148, 149, 151, 281, 291, 293, 340, 342, 343, 344  
 Гончарова Е. Н., см. Дантес-Геккерн Е. Н.  
 Гончарова Н. И. 102, 143, 181  
 Гончарова Н. Н., см. Пушкина-Ланская Н. Н.  
 Гораций Квинт Флакк 178, 198, 243, 263  
 Горчаков Дм., кн. 255, 256  
 Грессе 248  
 Греч Н. И. 269  
 Грибоедов А. С. 256, 257  
 Гримм, бр. 43  
 Гуковский Г. А. 317  
 Гурьев Д. А. 75  
 Гюго В. 237  
 Данзас К. К. 121, 133, 140, 283, 290, 311  
 Дантес Ж. Ш. 111, 112, 114, 115—118, 120, 122—143, 146—149, 272—274, 277, 279, 280, 282, 286—291, 292, 311, 329, 334—337, 341, 342, 344—346  
 Дантес-Геккерн Е. Н. 112, 116, 119, 121, 129, 130, 132, 134, 136, 138, 140, 144, 146, 147, 150, 151, 273, 274, 281, 287, 293, 311, 329, 331, 337  
 Д'Аршиак О. 119, 124, 133, 281, 283, 285, 289, 290  
 Дапонте 93, 98, 100  
 Дашкевич Н. П. 51, 80  
 Дашков Д. В. 14, 15  
 Дельвиг А. А. 58, 59, 253, 310  
 Дельвиг А. И. 310  
 Дементьев М. А. 335, 343  
 Державин Г. Р. 28, 179, 304  
 Дмитриев И. И. 176, 177, 299  
 Дмитриев-Мамонов М. А. 128, 225, 229, 230, 286, 312, 314, 324  
 Долгополов М. 291  
 Долгоруков Д. И., кн. 14, 15  
 Долгоруков И. М., кн. 14  
 Долгоруков П. В., кн. 75, 118, 126, 127, 338, 339  
 Досифей, архимандрит 325  
 Достоевский Ф. М. 166, 253, 254, 295, 320, 323, 341

- Екатерина II, имп. 114, 235  
Елена Павловна, вел. кн. 35  
Ершов П. П. 36, 45, 46, 359  
Жанлис С.-Ж. 63  
Жемчужников Л. 294  
Жирмунский В. М. 291, 320  
Жихарев М. 128, 339  
Жуковский В. А. 58, 61, 92, 94, 114,  
121, 122, 123, 130, 131, 146, 147,  
266, 267, 284, 287, 288, 292, 305,  
333, 337, 339, 340  
Завадовская Е. П. 55  
Загряжская Е. И. 112, 130, 148, 344  
Загряжская Н. К. 203, 253, 254  
Закревская А. Ф. 195, 201—203,  
219, 221, 222, 225, 226, 228, 230,  
231, 324  
Западов А. В. 320  
Зенгер Т. Г., см. Цявловская Т. Г.  
Измайлов Н. В. 160, 295, 306, 329,  
330  
Инзов И. Н. 227  
Ирвинг В. 8, 11—17, 21—26, 37,  
39, 41—43, 47, 48, 235, 319  
Исаченко А. В. 281  
Искра И. 158  
Каверин П. П. 188  
Казанович Е. 305  
Казанский Б. В. 275, 284, 287, 321,  
337  
Казанцев П. 351  
Калашникова (в замуж. Ключарева)  
О. М. 171, 298  
Кальдерон де ла Барка 271  
Караганова 291  
Карамзин Ал-р Н. 111, 143, 272,  
285, 286, 288, 293, 337  
Карамзин Андр. Н. 111, 131, 132,  
139, 143, 272, 273, 288, 311, 330,  
344  
Карамзин Н. М. 33, 34, 53, 176  
Карамзина (Шернваль-Демидова)  
А. К. 330  
Карамзина Е. А. 218, 228, 329  
Карамзина С. Н. 112, 136, 137—  
139, 143, 144, 288, 292, 293, 311,  
329, 333, 342, 343, 345, 346  
Катенин П. А. 28, 255  
Кауфман П. фон 342  
Керн А. П. 103, 181, 218, 225, 311  
Кирпичников А. И. 291  
Клингер М. Ф. 10, 264  
Козмин Н. К. 59, 60, 237  
Колардо Л. 127, 128, 339  
Колосова А. М. 99  
Комовский Н. М. 27  
Констан Б. 51, 53, 56—60, 63, 64,  
66, 67, 69, 70—72, 76, 77, 79, 80,  
88, 180, 192, 269, 299, 320  
Корнель П. 247  
Корсак Ю. 304  
Корф М. А. 75, 120, 282  
Котген М. 63, 88  
Кочубей В. Л. 158  
Красовский А. И. 36  
Крачковский И. Ю. 16  
Кржевский Б. А. 15  
Крылов И. А. 28, 256, 305  
Крюднер (Крюденер) В.-Ю. 39, 63,  
88  
Кутузов М. И. 157, 158  
Кюхельбекер В. К. 347  
Лагренэ де 218, 219, 222, 225, 226,  
324  
Ланда С. С. 300, 306, 350  
Ланской П. П. 142, 147, 151, 343  
Левенштерн В. И., бар. 285, 333  
Левкович Я. Л. 282  
Лермонтов М. Ю. 55, 252, 329, 338  
Лернер Н. О. 51, 59, 80, 237, 295  
Лесаж 99  
Лессинг Г. Э. 175  
Липранди И. П. 158  
Лобанов М. Е. 88  
Лобанов-Ростовский М. Б. 127,  
286, 338  
Лотман Ю. М. 229, 312  
Лукницкий П. Н. 317  
Львова Н. 322  
Любимова А. В. 293, 333

- Лютцероде К. Т. 286, 333  
 Лямкина Е. И. 293, 333  
 Мазепа И. С. 158  
 Майков Л. Н. 34, 309  
 Макагоненко Г. П. 320  
 Мандрыкина Л. А. 317  
 Мария Антуанетта 191  
 Мария Павловна (Веймарская),  
 вел. кн. 287  
 Маркевич Б. М. 202, 205, 308  
 Матюрен Р. 57, 300  
 Медведева-Томашевская И. Н. 321  
 Мейлах Б. С. 309  
 Мейндорф 114  
 Мельгунов С. 238  
 Метман Л. 149  
 Меттерних К.В.Л. 110, 286  
 Мещерская (Карамзина) Е. Н. 112,  
 225, 288, 334, 345, 346  
 Мильтон Д. 234, 237, 238, 347  
 Михаил Павлович, вел. кн. 121,  
 278, 280, 282, 289, 332, 337, 344  
 Мицкевич А. 179, 180, 196, 197,  
 216, 225, 300, 304—306, 320, 350  
 Модзалевский Б. Л. 10, 41, 56, 243,  
 278, 333  
 Модзалевский Л. Б. 67  
 Молина Тирсо де 298  
 Мольер Ж. Б. 93, 95, 96, 102, 106,  
 278  
 Моцарт В. А. 95, 99, 102, 106, 165  
 Мусина-Пушкина Эм. К. 114, 121,  
 130—132, 139, 277, 280, 283, 289,  
 333  
 Мюссе А. 99, 100, 186, 301, 302  
 Наполеон I Бонапарт 43, 158, 250  
 Нарышкин Д. П. 128, 129  
 Нащокин П. В. 33, 34, 75  
 Невелев Г. А. 326  
 Нельсон Г. 157  
 Нерон 203  
 Нессельроде К. В., гр. 114, 133,  
 275, 278  
 Нессельроде М. Д., гр. 7, 74, 75,  
 114, 143, 161, 263, 277, 344, 345  
 Нефедьева А. И. 290  
 Никитенко А. В. 36, 55  
 Никитин М. М. 319  
 Николай I 8, 29, 34, 38, 39, 113,  
 114, 120, 121, 123, 125, 133, 134,  
 159, 230, 235, 252, 257, 276, 280,  
 282, 283, 285, 289, 303, 328, 329,  
 337  
 Ободовская И. М. 335, 343  
 Овидий Назон Публий 177, 178  
 Овчинников Р. В. 252  
 Одоевский В. Ф. 126, 284, 304, 359  
 Одынец А. Э. 304  
 Оксман Ю. Г. 31, 291, 320  
 Оленин А. Н. 311  
 Оленина А. А. 221, 223, 226, 229,  
 230—232, 308, 311, 312, 314  
 Оленина Е. М. 226, 311  
 Орлов Вл. 304, 320  
 Орлов М. Ф. 212, 213, 229  
 Орлова Ек. Н., см. Раевская Ек. Н.  
 Осипова П. А. 102, 129, 279, 286,  
 291  
 Павлицева О. С. 138  
 Паганини Н. 305  
 Панчулидзева С. А. 274, 282  
 Перовский А. А. 119  
 Пестель П. И. 257  
 Петр I 235  
 Петроний 206  
 Пирлинг П. О. 274  
 Планш Г. 52  
 Плетнев П. А. 33, 54, 58, 59, 103, 266  
 Плутарх 206  
 Погодин М. П. 61, 196  
 Полевой Кс. А. 194  
 Полевой Н. А. 11, 35, 55, 57, 87,  
 304  
 Полетика И. Г. 138, 140—142, 149,  
 263, 291, 341  
 Полторацкая 162  
 Полторацкий А. 310  
 Поляков А. С. 274, 276, 285  
 Поп А. 176, 177  
 Прийма Ф. Я. 312

- Пугачев Е. И. 34—36  
Пумпянский Л. В. 251  
Пунин Н. Н. 357  
Путята Н. В. 128  
Пушкин А. А. 149  
Пушкин Г. А. 149  
Пушкин Л. С. 125  
Пушкин С. Л. 12, 144, 336  
Пушкина Н. О. 343  
Пушкина-Ланская Н. Н. 108, 111, 114—120, 122—125, 128—130, 134, 135, 137, 140, 144—149, 179, 193, 217, 257, 272, 276, 280, 281, 293, 331—337, 340—346  
Пшецлавский Ю. 300  
Радищев А. Н. 27, 43  
Раевская Ек. Н. 213, 277  
Раевский А. Н. 180, 185, 187, 209, 210, 212—216, 222, 223, 227, 284, 299, 302, 309, 349  
Раевский В. Ф. 179, 209  
Раевский Н. А. 151, 281, 293  
Разумовская М. Г., гр. 112, 134, 277  
Раменский Ал. Ал. 158  
Растрелли Б. К. 235  
Рецептер В. Э. 358  
Рихтер Ж.-П. 305  
Ричардсон С. 65  
Роджерс 52  
Родзевич С. И. 55  
Розен Е. Ф., бар. 161  
Ройе-Коллар 53  
Россет А. О. 147, 343  
Россет К. О. 285  
Руссо Ж.-Ж. 64, 320  
Рылеев К. Ф. 157  
Сальери А. 165  
Сафо 300  
Селиванов К. 39  
Семевский В. И. 53  
Семевский М. И. 289  
Семенко И. М. 185, 217, 291, 300  
Семенов-Тяньшанский А. П. 243  
Сент-Бев Ш. О. (псевд. И. Делорм) 51, 236, 237, 242  
Сиповский В. В. 10  
Сисмонди Ж.Ш.Л. 87  
Скотт В. 158, 295  
Слонимский А. 28  
Смирдин А. Ф. 31, 45  
Смирнов Н. М. 119, 121, 282, 283, 291  
Смирнова (Россет) А. О. 55, 252, 253, 285  
Собаньская К. А. 54, 167, 168, 179, 180, 181, 183, 185—188, 190—192, 197, 200, 205, 211—213, 216, 217, 221, 225, 226, 228, 231, 300, 302, 306, 349, 350  
Соболевский С. А. 221  
Соллогуб В. А. 115, 129, 277, 279, 284, 285  
Соломина М. Г. 149  
Софокл 160  
Сталь А.Л.Ж. де 53, 57, 62, 63, 305  
Стендаль 51, 63, 64  
Строганов Г. А., гр. 130, 136, 140, 148  
Суворов А. В. 235  
Суворова, кн. 120, 282  
Судейкина О. А. 349  
Сумцов Н. Ф. 25  
Сухотин П. 297  
Талейран Ш. М. 110  
Татарина 39  
Тацит К. 206  
Теннер Д. 11  
Тик Л. 238  
Тибо 125  
Титов В. П. 200, 204, 218—222, 227, 228, 238, 252, 261, 294, 310, 322, 324  
Томашевский Б. В. 53, 63, 67, 154, 235, 294, 307, 308, 314, 319—321, 325, 326  
Толстой Л. Н. 172, 208, 307  
Толстой Ф. И. (Американец) 212, 310, 314  
Толь К. Ф., гр. 290, 347  
Труайя А. 335



- Трубецкой А. В., кн. 114, 139, 140, 142, 143, 277, 291, 310, 342, 345, 346
- Тургенев А. И. 35, 52, 56, 57, 60, 64; 112, 113, 119, 132, 176, 248, 269, 279, 281, 287, 288, 290, 332, 333, 338, 345
- Тургенев С. И. 14
- Тынянов Ю. Н. 28, 319
- Тютчев Ф. И. 275
- Уваров С. С. 330
- Ушакова Ек. Н. 162
- Фикельмон Д. Ф., гр. 111, 118, 120, 130, 179, 200, 204, 272, 273, 277, 282, 306, 332, 333
- Фикельмон К. Л., гр. 286, 333
- Филимонов В. С. 255, 256
- Фридрих II 191
- Фризенгоф А. Н., бар., см. Гончарова А. Н.
- Фризенгоф Г.В.Ф., бар. 145, 151, 343
- Харджиев Н. И. 128, 294, 318, 319
- Хилкова Е. М. 53, 54, 196, 225
- Хмельевская Е. М. 273
- Ходасевич В. Ф. 252, 327
- Хомяков А. С. 305
- Церетелли О. Ф. 243
- Ципринус 300
- Цявловская (Зенгер) Т. Г. 162, 180, 184, 208, 228, 270, 276, 280, 284, 295, 296, 299, 308, 310, 312, 314, 319—321
- Цявловский М. А. 252, 253, 280, 308, 319, 335, 336, 337
- Чаадаев П. Я. 127, 128, 339
- Шатобриан Р. 51, 57, 63
- Шаховской А. А. 197, 212, 257, 310
- Шевырев С. П. 238
- Шекспир У. 97, 198, 306, 317
- Шенье А. 201, 205, 241—243
- Шимановская М. 183, 300
- Шопен Ф. 342
- Шувалова С. А. 186
- Щеголев П. Е. 7, 112, 115, 125, 131—134, 136, 139, 140, 142, 143, 146, 147, 263, 273—278, 280—283, 285—293, 300, 321, 340
- Щеголева В. А. 321
- Эйдельман Н. Я. 283, 287
- Эйхенбаум Б. М. 318, 320
- Энгельгардт Б. 321
- Языков А. М. 27, 36, 299
- Яковлев Н. В. 41
- Якубович А. И. 204
- Якубович Д. П. 57, 238, 319
- Якушкин В. Е. 41
- Яшин М. И. 282, 291, 292

## УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Александр Радищев 28, 43
- Анджело 48
- Андрей Шенье 241
- Арап Петра Великого 70, 73, 74, 82, 83, 253
- Баратынскому 241
- Барышня-крестьянка 66, 73, 82, 171, 249
- Бахчисарайский фонтан 90
- Бова 26, 40
- Борис Годунов 33, 73, 74
- Будрыс 199
- «Была пора: наш праздник молодой...» 255
- <В. Л. Давыдову> 241
- «В начале жизни школу помню я...» 234
- «Вновь я посетил...» 208, 215, 216, 257, 349, 350
- Воевода 199

- Вольность 330  
Воспоминание 104, 156, 188, 211,  
215, 233, 302, 311, 348, 349  
Воспоминания в Царском Селе 234  
Выстрел 101, 102, 105, 171, 172,  
197, 221  
Гавриилиада 187, 230, 255, 256,  
267, 302  
Гасуб 67  
Герой 241  
«Город пышный...» 311  
Гости съезжались на дачу 73, 74,  
201, 203, 204, 205, 252, 334  
Граф Нулин 246  
Гробовщик 171, 172  
19 октября 1827 157  
Деревня 245  
Домик в Коломне 90, 91, 160, 197,  
248, 249, 257, 327  
Дорожные жалобы 160  
Друзьям 241  
Дубровский 65, 74, 313  
Евгений Онегин 33, 56, 57, 67, 69,  
73, 77, 78, 81, 82, 84, 87, 90, 103,  
107, 158, 161, 162, 176, 184, 187,  
189, 190, 192, 193, 195, 200, 202,  
204, 206, 207, 208, 211, 212—216,  
226, 229, 231, 244, 247, 255, 257,  
268, 269, 299, 300, 306, 308, 310,  
313, 323, 324, 348  
Египетские ночи 94, 194, 197, 200,  
249, 303—305, 307, 348, 350, 351  
Езерский 17, 31, 73, 252, 268  
Ее глаза 310, 313  
Ек. Н. Ушаковой 162  
Заклинание 245  
Зимнее утро 242, 250  
История Петра Великого 33  
История Пугачева 34, 313, 347  
История села Горюхина 11  
Кавказский пленник 90, 91, 240  
«Как весенней теплою порою...» 40  
Каменный гость 80—87, 90—92,  
96—98, 101—108, 165, 166, 168,  
169, 172, 173, 182, 184, 193, 236,  
243, 260, 267, 269, 270, 297, 302,  
306, 323, 355  
Капитанская дочка 255  
К бюсту завоевателя 38  
Кирджали 194, 197  
К Каверину 247  
Клеопатра 201, 204, 223, 228, 308,  
314  
К моей чернильнице 240  
К молодой вдове 107  
Коварность 209, 211—213, 216,  
227, 348  
К Овидию 178  
«Когда в объятия мои...» 104  
«Когда за городом задумчив я хо-  
жу...» 247, 346  
«Когда твои молодые лета...» 69  
Конрад Валленрод 199  
К\*\*\* («Зачем безвременную ску-  
ку...») 248  
К Чаадаеву 244  
Маленькие трагедии 90, 91, 104,  
165, 231  
Мария Шонинг 171  
Медный всадник 31, 39, 90, 91, 104,  
154, 161, 199, 226, 246, 250—252,  
326—328  
Метель 80, 171—173  
Моцарт и Сальери 28, 260, 390  
Моя родословная 32, 74, 326, 328  
Мы проводили вечер на даче 199,  
200, 203—206, 227, 228, 257, 307,  
311  
На углу маленькой площади 68, 69,  
71—74, 87, 195, 201, 323  
«Не пой, красавица, при мне...»  
104, 166  
Несмотря на великие преимуще-  
ства (отр.) 303  
«Нет, я не дорожу...» 104, 236  
Noël 38  
О Мильтоне и Шатобриановом пе-  
реводе «Потерянного рая» 237,  
238, 305, 347  
«Он между нами жил...» 40, 199

- Отрывок 1830 г. («Когда порой воспоминанье...») 155, 156, 159, 160, 161, 194, 197, 214, 226, 260, 303, 310, 317, 325
- Паж 176, 178, 186, 301, 302
- Пиковая дама 74, 170, 194, 250, 253, 298, 312, 327
- Пир во время чумы 28
- Повести Белкина 11, 169, 170, 173, 194, 297, 322
- Повести из римской жизни 203
- Погасло дневное светило
- «Поедем, я готов...» 67
- Полководец 207, 322
- Полтава 33, 157, 159, 162, 170, 224, 270
- Последний свойственник Иоанны Д'Арк 237, 346, 347
- Поэт 243
- Предчувствие 232, 311
- Признание 82
- Разговор книгопродавца с поэтом 240
- Родословная Пушкиных и Ганнибалов 74
- Роман в письмах 65, 66, 73, 202, 204, 230
- Роман на кавказских водах 74, 204
- Рославлев 66, 229
- «Румяный критик мой...» 324
- Русалка 105, 168, 173, 193, 270
- Руслан и Людмила 47, 240, 359
- Русский Пелам 66, 197, 201, 203, 204, 351
- «С Гомером долго ты беседовал один...» 240
- Сказка о золотом петушке 10, 18, 25—29, 32, 37—44, 47, 48, 90, 235, 257, 264, 266, 267, 319, 323
- Сказка об Илье Муромце 40
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 29, 50
- Сказка о рыбаке и рыбке 27, 43
- Сказка о царе Салтане 25
- Скупой рыцарь 104
- Сраженный рыцарь 47
- Стансы 1826 158
- Станционный смотритель 73, 89, 170, 201
- Старый муж 330
- Ты и вы 311
- Ты и я 38
- Уединенный домик на Васильевском 153, 218—222, 228, 230, 231, 252, 261, 294, 307, 311, 313, 324, 325—327
- Участь моя решена. Я женюсь... 76, 170
- Цезарь путешествовал 204, 206
- Цыганы 170, 240
- Что в имени тебе моем? 180, 300
- Я помню чудное мгновенье 350

# СОДЕРЖАНИЕ

## СТАТЬИ

### I

Слово о Пушкине .....	7
Последняя сказка Пушкина .....	10
«Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...»: <i>Комментарий</i> .....	41
«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина .....	51
«Каменный гость» Пушкина .....	90

### II

Гибель Пушкина .....	110
Александрина .....	136
Пушкин и Невское взморье .....	153

## ЗАМЕТКИ

«Каменный гость» Пушкина. <i>Дополнения 1958—1959 годов и заметки для новой редакции</i> .....	165
Болдинская осень (8-я глава «Онегина»).....	176
Две новые повести Пушкина .....	194
О XV строфе второй главы «Евгения Онегина», о мании преследования (хандре), посвящении в шпионы (о «мнимой дружбе») и первом слое стихотворения «Вновь я посетил...» («милые южные дамы») .....	208
Пушкин в 1828 году .....	218
Пестрые заметки .....	234
<i>Примечания</i> .....	260
<i>Э. Г. Герштейн. Ахматова - пушкинистка</i> .....	316
<i>Приложения</i> .....	353
<i>Именной указатель</i> .....	359
<i>Указатель произведений А. С. Пушкина</i> .....	364

*Анна Андреевна Ахматова*

**О ПУШКИНЕ**

Статьи и заметки

Редактор *О. Б. Федорова*

Художественный редактор *Е. А. Родионова*

Технический редактор *Е. И. Полякова*

Корректор *В. А. Коротаева*

ИБ № 1846

Сдано в набор 30.03.89. Подписано в печать 24.08.89. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Баскервиль». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 16,15. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4770. Заказ № 573. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Книга»,

125047, Москва, ул. Горького, 50.

Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати.

113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате

Государственного комитета СССР по печати.

150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

**Ахматова А. А.**

**A95 О Пушкине: Статьи и заметки.— М.: Книга, 1989.— 367 с.**

**ISBN 5-212-00207-09**

Третье, исправленное и дополненное издание книги выходит в серии «Пушкинская библиотека». Издание приурочено к 100-летию со дня рождения Анны Ахматовой, которая в течение 40 лет занималась изучением жизни и творчества Пушкина.

**A 4702010201-104**  
**002(01)-89** Без объявл.

**ББК 83.3Р1.**

